

РИК РИОРДАН

Перси Джексон

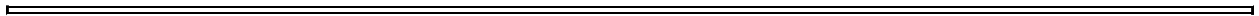
И МОРЕ ЧУДОВИЩ

Annotation

Приключения Перси Джексона продолжаются! Не всегда они заканчиваются победами, бывает, и бедами. Вот и на этот раз после очередной порции приключений Перси возвращается в Лагерь полукровок, а там... В лагере его ждут проблемы. Магическое дерево Талии, в которое заключена душа дочери Зевса, отравлено, оно умирает, а ведь именно его магия защищала лагерь от злых чудовищ. Мало того, мудрый кентавр Хирон оклеветан и изгнан из лагеря. Перси посещают видения, из которых становится ясно, что для спасения лагеря нужно добыть золотое руно, хранящееся на острове циклопа Полифема в Море чудовищ. И Перси отправляется в путь...

- [Рик Риордан](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

Рик Риордан

«Перси Джексон и Море чудовищ»

Глава первая

Мой лучший друг выбирает подвенечное платье

Мой кошмарный сон начался так.

Я стоял на безлюдной улице маленького прибрежного городка. Полночь. Злобно завывал ветер. Ураган и ливень трепали пальмы, цепочкой тянущиеся вдоль тротуара. Окна в облицованных розовой и желтой штукатуркой домах были закрыты наглухо. В квартале от меня, за кустами гибискуса, пенился и ходил ходуном океан.

«Флорида», — подумал я.

Хотя понятия не имел, откуда мне это известно. Я никогда не был во Флориде.

Затем я услышал стук копыт по мостовой. Я обернулся и увидел своего друга, который мчался ко мне во весь опор.

Да, я сказал «копыт».

Мой друг Гроувер — сатир. Верхняя часть его туловища вполне обычная, как у нормального прыщавого и угреватого паренька, лицо с пробивающейся козлиной бородкой. Он ходит странной прихрамывающей походкой, но если, чисто случайно, вы застанете его без штанов (только не думайте, что я вас на это толкаю!), вот тогда вы поймете, что же в нем нечеловеческого. По жизни он, конечно, носит мешковатые джинсы и бутафорские конечности, скрывающие волосатые бедра и копыта.

Гроувер был моим лучшим другом в шестом классе. Однажды вместе со мной и девушкой по имени Аннабет он отправился спасти мир, но вообще же я не видел его с прошлого июля, когда Гроувер в одиночку пустился в опасный поиск — поиск, из которого ни один сатир живьем не возвращался.

Однако в моем сне козлиный хвост Гроувера свободно высовывался из штанов, а свои человеческие туфли он нес в руках, как делал всякий раз, когда надо было бежать быстрее. Под перестук копыт он быстро миновал туристические лавочки и магазины, где можно взять напрокат доски для серфинга. Ветер, налетавший порывами, пригибал верхушки пальм почти до самой земли.

За Гроувером гналось нечто, повергавшее его в ужас. Шерсть сатира облепили комья мокрого песка. Ему нужно было свернуть с прибрежной полосы. Кажется, он откуда-то сбежал. И теперь пытался спастись от своего преследователя.

Пробирающий до костей грозный рев заглушил даже завывание бури. В дальнем конце квартала за спиной Гроувера маячила какая-то темная фигура. Она тяжело врезалась в уличный фонарь, посыпался сноп искр.

Гроувер спотыкался от страха и скулил: «Нужно убежать! Нужно их предупредить!»

Я не видел, что именно преследует Гроувера, но слышал, как оно ворчит и сыплет проклятиями на все лады. Когда тварь приблизилась, земля затряслась. Гроувер метнулся за угол и скрылся из виду. Он забежал в тупик, во внутренний двор, где было полно магазинов. Возвращаться уже некогда! Ближайшую дверь распахнуло порывом ветра. Темная вывеска над ней гласила: «Салон для новобрачных Св. Августина». Гроувер пулей ринулся внутрь, петляя между вешалками с нарядами для невест и женихов.

Чудовище просунуло голову в дверь. Теперь я отчетливо видел его тень. Но главное, я почувствовал запах: тошнотворное сочетание мокрой овечьей шерсти, гнилого мяса и тот чудной кисловатый запах, который всегда исходит от монстров, как от тех вонючек, которые питаются только мексиканской едой.

Гроувер трясся, спрятавшись за подвенечными платьями. Тень чудовища прошла мимо.

В наступившей тишине слышался только шум дождя. Гроувер тяжело перевел дыхание. Возможно, тварь убралась.

Молнии продолжали сверкать в небе. И тут тишина взорвалась от чудовищного голоса: «МОЕ!»

* * *

Я резко подскочил, словно меня ударило током, и сел в кровати, пытаюсь унять дрожь в теле.

Никакой бури, никаких монстров.

Сквозь окно моей спальни просачивался утренний свет.

Я увидел, как за стеклом мелькнула тень, похожая на человеческую. Но затем в дверь спальни постучали, раздался мамин голос: «Перси, опоздаешь», — и тень за окном исчезла.

Мало ли что может померещиться! Окно на пятом этаже когда-то было аварийным пожарным выходом... но не думаю, чтобы там мог кто-то прятаться.

— Давай, давай подымайся, дорогой, — снова слышался мамин

голос. — Сегодня последний учебный день. Представляю, как ты взволнован. Ведь тебе это почти удалось!

— Встаю! — сонно ответил я.

Я сунул руку под подушку. Пальцы уверенно нащупали шариковую ручку. Я всегда спал с ней. И даже, подучив древнегреческий, выгравировал на ней «Анаклузмос». Что примерно означает — стремительное течение.

Я хотел даже снять колпачок с ручки, но что-то удержало меня. Слишком уж долго я им не пользовался...

Кроме того, мама взяла с меня слово, что я не буду пользоваться смертоносным оружием в ее квартире, после того как я, размахивая дротиком, разбил ее китайскую шкатулку. Положив ручку-меч на прикроватный столик, я оделся как можно быстрее, пытаясь отогнать мысли о кошмаре, чудовищах и тени, которая мелькнула за моим окном.

«Нужно убежать! Нужно их предупредить!»

Что имел в виду Гроувер?

Я прижал три согнутых пальца к сердцу и отпустил — древний жест, которому научил меня когда-то Гроувер, чтобы предохраняться от зла.

Сон мог оказаться реальностью.

Последний учебный день. Мама права, я должен был волноваться. Впервые в жизни за весь учебный год меня ни разу не попытались выгнать из школы. Никаких странных происшествий. Никаких драк в классе. Никаких чудовищ в облике учителей, которые стремились подсыпать мне яду в школьной столовке или затравить сверхурочными занятиями в классе. И завтра я отправлюсь в самое любимое место в мире — на Холм полукровов.

Всего один день. Теперь-то уж я точно не влипну в какую-нибудь историю.

Как всегда, мне и в голову не приходило, как же я ошибался!

* * *

Мама приготовила на завтрак синие вафли и синие яйца. Забавно, что она отмечает знаменательные даты синей пищей. Думаю, этим она хочет сказать, что на свете все возможно. Перси может перейти в седьмой класс. Вафли могут быть синими. Такие вот маленькие чудеса.

Я завтракал на кухне, пока мама мыла посуду. Она была в обычной рабочей форме, в которой она торговала в магазине «Американские

сладости», — юбка в синих звездочках и красно-белая полосатая блузка. Длинные каштановые волосы собраны в хвост.

Вафли были замечательные, но я не накинулся на них с жадностью, как обычно. Мама обернулась и нахмурилась.

— Перси, с тобой все в порядке?

— Да... все замечательно.

Но она всегда умела угадать, когда меня что-то тревожило. Вытерев руки, мама уселась напротив меня.

— Что-то не так в школе или?..

Договаривать ей не пришлось. Я понял ее без слов.

— Мне кажется, Гроувер попал в переделку, — ответил я и рассказал ей свой сон от начала до конца.

Мама поджала губы. Мы редко говорили о *другой* стороне моей жизни. Старались жить как нормальные люди, но про Гроувера она знала.

— Я не стала бы так волноваться, дорогой, — сказала мама. — Гроувер уже взрослый сатир. Если бы возникли какие-то проблемы, я уверена, нам сообщили бы об этом из... из лагеря... — Произнося слово «лагерь», она как-то напрягалась.

— В чем дело? — спросил я.

— Пустяки, — ответила мама. — Послушай лучше, что я тебе скажу. Сегодня днем мы отмечаем окончание школы. Я отведу тебя с Тайсоном в Рокфеллеровский центр — в тот магазин, где продаются скейтборды, которые тебе так нравятся.

Ох, это было такое искушение! Нам всегда не хватало денег. Учитывая вечерние занятия мамы и мое обучение в частной школе, мы никогда даже и не заглядывали в специализированный магазин, где торговали скейтбордами. Но что-то в мамином голосе насторожило меня.

— Постой, — сказал я. — Я думал, что сегодня вечером мы будем собирать вещи для завтрашней поездки в лагерь.

— Ах, дорогой, ты про это... Вчера вечером я получила послание от Хирона. — Мама принялась нервно крутить в руках кухонное полотенце.

Сердце у меня ушло в пятки. Хирон отвечал за деятельность лагеря на Холме полукровок. Он не стал бы беспокоить нас, если бы речь не шла о чем-то серьезном.

— Что он пишет?

— Он думает... тебе сейчас небезопасно появляться в лагере. Может быть, придется это отложить.

— Отложить?! Мама, как там может быть небезопасно? Я — полукровка, и это единственное безопасное место для меня!

— Конечно, дорогой. Но у них там теперь такое творится...

— А что творится?

— Перси... Мне очень жаль. Я надеялась поговорить с тобой днем. А теперь... я не могу объяснить. Не уверена, что и Хирон может. Все случилось так внезапно.

Я был просто потрясен. Как это — я не поеду в лагерь?! Мне хотелось задать еще тысячу вопросов, но как раз в этот момент кухонные часы пробили половину.

Мама вздохнула так, будто у нее гора свалилась с плеч.

— Половина восьмого, дорогой. Тебе надо идти, не то Тайсону придется ждать.

— Но...

— Перси, поговорим об этом днем. Ступай в школу.

Мне хотелось этого меньше всего на свете, но у мамы в глазах появилось такое зыбкое выражение... вроде предупреждения. Кажется, если я попытаюсь надавить на нее, она расплачется. Кроме того, по поводу моего приятеля Тайсона мама права. Я должен встретиться с ним на станции метро, иначе он обидится. Он боялся один ездить в подземке.

Я собрал свои шмотки, но на пороге остановился.

— Мам, эти проблемы в лагере... они как-то связаны с моим сном про Гроувера?

— Мы поговорим обо всем днем, дорогой. — Она отвела глаза. — Я постараюсь объяснить тебе все, что смогу.

Я неохотно попрощался с ней и вприпрыжку сбежал вниз, чтобы не опоздать на поезд.

Тогда я этого не знал, но нам с мамой так и не удалось поговорить днем.

Сказать по правде, и свой дом я снова увидел очень и очень не скоро.

Выйдя, я взглянул на кирпичную стену на другой стороне улицы. В солнечном свете на долю секунды я заметил на стене человеческий силуэт — тень, не принадлежавшую никому.

Затем она покрылась рябью и исчезла.

Глава вторая

Я играю в «вышибалы» с людоедами

День начался как обычно. То есть так, как он обычно начинается в подготовительном колледже ^[1] Мериузер.

Судите сами, можно ли называть «прогрессивной» школу в центре Манхэттена, где вместо парт ученики сидят на откидных стульях, оценок не ставят, а учителя появляются на занятиях в джинсах и футболках с эмблемами рок-концертов.

Мне лично это все по барабану. То есть я — человек, страдающий гиперактивностью и дислексией, как большинство полукровок, — все равно не смог бы добиться выдающихся достижений в учебе в обычной школе прежде, чем меня оттуда выставят. Единственное, что меня не устраивало в Мериузер, — учителя были склонны проявлять оптимизм по любому поводу, а детишки тут подобрались в большинстве своем... ну, не то чтобы светлые умы.

Взять, к примеру, мой сегодняшний первый урок: английский. Все средние классы школы прочитали «Повелителя мух», книгу, где подростков выбрасывает на остров кораблекрушением, отчего они все становятся слегка повернутыми и жутко агрессивными. Поэтому в качестве последнего экзамена учителя отправили нас во двор для переменок, где мы могли бы целый час провести без всякого надзора со стороны старших, — посмотреть, что случится. А случилось то, что между семиклассниками и восьмиклассниками разыгралась настоящая потасовка, а также две драки с киданием камней и баскетбольный матч без правил. Всеми мероприятиями верховодил самый отъявленный школьный хулиган Мэт Слоун.

Слоун не уродился силачом-верзилой, но вел себя именно так. Глаза как у питбуля, черные волосы вечно всклокочены, одежда дорогая, но замызганная, словно он хочет показать всем, как мало его заботят расходы семьи. Один из передних зубов у Слоуна выбит, с тех пор как он устроил увеселительную поездку на папином «порше» и врезался в знак «Осторожно, дети!».

Короче, Слоун всех всегда задирает, пока не вышла промашка — он полез к моему другу Тайсону.

Тайсон — единственный парень в колледже, у которого нет семьи. Мы с мамой полагали, что родители бросили его, когда он был еще совсем маленьким, потому... возможно, потому, что он совершенно ни на кого не

похож. Тайсон имел шесть футов три дюйма росту и сложение как у йети, что не мешало ему часто плакать, даже глядя на собственное отражение в зеркале. Черты лица у него были неправильные и свирепые. Я не мог сказать, какого цвета у него глаза, поскольку никогда не мог заставить себя посмотреть на то, что располагалось выше его щербатых зубов. Обладая низким, басистым голосом, разговаривал Тайсон забавно, почти как первоклашка, — полагаю, потому, что прежде, до Мериузер, он никогда не ходил в школу. Носил он потрепанные джинсы, покрытые грязью кроссовки, этак сорок девятого размера, и клетчатую фланелевую дырявую рубашку. Пахло от него так, как пахнет обычно из переулков Нью-Йорка, потому что там он и жил, на 72-й улице, в картонной коробке из-под холодильника.

Колледжу пришлось принять Тайсона в рамках благотворительного проекта, поэтому все прочие учащиеся должны были к нему хорошо относиться. К сожалению, большинство ребят Тайсона просто не выносило. Как только они обнаружили, что, несмотря на всю свою силу и устрашающие взгляды, он такой размазня, они не отказывали себе в удовольствии всячески его подкалывать. Я был его единственным другом, или, если выражаться точнее, это он был моим единственным другом.

Мама тысячу раз подавала жалобы на школьное руководство по поводу того, что они недостаточно заботятся о Тайсоне. Она вызывала сотрудников социальных служб, но это ни к чему не приводило. Соцработники утверждали, что Тайсона попросту не существует. Они клялись всем святым, что посещали названный нами переулок и не могли найти его, хотя как можно просмотреть огромного парня, живущего в ящике из-под холодильника, — не знаю.

Между тем Мэт Слоун ухитрился подобраться сзади к Тайсону и попробовал дать ему пинка. Тут Тайсон не сдержался. Должно быть, он слишком сильно ударил Слоуна. Пролетев футов пятнадцать, тот въехал носом в детские качели.

— Ты, урод! — пронзительно завопил Слоун. — Почему бы тебе не убраться в свой картонный ящик!

Тайсон принялся всхлипывать. Он уселся на лесенку для малышни, так что чуть не сломал одну из перекладин, и спрятал лицо в ладонях.

— Эй, полегче, Слоун! — крикнул я.

Слоун только усмехнулся.

— А тебе-то что за дело, Джексон? И у тебя могли бы быть друзья, если бы ты вечно не лип к каким-то уродам.

Я сжал кулаки, надеясь, что в этот момент не слишком покраснел.

— Он не урод. Он просто...

Я попытался придумать, что бы такое ответить, но Слоун и не собирался слушать. Он и его дружки-громилы уже вовсю ржали. Не знаю, или мне привиделось, или вокруг Слоуна этих болванов действительно собралось больше обычного. Я привык видеть его с двумя или тремя, но сегодня, похоже, он прихватил с собой еще с полдюжины новеньких, потому что я совершенно уверен — я никогда не видел их раньше.

— Ну, Джексон, подожди еще немного, до физкультуры, — пригрозил мне Слоун. — Ты уже покойник.

По окончании первого урока учитель английского, мистер де Мило, вышел, чтобы своими глазами увидеть следы побоища. Он заявил, что мы до самых глубин постигли суть «Повелителя мух». Мы все прошли его курс и никогда, никогда не вырастем людьми, склонными к насилию. Мэт Слоун кивнул, прямо как пай-мальчик, и это заставило меня расхохотаться.

Я пообещал Тайсону купить ему лишний сэндвич с арахисовым маслом к ланчу, только чтобы он успокоился.

— Я... значит, я урод?

— Нет, — сообщил я, скрипя зубами. — Урод это Мэт Слоун.

— Ты настоящий друг. — Тайсон шмыгнул носом. — Мне будет очень не хватать тебя на будущий год, если... если я не смогу...

Голос его дрожал. Я понял, что он не уверен, попадет ли он в благотворительный проект на следующий год. Сомнительно, чтобы директор удосужился хотя бы поговорить с ним об этом.

— Не беспокойся, дружище, — попытался заверить я его. — Все будет путем.

Тайсон бросил на меня благодарный взгляд, и я почувствовал себя жутким лжецом. Как я мог обещать такому парню, что все будет путем?

* * *

Следующий экзамен был по естественным наукам. Миссис Тесла сказала нам, чтобы мы смешивали химикаты, пока что-нибудь не взорвется. Моим партнером по лабораторным работам оказался Тайсон. Руки у него были крупноваты для того, чтобы оперировать хрупкими сосудами, которые нам полагалось использовать. Он тут же случайно сбил со стола поднос с химикатами, после чего из мусорного ведра, куда мы сбросили осколки, появилось оранжевое грибовидное облако.

После того как миссис Тесла эвакуировала учеников из лаборатории и

вызвала аварийную команду, она поздравила Тайсона и меня с тем, что мы прирожденные химики. Мы были первыми, кому удалось получить высший балл на ее экзамене всего за тридцать секунд.

Я радовался, что утро прошло быстро: это помешало мне слишком задумываться над своими проблемами. Для меня была невыносима даже мысль о том, что в лагере может что-то случиться. Кроме того, мне не удавалось отделаться от воспоминания о своем кошмаре. Меня терзало ужасное чувство, что Гроувер в опасности.

Во время экзамена по общественным наукам, пока мы рисовали контурные карты, я открыл записную книжку и долго смотрел на фотографию, лежавшую внутри. Моя подруга Аннабет на каникулах в Вашингтоне, округ Колумбия. Оранжевая футболка, какие мы носили в Лагере полукровок, джинсы и хлопчатобумажная куртка, светлые волосы повязаны пестрым платком. Аннабет стояла перед Мемориалом Линкольна, скрестив руки и чрезвычайно довольная собой, так, словно она самолично спроектировала эту достопримечательность. Да, Аннабет собиралась стать архитектором, когда вырастет, поэтому она всегда посещала знаменитые монументы и прочее в том же духе. В этом смысле она была просто чокнутая. Аннабет прислала мне снимок по электронной почте после весенних каникул, и каждый раз я разглядывал его, чтобы убедиться, что она существует на самом деле, и значит, Лагерь полукровок не просто плод моего воображения.

Мне хотелось, чтобы Аннабет была рядом. Она поняла бы, в чем скрытый смысл моего сна. Я никогда не признавался в этом вслух, но она умнее меня, хотя порой и страшная зануда.

Я уже собирался захлопнуть книжку, когда Мэт Слоун перегнулся через парту и вырвал фотографию.

— Эй! — протестующе завопил я. — Отдай!

Слоун посмотрел на снимок, и глаза у него полезли на лоб.

— Ни за что, Джексон. Кто это? Так это твоя?..

— Отдай! — Я чувствовал, что уши у меня пылают.

Слоун передал фотографию своим уродливым друзьям, которые тут же разорвали ее на части, скатывая в шарики, чтобы плевать ими друг в друга. Это были новые ребята, я наверняка их прежде не видел на занятиях, поскольку они носили идиотские бирки, придуманные администрацией: «ПРИВЕТ! МЕНЯ ЗОВУТ...» У них, должно быть, странное чувство юмора, потому что на табличках значились странные имена: «КРОВОСОС», «ТРУПОЕД» и «МОЗГОГРЫЗ». У людей таких имен не бывает.

— Эти ребята переводятся к нам на будущий год, — похвастался Слоун, наверное, чтобы запугать меня. — Спорим, они могут заплатить за образование, не в пример твоему дебильному дружку.

— Он не дебил. — Я из последних сил сдерживался, чтобы не заехать Слоуну по морде.

— Ты просто неудачник, Джексон. Ладно, в будущем году я тобой займусь, вытащу тебя из дерьма.

Его дружки-верзилы жевали разорванную на клочки фотографию. Мне хотелось обратить их в прах, изничтожить, но я твердо помнил заповедь Хирона — никогда не обращать свой гнев на простых смертных, какими бы отвратительными они ни были. Я должен был беречь силы для борьбы с чудовищами.

Но если б Слоун хотя бы отчасти знал, кто я...

Прозвенел звонок.

Когда мы с Тайсоном выходили из класса, девчоночий голос прошептал:

— Перси!

Я оглянулся, обозревая замкнутое пространство, но никто не обращал на меня никакого внимания. Любая девчонка из Мериузер лучше умерла бы, чем назвала меня по имени.

Прежде чем я успел обдумать, не послышалось ли мне это, толпа ребят бросилась к физкультурному залу, увлекая за собой меня и Тайсона. Игра начиналась. Наш тренер обещал нам игру, в которой может участвовать каждый, а Мэт Слоун обещал убить меня.

* * *

Спортивная форма в Мериузер состоит из небесно-голубого цвета трусов и полосатых футболок. К счастью, мы надевали ее под обычную форму, поэтому нам не приходилось разгуливать по зданию живописной полуголой толпой.

Я как можно быстрее переоделся в раздевалке со шкафчиками, потому что не хотел встречаться со Слоуном. И уже собирался уходить, когда меня окликнул Тайсон:

— Перси? — Он еще не переоделся. Так и стоял у двери зала для тяжелой атлетики, прижимая к груди спортивную одежду. — Ты не мог бы... ну...

— Да, конечно. — Я постарался, чтобы в голосе моем не прозвучало

раздражение. — Какие проблемы, парень.

Тайсон проскользнул в зал. Я стоял на страже возле двери, пока он переодевался. Чувствовал я себя очень даже неловко, но Тайсон просил меня об этом чуть ли не каждый день. Я думаю, это потому, что он ужасно волосатый, а вся спина у него в таких чудных шрамах, про которые у меня никогда не хватало смелости его спросить.

Так или иначе, я знал, как нелегко Тайсону, когда над ним подшучивают при переодевании: он расстраивался и начинал колотить кулаками по дверцам шкафчиков.

Когда мы вошли в зал, тренер Нанли сидел за своим столиком и читал «Спорт иллюстрейтед». Нанли, наверное, миллион лет от роду, он носит очки с двойными линзами, зубов — ноль, а на голове торчит копна сальных седых волос. Он напоминал мне иссохшую мумию — оракула из Лагерь полукровок — за исключением того, что тренер Нанли был куда менее подвижен и не выдыхал клубы зеленого дыма. Я, по крайней мере, этого не видел.

— Тренер, можно я буду капитаном? — спросил Мэт Слоун.

— А? — Тренер Нанли оторвался от журнала. — Да, — проямлил он. — Угу.

Слоун усмехнулся и стал подбирать себе команду. Он назначил меня капитаном команды противников, но это не имело значения, поскольку выбирать мне было не из кого — все самые здоровые и вменяемые парни перешли на сторону Слоуна. За ними потянулась и толпа зрителей.

На моей стороне остался Тайсон, свихнувшийся компьютерщик Кори Бейлер, Радж Мандали — вундеркинд в области математики, да еще с полдюжины парней, которым Слоун со своей бандой не давал проходу. Если б все шло как всегда, мне хватило бы и Тайсона — он один стоил половины команды соперников, — но новенькие парни в команде Слоуна были такие же рослые здоровяки, числом шесть человек.

Мэт Слоун вывалил на середину зала мячи из коробки.

— Мне страшно, — пробормотал Тайсон. — Запах какой-то необычный.

— Какой еще необычный запах? — Я уставился на него. Вряд ли бы он стал говорить об исходящем от него аромате.

— От них. — Тайсон указал на Слоуна и его новых дружков. — Странный какой-то запах.

Новички хрустели суставами пальцев, глядя на нас в ожидании бойни. Я никак не мог понять, откуда они взялись. Вероятно, из тех мест, где парней нещадно хлещут ремнем и кормят сырым мясом.

Слоун свистнул в судейский свисток, и игра началась. Команда Слоуна ринулась к центральной линии. Стоящий рядом со мной Радж Мандали пронзительно выкрикнул что-то на урду, скорее всего: «Мне нужно в туалет!» — и бегом бросился к выходу. Кори Бейлер попытался заползти за маты и спрятаться там. Оставшаяся часть моей команды в страхе разбежалась, чтобы не превратиться в мишени для обстрела.

— Тайсон, — сказал я, — давай-ка...

В этот момент мне со всей силы засадили мяч в живот. Я тяжело осел на пол посередине зала. Противники загоготали во все горло.

Перед глазами у меня все плыло. Было чувство, будто я получил удар в солнечное сплетение от гориллы. Просто не верилось, что кто-то мог бросить мяч с такой силой.

— Пригнись, Перси! — завопил Тайсон.

Я успел увернуться прежде, чем другой шар со скоростью звука просвистел мимо моего уха.

Мяч попал в грудь матов, и Кори Бейлер жалобно застонал.

— Эй! — крикнул я команде Слоуна. — Вы так и убьете кого-нибудь ненароком!

Парень по имени Мозгогрыз злорадно усмехнулся. Каким-то образом он казался сейчас крупнее... даже выше Тайсона. Под его футболкой вздувались бицепсы.

— Очень надеюсь на это, Персей Джексон! Очень надеюсь!

То, как он произнес мое имя, заставило меня похолодеть. Никто не называл меня Персеем, кроме тех, кому была известна моя подлинная сущность. Друзей... и врагов.

Что сказал Тайсон?

«Необычный запах».

Чудовища!

Все окружавшие Мэта Слоуна заметно прибавили в росте и ширине плеч. Это были уже не подростки, а восьмифутовые гиганты со свирепыми взглядами, острыми зубами и волосатыми ручищами, покрытыми татуировками, изображавшими змей, гаитянских танцовщиц и сердечки в духе Дня святого Валентина.

Бросил свой мяч и Мэт Слоун.

— Вот так! Ты не из Детройта, сразу видно...

Остальные ребята его команды с пронзительными криками стали пятиться к выходу, но гигант Кровосос метнул шар с дьявольской точностью. Он просвистел мимо Раджа Мандали, который как раз собрался выбежать в дверь, ударился в нее, и она, как по волшебству, тяжело

захлопнулась. Радж и еще несколько ребят отчаянно забарабанили по ней, но дверь не поддавалась ни на йоту.

— Отпустите их! — завопил я гигантам.

Мозгогрыз с рыком повернулся ко мне. На одном из его бицепсов была татуировка «МГ обожает милых деток». Вот именно: «обожают».

— И потерять такую вкуснятину? Нет, сын бога морей. Мы, лестригоны, пришли не просто за твоей смертью. Мы хотим сытно пообедать!

Он взмахнул рукой — и на центральной линии появилась новая россыпь мячей, но это уже были не красные резиновые мячики, а бронзовые шары размером с пушечное ядро и с отверстиями по бокам, из которых вылетали всполохи пламени. Должно быть, они раскалились донельзя, но гиганты подхватывали их голыми руками.

— Тренер! — завопил я.

Нанли оторвал сонный взгляд от журнала, но если он и увидел что-то необычное в зале, то по нему это было не заметно. Таковы уж смертные. Волшебный туман скрывает от них подлинное обличье богов и чудовищ, поэтому люди видят только то, что способен постичь их разум. Может, тренеру показалось, что кучка восьмиклассников, как обычно, устроила разгром ребятам помладше. Может, другим ребятам показалось, что громилы Мэта Слоуна вот-вот начнут швыряться коктейлем Молотова.^[2] Такое уже случалось. Как бы то ни было, я не сомневался: никто не понимает, что мы имеем дело с настоящими кровожадными людоедами.

— Так-так. Угу, — промямлил тренер. — Главное, играйте по правилам.

И снова углубился в журнал.

Трупоед бросил свой шар. Я отскочил в сторону, когда бронзовая комета с яростным ревом пронеслась мимо моего плеча.

— Кори! — вскрикнул я, глядя вслед шару.

Тайсон оттащил парнишку в сторону в тот самый момент, когда шар взорвался, ударившись о маты и оставив от них только дымящиеся клочья.

— Бегите! — велел я игрокам своей команды. — Через другой выход!

Они побежали к раздевалке, но Мозгогрыз снова взмахнул рукой, и эта дверь тоже захлопнулась.

— Никто не выйдет отсюда, пока не выйдешь ты! — прорычал Мозгогрыз. — А ты не выйдешь отсюда, пока мы тебя не слопаем!

Он метнул в меня огненный шар. Мои товарищи по команде бросились врассыпную, когда тот взорвался, образовав кратер в полу спортивного зала.

Я потянулся за ручкой, которую всегда носил в кармане, но понял, что на мне спортивная форма. Карманов у нее нет. А меч был в джинсах, запертых в моем шкафчике. И дверь, ведущую в раздевалку, никто открывать не собирался. Я оказался полностью беззащитен!

Еще один огненный шар летел точнехонько в моем направлении. Тайсон оттолкнул меня в сторону, но все равно пламя взрыва опалило меня с ног до головы. Очнулся я на полу, кругом почти ничего не видно из-за дыма, футболка прожжена в нескольких местах. Двое голодных гигантов, стоя на центральной линии, пожирали меня горящими глазами.

— Мясо! — проревели они. — Сегодня на обед мясо героя!

Оба прицелились.

— Перси нужна помощь! — завопил Тайсон.

Он прыгнул, заслоняя меня, как раз когда они метнули свои шары.

— Тайсон! — выкрикнул я, но было слишком поздно.

Оба шара тяжело ударились в него... но... он поймал их. Непостижимым образом неуклюжий Тайсон, переколотивший множество сосудов в химической лаборатории и сломавший почти все снаряды на гимнастической площадке, поймал яростно изрыгавшие пламя металлические шары, летевшие в него со скоростью миллион миль в секунду. Затем с такой же силой швырнул их назад в изумленных громил, которые завопили «Ой-ей-ей!», когда бронзовые сферы взорвались, ударившись об их грудь.

Гиганты исчезли, взвившись к потолку двумя одинаковыми столбами пламени, — отлично, это верный признак того, что они были монстрами. Монстры не умирают. Они просто растворяются в облаке пыли и дыма, после чего героям приходится долго и тщательно отряхиваться.

— Мои братья! — скорбно простонал каннибал Мозгогрыз. Он напряг руки так, что татуировка на бицепсах сморщилась. — Ты мне за это заплатишь!

— Тайсон! — окликнул я. — Гляди в оба!

Еще одна комета со свистом понеслась прямо в нас. Тайсону едва хватило времени отклонить ее в сторону. По идее, шар должен был поразить тренера Нанли прямо в голову, но он приземлился дальше, оглушительно взорвавшись на местах для зрителей.

В зале окончательно воцарилась паника. Одни ребята с криками носились по помещению, стараясь огибать тлеющие в полу кратеры. Другие колотили в дверь, зовя на помощь. Сам Слоун, словно бы окаменев, торчал в центре площадки, с недоумением наблюдая за смертоносными шарами, летавшими вокруг него.

Тренер Нанли по-прежнему ничего не замечал. Он легонько постучал по своему слуховому аппарату, словно воспринимал взрывы как какие-то звуковые помехи, но так и не оторвался от журнала.

Конечно, шум должен был разнестись по всей школе. Директор, полиция, кто-нибудь явится и спасет нас!

— Победа будет за нами, — прорычал каннибал Мозгогрыз. — Мы попляшем на ваших костях!

Я хотел сказать, что он слишком серьезно относится к игре в мяч, но не успел я открыть рот, как он вновь замахнулся. Остальные гиганты последовали его примеру.

Я понимал, что скорая смерть неизбежна. Тайсон не сможет сразу отразить все шары. Его руки и так, должно быть, сильно обожжены после первого залпа. Без моего меча...

У меня возникла безумная мысль.

Я побежал к раздевалке, где хранилась наша одежда.

— Быстрее! — велел я своим товарищам по команде. — Все прочь от двери!

Сзади прозвучали взрывы. Тайсон отбил два шара, обратив метнувших их в пепел.

В строю остались еще двое каннибалов.

Третий шар, со свистом рассекая воздух, летел прямо в меня. Я принудил себя считать: Миссисипи-раз, Миссисипи-два, — затем бросился в сторону, а огненная сфера сорвала замок с запертой двери.

Я рассчитывал на то, что воздух за дверью, как и в большинстве мужских раздевалок, окажется достаточно спертым, чтобы вызвать взрыв, поэтому не удивился, когда оттуда вырвался огненный поток.

Стена раскололась. Дверцы шкафчиков, носки, стельки и прочие не столь приятные предметы дождем рассыпались по всему залу.

Я повернулся как раз в тот момент, когда Тайсон прямым ударом угостил по физиономии Трупоеда. Гигант тяжело рухнул на пол. Но последний из людоедов, Мозгогрыз, мудро поберег собственный шар, выжидая момент. Он швырнул его как раз тогда, когда Тайсон повернулся к нему лицом.

— Нет! — истошно завопил я.

Шар угодил Тайсону прямо в грудь. Мой друг отлетел назад через весь зал и тяжело врезался в заднюю стену, которая частично обрушилась на него, образовав дырку, выходящую прямо на Черч-стрит. Я не понимал, как Тайсону удалось остаться в живых, но он сразу зашевелился. Бронзовый шар дымился у его ног. Тайсон хотел поднять его, но не сумел и

ничком рухнул на грудь обуглившихся кирпичей.

— Отлично! — злорадно восторжествовал Мозгогрыз. — Теперь я остался один, и у меня хватит мяса, чтобы накормить свою собачку!

Подобрав другой шар, он прицелился в Тайсона.

— Стой! — пронзительно вскричал я. — Тебе нужен я!

Людоед усмехнулся.

— Хочешь умереть первым, юный герой?

Нужно было срочно что-то делать! Меч должен быть где-то поблизости.

В горе дымящейся одежды у ног гиганта я заметил свои джинсы. Если бы я только мог дотянуться... Я знал, что это безнадежно, но решил попытаться.

— А мой обед становится все ближе, — расхохотался людоед.

Он поднял руку для броска. Я приготовился к смерти.

Внезапно тело гиганта оцепенело. По лицу его пробегало то злорадное вожделение, то удивление. Его футболка распоролась на животе, и оттуда появилось нечто вроде рога — нет, не рог, а сверкающее острое клинка!

Шар выпал у каннибала из рук. Он уставился вниз на пронзивший его нож.

Пробормотав «ой», монстр вспыхнул облаком зеленого пламени, отчего, мне кажется, его собачка должна была здорово расстроиться.

И я увидел свою подругу Аннабет, окутанную дымом. Лицо у нее было чумазое и расцарапанное. С плеча свисал порванный рюкзак, из кармана торчала бейсболка, в руках она все еще сжимала бронзовый нож, а взгляд ее грозных серых глаз пылал так яростно, словно за ней долгие мили гналась толпа привидений.

Мэт Слоун, который все это время в полном ошеломлении торчал столбом в эпицентре событий, наконец-то пришел в чувство. Он взглянул на Аннабет так, словно смутно припоминал фотографию из записной книжки.

— Эта девушка... так, значит, эта девушка...

Аннабет метким движением заехала ему в нос, вследствие чего Слоун грохнулся на пол.

— А ты, — сказала она Мэту, — не лезь к моему другу!

Весь спортивный зал был охвачен огнем. Ребята беспорядочно метались по помещению, крича и зовя на помощь. Я услышал вой сирен и голос, искаженный рацией. Сквозь стекло выходных дверей я видел, как директор, мистер Бонсаи, пытается взломать замок, за его спиной сгрудились учителя.

— Аннабет... — запинаясь, произнес я... — как ты... как долго ты уже...

— Все утро, — ответила она, вкладывая бронзовый кинжал в ножны, — пыталась найти минутку, чтобы поговорить с тобой, но, видно, тебя нельзя застать в одиночестве.

— Значит, тень, которую я видел этим утром, это была ты... — Меня бросило в жар. — О господи, ты заглядывала в окно моей спальни?

— Сейчас некогда объясняться, — резко оборвала меня Аннабет, хотя тоже слегка покраснела. — Просто не хотелось...

— Есть! — завизжал женский голос, и взрослые разом ввалились в зал.

— Встретимся на улице, — скомандовала Аннабет. — И его прихвати. — Она указала на Тайсона, который все еще сидел привалившись к стене, в полубессознательном состоянии. Она посмотрела на Тайсона с неприязнью, не вполне мне понятной. — Лучше взять его с собой во избежание неприятностей.

— Что?

— Некогда! — помотала головой Аннабет. — Скорее!

Она надела бейсболку «Янкиз», волшебный подарок своей мамы, и моментально растаяла в воздухе.

Я остался один посреди горящего спортзала, и тут на меня накинута директор, предводительствовавший доброй половиной преподавателей и двумя полицейскими.

— Перси Джексон? — спросил мистер Бонсаи. — Что?.. Как?..

На фоне разрушенной стены со стоном поднялся на ноги Тайсон.

— Голова болит, — промычал он.

Мэт Слоун тоже подошел поближе. Он не мог оторвать от меня полного ужаса взгляда.

— Это все Перси натворил, мистер Бонсаи! Он поджег здание. Тренер Нанли вам скажет! Он все видел собственными глазами!

Тренер Нанли прилежно читал свой журнал, однако — такое уж у меня везение, — стоило Слоуну произнести мое имя, как он оторвался от чтения и сказал:

— А? Да? Угу-угу.

Остальные учителя повернулись ко мне. Я понимал, что они никогда не поверят мне, даже если я расскажу им всю правду.

Вытащив волшебную ручку из джинсов, от которых мало что осталось, я сказал Тайсону: «Пошли!» — и прыгнул в пролом в стене здания.

Глава третья

Мы останавливаем такси вечных мучениц

Аннабет ждала нашего появления в одном из переулков, примыкающих к Черч-стрит. Она оттащила нас с Тайсоном от края тротуара как раз в тот момент, когда пожарная машина с воем промчалась в направлении Мериузер.

— Где ты нашел его? — спросила она, указывая на Тайсона.

При других обстоятельствах я действительно бы обрадовался Аннабет. Прошлым летом мы заключили мир, хотя ее мама Афина не очень-то ладила с моим отцом. Я скучал по Аннабет, пожалуй, даже больше, чем хотел бы себе признать.

Но сегодня, когда на меня напали гиганты каннибалы, Тайсон три или четыре раза спасал мне жизнь, а Аннабет сверкала на него глазами так, словно он и был главным злодеем.

— Это мой друг, — ответил я.

— Он бездомный?

— Какое это сейчас имеет значение? Знаешь, он ведь не глухой. Почему бы тебе не спросить у него самого?

— Он что, говорить умеет? — удивленно посмотрела на меня Аннабет.

— Умею, — согласился Тайсон. — Ты симпатичная.

— Какая мерзость! — Аннабет отшатнулась.

Я и предположить не мог, что она поведет себя так грубо. Я посмотрел на ладони Тайсона, не сомневаясь, что они сожжены до мяса и покрыты обугленной коркой, — ведь он ловил пылающие шары! Но руки у него оказались в полном порядке, только грязные, в порезах, а ногти размером с картофельные чипсы украшала черная кайма, — но они всегда были такие.

— Тайсон, у тебя руки даже не обожжены...

— Естественно, — пробормотала Аннабет. — Меня удивляет только, что лестригоны напали на тебя, когда он был поблизости.

Кажется, Тайсона очаровали светлые кудри Аннабет. Он даже потянулся, чтобы коснуться их, но девушка звонко шлепнула его по руке.

— Аннабет, о чем ты говоришь? — не понял я. — Лестри — что?

— Лестригоны. Чудовища из спортзала. Это род каннибалов-гигантов, которые живут далеко на севере. О них говорится в «Одиссее», но я никогда не видела, чтобы они забирались так далеко на юг, в такие места, как Нью-Йорк.

— Лестри... мне и не выговорить такое. Как вы называете их по-английски?

Аннабет на мгновение задумалась.

— Канадцы, — решила она. — Теперь пойдем, надо убираться отсюда.

— За мной будет охотиться полиция?

— Это самая маленькая из твоих проблем, — нахмурилась Аннабет. — Тебе в последнее время снились сны?

— Сны... про Гроувера?

— Гроувер? — Она побледнела. — А что случилось с Гроувером?

Я рассказал Аннабет свой сон.

— Почему? Почему тебе снилось это? — По мере того как она соображала, глаза ее все более мрачнели. — Лагерь, — пояснила наконец Аннабет. — В лагере серьезные беспорядки.

— Моя мама говорила то же самое! Но ты можешь объяснить, в чем дело?

— Точно не знаю. Что-то случилось. Мы должны прямо сейчас отправиться туда. Монстры гонятся за мной от самой Вирджинии, хотят задержать. На тебя часто нападали?

— За год ни разу, — покачал головой я... — не считая сегодняшнего.

— Ни разу? Но как... — Она перевела взгляд на Тайсона. — Ох!

— Что значит «ох»?

Тайсон поднял руку, как на уроке.

— Канадцы в зале называли Перси как-то вроде... сын бога морей?

Мы с Аннабет переглянулись.

Не знаю, как объяснить, но мне показалось, что недостойно врать Тайсону после того, как он уничтожил почти всех монстров.

— Эй, верзила, — сказал я, — ты слышал эти старые истории о греческих богах? Ну, типа Зевса, Посейдона, Афины?..

— Да, — ответил Тайсон.

— Понимаешь... эти боги живы до сих пор. Они как бы следуют за западной цивилизацией, живут в самых сильных странах сегодняшнего времени, вот почему теперь они в Америке. А иногда у них бывают смертные дети. Их называют полукровками.

— Да, — кивнул Тайсон с таким видом, будто ждал, когда я доберусь до сути.

— Ну вот, мы с Аннабет — полукровки, — смущенно продолжил я. — Мы вроде как герои... то есть готовимся стать героями. И как только монстры чуют наш запах, они нападают на нас. Вот почему эти громилы оказались в зале. Это чудовища. Монстры.

— Да.

Я пристально посмотрел на него. Казалось, Тайсона не удивляет и не смущает то, что я рассказываю, — а ведь это приводило в смятение меня самого.

— Так ты мне веришь?

Тайсон кивнул.

— Но ты действительно... сын бога морей?

— Да, — не стал отрицать я. — Мой отец Посейдон.

Тайсон нахмурился. Теперь он выглядел смущенным.

— Но тогда...

Вновь завывла сирена. Мимо переулка на бешеной скорости промчалась полицейская машина.

— Некогда сейчас объясняться, — вмешалась Аннабет. — Поговорим в такси.

— Ехать на такси до лагеря? — удивился я. — Да ты хоть представляешь, сколько это денег?..

— Положись на меня.

Я колебался.

— А как же Тайсон?

Я зримо представил, как привожу своего друга-гиганта в Лагерь полукровок. Если он становился посмешищем даже на обычной игровой площадке среди обычных дворовых хулиганов, то как он будет вести себя на тренировочном поле среди полубогов? С другой стороны, полиция объявит нас в розыск...

— Мы не можем бросить его, — заключил я. — Он тоже влипнет в неприятности.

— Да, — с мрачным видом ответила Аннабет. — Определенно мы должны взять и его. А теперь пошли.

Мне не понравилось, как она это сказала, — словно Тайсон был тяжелобольной, которого мы обязаны доставить в госпиталь, — но спорить я не стал, а направился вслед за ней по переулку. Втроем мы с оглядкой, по боковым улочкам, двинулись в противоположную сторону от школьного спортзала, над которым высоко в небо возносился столб серого дыма.

* * *

— Здесь, — сказала Аннабет, останавливая нас на углу улиц Томас и Тримбл. Она порылась в своем рюкзаке. — Надеюсь, хоть одна осталась.

Она выглядела даже хуже, чем мне показалось в первую минуту. Подбородок разбит. Тонкие веточки и трава запутались в волосах, словно Аннабет несколько ночей проспала под открытым небом. Джинсы ниже колен располосованы чем-то, подозрительно напоминавшим когти.

— Что ты ищешь? — спросил я.

Вокруг нас, не переставая, выли сирены. Такое впечатление, будто на улицы вышли тучи копов, выискивающих юных подрывников-террористов. Несомненно, Мэт Слоун уже успел сделать заявление. Думаю, он повернул дело так, что главными кровожадными каннибалами оказались мы с Тайсоном.

— Нашла, слава богам!

Аннабет вытащила золотую монету, в которой я сразу признал драхму, самую популярную валюту на Олимпе. На лицевой стороне было отчеканено изображение Зевса, на оборотной — Эмпайр-стейт-билдинг.

— Аннабет, — сказал я, — нью-йоркские таксисты это не возьмут.

— Stethi! — воскликнула она на древнегреческом. — O harma diabolos!

Как правило, когда Аннабет говорила на языке Олимпа, я непостижимым образом понимал ее.

«Остановись, колесница проклятия!» — вот что примерно она сказала.

Поняв, какой у нее план, я не пришел в восхищение.

Аннабет швырнула монету на асфальт, но, вместо того чтобы задребезжать, драхма провалилась под землю, не оставив на тротуаре ни малейшего следа.

Несколько секунд ничего не происходило.

Затем там, где упала монета, асфальт потемнел. Он плавился, превращаясь в прямоугольник размером примерно с парковочную площадку, пузырясь красной жидкостью, похожей на кровь. Затем из этой липкой трясины возник автомобиль.

Вроде бы он выглядел как обычно, не считая того, что, в отличие от всех других нью-йоркских такси, был не желтого цвета, а скорее дымчатого. То есть такси выглядело так, будто соткано из дыма и можно шагнуть и пройти прямо через него. На дверце красовались слова — что-то вроде «GYAR SSIRES», но при моей дислексии я не мог сообразить, что это значит.

Стекло пассажирского окна опустилось, и из салона высунула голову какая-то старуха. У нее были кустистые седые брови, почти закрывавшие глаза, а слова она произносила чудно и невнятно, как человек, которому только что сделали укол новокаина.

— Пропуск? Пропуск?

— Три. В Лагерь полукровок, — отозвалась Аннабет.

Открыв заднюю дверцу машины, она помахала нам, чтобы мы садились, будто все происходящее было вполне обычным делом.

— Нет! — скрипучим голосом воскликнула старуха. — Таких, как этот, мы не берем. — Костлявым пальцем она указала на Тайсона.

Как это прикажете понимать? Как первоапрельскую шутку?

— Дополнительная оплата, — пообещала Аннабет. — Еще три драхмы, когда приедем.

— По рукам! — проскрипела старуха.

Я неохотно забрался в такси. Тайсон втиснулся посередине. Аннабет села последней.

Внутри все тоже было дымчатое, но на вид достаточно прочное. Обивка сиденья потрескалась и стала комковатой — почти как у всех такси. Не было только плексигласовой панели, которая отделяла бы нас от сидевшей за рулем старухи... Пойдите-ка! Там была не одна старая дама. Всего их было трое, они тесно прижались друг к другу на переднем сиденье, жесткие волосы падали им на глаза, из рукавов черных как смоль платьев, сшитых из грубой ткани, торчали костлявые руки.

— Лонг-Айленд! Ха! — воскликнула та, что за рулем. — На метро туда не доберешься!

Она рванула с места так, что голова моя тяжело ударилась о подголовник сиденья. Записанный на пленку голос произнес:

— Привет! Это Ганимед, виночерпий Зевса, и когда я еду за вином для повелителя небес, то всегда крепко пристегиваюсь!

Я опустил взгляд и увидел вместо пристегнутого ремня массивную черную цепь. Я решил, что не стоит отчаиваться... пока.

Такси на полной скорости свернуло с Западного Бродвея, и седовласая дама, сидевшая посередине, скомандовала хриплым голосом:

— Смотри, куда едешь! Сворачивай налево!

— Мне бы твой глаз, Дрожь, я все разглядела бы! — пожаловалась наша водитель.

Минуточку! Как это — ей бы ее глаз?

Спросить было некогда, потому что дама-шофер едва увернулась от надвигавшегося грузовика, нас потрянуло, мы вылетели на тротуар и свернули в соседний квартал.

— Тревога! — сказала третья из сестричек. — Дай-ка мне монету девчонки. Хочу попробовать ее на зуб!

— Ты в прошлый раз пробовала, Ужас! — ответила наша шоферка, которую, должно быть, звали Тревога. — Теперь моя очередь!

- А вот и нет! — взвизгнула Ужас.
- Красный свет! — завопила Дрожь, сидевшая посередине.
- Тормози! — пронзительно взывала Ужас.

Но вместо этого Тревога еще сильнее нажала на газ, вылетела на пешеходную часть и, сбив газетный лоток и скрипя покрышками, свернула снова. Что творилось у меня в желудке — описать невозможно.

- Простите, — промямлил я, — но... вы зрячая?
- Нет! — пронзительно крикнула сидевшая за баранкой Тревога.
- Нет! — вторя ей, возопила сидевшая посередине Дрожь.
- Конечно! — подтвердила прижатая к ветровому стеклу Ужас.
- Так они слепые?! — Я в изумлении уставился на Аннабет.
- Не совсем, — ответила она. — У них есть глаз.
- Один?
- Да.
- У каждой?
- Нет. Один на всех.

Сидевший рядом со мной Тайсон замычал и вцепился в спинку переднего сиденья.

— Что-то мне дурно...

— Понятно, — вздохнул я, потому что видел, как Тайсона укачивало в автобусе во время школьных экскурсий, прескверное, надо сказать, зрелище. — Пригнись, дружище. У кого-нибудь есть пакет для мусора или что-нибудь такое?

Старухи ссорились и не обращали на меня никакого внимания. Я посмотрел на Аннабет, из последних сил сохранявшую спокойствие, с выражением: «Зачем ты это сделала?»

— Такси седых сестер — самый быстрый способ добраться до лагеря, — отозвалась она.

— Тогда почему ты не вызвала его из Вирджинии?

— Этот район они не обслуживают, — сказала Аннабет как нечто само собой разумеющееся. — Они обслуживают только Большой Нью-Йорк и его окрестности.

— Мы возили самых знаменитых людей! — воскликнула Ужас. — Язон! Помните его?

— Не напоминай! — простонала Тревога. — К тому же тогда у нас было не такси, старая крыса. Это было три тысячи лет назад!

— Отдай мне зуб! — Ужас попыталась залезть Тревоге в рот, но та отшвырнула ее руку.

— Если только Дрожь отдаст мне мой глаз!

— Нет уж! — хрипло ответила Дрожь. — Он был у тебя вчера.

— Но я же за рулем, ты, старая карга!

— Исключено! Поворачивай! Это твой поворот!

Тревога круто свернула на Деланси-стрит, меня едва не расплющило между дверцей и Тайсоном. Она снова нажала на газ, и мы помчались по Уильямсбург-бридж со скоростью семьдесят миль в час.

Сестры разбушевались не на шутку: они били друг друга ладоням и наотмашь, причем Ужас старалась вцепиться в лицо Дрожи, а та, в свою очередь, — в лицо Тревоги. Волосы их метались, рты были разинуты в непрерывных воплях, и я заметил, что единственный зуб в данную минуту находится у Тревоги — древний, едва ли не покрытый мхом желтый резец. Глаза они прикрыли веками, только Ужас жадно впивалась во все вокруг единственным, налитым кровью зеленым глазом, словно не могла насытиться.

Наконец Дрожь, у которой все же было преимущество зрения, удалось вырвать зуб изо рта своей сестры. Это настолько взбесило последнюю, что та, виляя и не разбирая дороги, помчалась к концу Уильямсбург-бридж, не переставая вопить:

— Отдай! Отдай!

Тайсон застонал и обеими руками схватился за живот.

— Если это, конечно, кого-нибудь интересует, — подал голос я, — мы что, собираемся разбиться?

— Успокойся, — сказала Аннабет, но голос ее выдавал тревогу. — Это грайя, седые сестры. Они знают, что делают. Они очень мудрые.

И хотя эти слова произнесла дочь Афины, они меня не убедили. Мы скользили по самому краешку моста в ста тридцати футах над Ист-ривер.

— Да, мудрые! — усмехнулась в зеркальце заднего вида Дрожь, щеголяя вновь приобретенным зубом. — И всеведущие.

— Каждую улочку в Манхэттене знаем, — хвастливо заявила Тревога, не переставая мутузить сестру. — И столицу Непала!

— И место, которое ты ищешь, знаем! — добавила Дрожь.

Моментально сестры с обеих сторон принялись щипать ее, восклицая:

— Поменьше болтай! Он еще ничего не спросил!

— Что? — удивился я. — Что за место? Я ничего не ищу...

— Ничего, — согласилась Ужас. — Правильно, мальчик. В мире нет ничего определенного!

— Скажите мне...

— Нет! — завопили все трое.

— Какой кошмар был, когда мы проговорились в последний раз, —

всхлипнула Дрожь.

— Наш глаз швырнули в озеро! — сокрушенно добавила Ужас.

— Сколько лет понадобилось, чтобы найти его! — стенала Тревога. — И, кстати говоря, верни его!

— Нет! — пронзительно завопила Дрожь.

— Глаз! — потребовала Тревога. — Дай сюда!

Она со всего размаху ударила свою сестру по спине. Раздалось омерзительное хлюпанье, что-то выскочило. Дрожь принялась шарить по машине, стараясь схватить *это*, но ей удалось только коснуться его тыльной стороной ладони. Слизистый зеленый шар перелетел через ее плечо на заднее сиденье и плюхнулся прямо мне на колени.

Я подпрыгнул так, что ударился головой о потолок, а глазное яблоко скатилось на пол.

— Мы ничего не видим, — хором возопили сестры.

— Отдай мне глаз! — простонала Тревога.

— Отдай ей глаз! — вскрикнула Аннабет.

— У меня его нет! — ответил я.

— Вон он, у тебя под ногой, — указала Аннабет. — Смотри не наступи! Подними его!

— И пальцем не притронусь!

Такси тяжело, с жутким скрипом проехало вдоль ограждения. Машину затрясло, ее окутали клубы серого дыма, будто она вот-вот взорвется от напряжения.

— Меня сейчас вытошнит, — предупредил Тайсон.

— Аннабет, — завопил я, — дай Тайсону свой рюкзак!

— Ты что, спятил? Верни глаз!

Тревога вывернула баранку, и такси оторвалось от ограждения. Мы пронеслись по Бруклинскому мосту быстрее, чем любое человеческое такси. Серые сестры вопили, орали и истошно выпрашивали друг у друга глаз.

Наконец я постарался взять себя в руки. Отодрал кусок полосатой футболки, которая и так уже разваливалась, и, завернув в него глаз, поднял с пола.

— Хороший мальчик! — крикнула Дрожь, словно почуяла, что я держу в руках ее пропавшую гляделку. — А теперь отдай!

— Не отдам, — помотал головой я, — пока вы не объясните, про какое место, которое я ищу, вы говорили.

— Некогда! — крикнула Тревога. — Мы ускоряемся!

Я выглянул в окно. Действительно, деревья, машины и вообще вся

местность слились в одну расплывчатую дымчатую полосу. Мы уже выехали из Бруклина, направляясь к центру Лонг-Айленда.

— Перси, — предупредила Аннабет, — без глаза они не смогут найти место, куда мы едем. Просто будем ехать быстрее и быстрее, пока мы не разобьемся вдребезги.

— Пусть сначала скажут, — ответил я, — не то я открою окно и брошу глаз в идущий навстречу транспорт.

— Нет! — простонали седые сестры. — Слишком опасно!

— Опускаю стекло!

— погоди! — завопили седые сестры. — Тридцать, тридцать один, семьдесят пять, двенадцать!

Они проорали цифры, как квотербэк, [\[3\]](#) направляющий игру.

— Что это значит? — спросил я. — Какая-то бессмыслица.

— Тридцать, тридцать один, семьдесят пять, двенадцать! — простонала Ужас. — Это все, что мы можем тебе сказать. А теперь отдай глаз! Почти приехали.

Съехав с шоссе, мы продирались сквозь кустистую местность северного Лонг-Айленда. Я увидел впереди Холм полукровок с огромной сосной на вершине — дерево Талии, в котором хранилась жизненная сила павшей героини.

— Перси, — требовательно произнесла Аннабет. — Отдай им глаз, немедленно!

Я решил не спорить и швырнул глаз на колени Тревоги. Старуха одним движением схватила его, вставила в глазницу, как контактную линзу, и мигнула.

Это действие сопровождалось общим вздохом, полным облегчения и торжества.

Она ударила по тормозам. Такси еще четыре-пять метров проехало в облаке дыма и, визжа тормозами, остановилось посреди проселка, у подножия Холма полукровок.

Тайсон оглушительно рыгнул.

— Теперь легче.

— Хорошо, — сказал я седым сестрам, — а теперь объясните мне, что значат эти цифры.

— Некогда! — Аннабет распахнула дверцу. — Вылезаем из машины. Немедленно!

Я уже собирался спросить почему, но, посмотрев на Холм полукровок, все понял.

На вершине холма я заметил группу обитателей лагеря. Они отбивали

атаку.

Глава четвертая

Тайсон играет с огнем

Проводя сравнение из области мифологии, если что-то и действует мне на нервы больше, чем троица старух-грайя из такси, то это быки. Прошлым летом я сражался с Минотавром на вершине Холма полукровок. На этот раз, взглянув вверх, я понял, что дело обстоит еще хуже: быков оказалось двое. И не каких-нибудь там обычных крупнорогатых скотов: эти были бронзовые и величиной со слона. И даже это не самое худшее. По своему обыкновению, оба монстра выдыхали огонь.

Как только мы вышли из такси, сестры вихрем умчались прочь, в Нью-Йорк, где обстановка куда безопаснее. Они даже не стали дожидаться доплаты в виде трех драхм. Старухи просто высадили нас на обочине — Аннабет с рюкзаком и ножом и нас с Тайсоном в обгорелой одежде.

— Ну и дела... — протянула Аннабет, глядя на битву, бушевавшую на холме.

Больше всего на меня произвели впечатление не сами быки. И не десяток героев в полном боевом снаряжении из бронзовых лат, издававших истошные вопли. Больше всего меня взволновало то, что быки стояли на холме позади сосны. Это было невероятно. Волшебные границы лагеря не позволяли монстрам пересекать черту, обозначенную сосной. Однако бронзовые быки явно пренебрегли этим.

— Пограничный патруль, ко мне! — выкрикнул один из героев.

Резкий девичий голос показался мне знакомым.

«Пограничный патруль?» — удивился я.

В лагере не было пограничных патрулей.

— Это Кларисса, — сказала Аннабет. — Пошли, мы должны ей помочь.

Обычно я не имел привычки опрометью бросаться на помощь Клариссе. Она была, пожалуй, самой хулиганистой обительницей лагеря. Во время нашей первой встречи эта девица попыталась запихнуть мою голову в унитаз. К тому же она — дочь Ареса, а я очень серьезно повздорил с ее папашей прошлым летом, так что теперь бог войны и все его дети, по идее, становились моими заклятыми врагами.

И все же сейчас она оказалась в отчаянном положении. Ее соратники в панике разбежались, когда на них ринулись быки. Вокруг дерева Талии полыхала трава. Один из героев, взмахивая руками, бегал кругами и вопил,

плюмаж из конского волоса на его шлеме горел, создавая подобие ирокеза^[4] из пламени. Доспехи самой Клариссы были густо покрыты сажей. Она сражалась сломанным острием копья, другая половина которого застряла в металлическом боку быка.

Я снял колпачок с шариковой ручки. Она блестела на солнце, наливалась тяжестью, становилась длиннее... и вот у меня в руках мой меч Анаклузмос.

— Оставайся здесь, Тайсон. Не хочу снова подвергать тебя опасности.

— Нет! — возразила Аннабет. — Он нужен нам.

— Он же смертный. — Я уставился на нее. — Ему повезло с огненными шарами, но...

— Перси, ты знаешь, кто там, наверху? Это колхидские быки, которых выковал сам Гефест. Мы не сможем сражаться с ними без отражателя Медеи SPF пятьдесят тысяч. Сгорим, как солома.

— Без чего?

Аннабет снова стала рыться в рюкзаке и сыпать проклятиями.

— У меня дома на тумбочке стоял флакон с пахучим кокосовым маслом! Ну почему я его не взяла?

Я уже давно привык не задавать Аннабет лишних вопросов. Ее ответы только приводили меня в еще большее смятение.

— Слушай, не знаю, о чем ты, но я не дам поджарить Тайсона.

— Перси...

— Тайсон, оставайся здесь. — Я поднял меч. — Я иду.

Тайсон попытался было возразить, но я уже мчался вверх по холму к Клариссе, которая кричала на своих подчиненных, призывая их построиться в фалангу. Идея была неплохая. Те немногие, кто еще слушал ее, сомкнулись плечом к плечу, образовав из своих щитов нечто наподобие стены, ошестинившейся копьями, как дикобраз.

К сожалению, Клариссе удалось построить всего шестерых. Остальные четверо впали в панику, шлемы их пылали. Аннабет побежала к ним, чтобы помочь. Один из быков погнался за ней, но она опять превратилась в невидимку, приведя монстра в полное замешательство. Другой бык набросился на выстроенную Клариссой линию.

Я был только на полпути к вершине холма — недостаточно близко, чтобы помочь. Кларисса все еще не замечала меня.

Бык передвигался со страшной скоростью, невероятной для столь крупного существа. Его металлическое покрытие ярко блестело на солнце. В глазницы у него были вделаны рубины величиной с кулак, а рога изготовлены из полированного серебра. Стоило ему разинуть пасть, как из

нее вырывался столб белого пламени.

— Держите строй! — приказала Кларисса своим воинам.

В храбрости Клариссе не откажешь. Крупная девица с жестокими, как у отца, глазами, она словно рождена была носить древнегреческие доспехи, но даже я не понимал, как она сможет выдержать этот натиск быков.

К несчастью, в этот момент второй бык утратил всякий интерес к погоне за Аннабет. Развернувшись за спиной Клариссы, он атаковал ее с самой неожиданной стороны.

— Сзади! — завопил я. — Оглянись!

Лучше бы я промолчал, потому что только напугал ее. Бык номер один врезался в ее щит, и фаланга рассыпалась. Кларисса отлетела назад и приземлилась на выжженной траве. Бык ринулся за ней, не забыв опалить других героев огненным дыханием. Щиты дружно оплавилась. Герои побросали оружие и кинулись прочь, а бык номер два приближался к Клариссе с явным намерением убить ее.

Я подбежал к Клариссе и схватил за тесемки, связывающие доспехи. После чего постарался оттащить в сторону, пока бык номер два мчался прямо на нас, как паровоз. Я нанес ему размашистый удар, меч вошел глубоко, но чудовище только крикнуло, взвыло и не изменило направления.

Монстр до меня не дотронулся, но я почувствовал жар раскаленной брони. Его вполне хватило бы, чтобы поджарить в микроволновке замороженные буррито.^[5]

— Пусти меня! — Кларисса выдернула руку. — Будь ты проклят, Перси!

Я бросил ее рядом с сосной и повернулся к быкам. Теперь мы находились на внутренней стороне Холма; долина, где был расположен лагерь, виднелась прямо под нами — домики, тренировочные площадки, Большой дом... Стоило быкам прорваться, всему этому угрожала опасность.

Аннабет выкрикивала приказы, обращенные к другим героям, призывая их рассыпаться и таким образом отвлечь быков.

Первый монстр, описав широкую дугу, снова устремился ко мне. Пробегая через середину холма, где проходила невидимая граница, он приостановился, словно столкнувшись с резким порывом ветра, но это его не задержало, и он продолжал мчаться на меня. Второй бык повернул ко мне морду, из раны в боку вырывалось пламя. Не могу сказать, чувствовал ли он боль, но его рубиновые глаза сверкнули, опалив меня столь злобным взглядом, словно битва плавно переходила в сведение личных счетов.

Сражаться с обоими быками сразу я не мог. Сначала надо было сразить

второго, отрубить ему голову прежде, чем в бой бросится первый. Руки у меня уже устали. Я подумал о том, что давно не упражнялся с мечом и успел отвыкнуть от него.

Я бросился вперед, но второй быкдохнул на меня пламенем. Волна чудовищного жара отшвырнула меня в сторону. В легких практически не осталось кислорода. Ногой я задел что-то — может, корень, — и острая боль пронзила лодыжку. Все же мне удалось взмахнуть мечом и отсесть часть морды чудовища. Бык обратился в бегство, разъяренный и лишенный ориентации. Не успел я этому обрадоваться и попытаться встать, как обнаружил, что нога подгибается. Лодыжка была растянута, а может, и сломана.

Первый бык снова ринулся на меня. Пришлось отползать в сторону.

— Тайсон, помоги ему! — скомандовала Аннабет.

— Не могу... пройти! — раздалось где-то рядом, недалеко от вершины Холма.

— Я, Аннабет Чейз, позволяю тебе войти в лагерь!

Удар грома потряс Холм. Неожиданно Тайсон оказался практически рядом, он несся ко мне на полной скорости с криком:

— Перси нужна помощь!

Не успел я предостеречь его, как Тайсон бросился между мной и быком в тот момент, когда бык решил нанести термоядерный удар.

— Тайсон! — в страхе завопил я.

Огненный смерч обвился вокруг него, как раскаленный торнадо. Я видел только темные очертания тела. И с ужасающей ясностью понял, что от моего друга остался лишь пепел.

Но, когда огонь погас, Тайсон стоял там, где и был, целый и невредимый. Даже его обноски не обгорели. Бык, должно быть, удивился не меньше моего, потому что, прежде чем он успел выпустить вторую струю пламени, Тайсон обоими кулаками заехал быку по башке.

— ПЛОХАЯ КОРОВА! — заявил он.

Кулаки его проделали огромную дыру в бронзовой морде. Две маленькие струйки пламени вырвались у монстра из ушей. Тайсон нанес новый удар, и бронза смялась под его кулаками, как фольга. Теперь морда быка напоминала вывернутую наизнанку тряпичную куклу.

— Падай! — заорал Тайсон.

Бык покачнулся и опрокинулся на спину. Он слабо перебирал ногами, и дым выходил из его разбитой головы в тех местах, где этого меньше всего можно было ожидать.

Подбежала Аннабет, чтобы осмотреть меня.

Лодыжка болела так, будто ее облили кислотой, но Аннабет дала мне хлебнуть нектара олимпийцев из своей фляжки, и мне моментально полегчало. В воздухе витал запах паленого, который, как я понял позже, исходил от меня. Волосы у меня на руках сожгло дочиста.

— Где второй бык? — спросил я.

Аннабет указала на подножие холма. О втором быке позаботилась Кларисса. Она вонзила в его заднюю ногу копьё из небесной бронзы. Теперь, с наполовину отрубленной мордой и зияющей пробоиной в бедре, он мог двигаться только медленно, кругами, как карусельная лошадка.

Сняв шлем, Кларисса подошла к нам. Прядь ее прямых, как палки, каштановых волос дымилась, но она делала вид, что не замечает этого.

— Ты, падаль, вечно ты во все встреваешь! — заорала она на меня. — У меня все было под контролем!

Я был слишком ошеломлен, чтобы ответить.

— И тебе тоже доброго дня, Кларисса, — проворчала Аннабет.

— Никогда, — огрызнулась Кларисса, — слышите, никогда даже и не пытайтесь спасти меня!

— Кларисса, — сказала Аннабет, — тебе сейчас есть о ком побеспокоиться.

Это отрезвило дочь Ареса. Даже Кларисса заботилась о вверенных ей солдатах.

— Я еще вернусь, — прорычала она и потащилась оценивать нанесенный ущерб.

— Ты не умер, — констатировал я, уставившись на Тайсона.

Тот потупился, словно бы смущаясь.

— Прости. Пришел на помощь. Не послушал тебя.

— Это я виновата, — вступилась Аннабет. — Но у меня не было выбора. Я позволила Тайсону пересечь границу, чтобы спасти тебя. Иначе бы ты погиб.

— Позволила ему пересечь границу? — спросил я. — Но...

— Перси, — вздохнула Аннабет, — ты когда-нибудь внимательно приглядывался к Тайсону? То есть... смотрел ему прямо в лицо? Отгони туман и посмотри, какой он на самом деле.

Туман заставляет смертных видеть лишь то, что доступно их пониманию... Я знал, что он может играть злые шутки и с полубогами, но...

Я посмотрел Тайсону прямо в лицо. Я никогда не мог разглядеть его как следует, сам не знаю почему. Я думал, это потому, что в его щербатых зубах застряло арахисовое масло. Теперь я вынудил себя сосредоточиться

на его носе картошкой, потом поднял взгляд чуть выше, посмотрел ему в глаза.

Нет, не в глаза.

В глаз! Один большой, по-телячьи карий глаз, прямо посреди лба, с толстыми ресницами и крупными слезами, которые катились по обеим его щекам.

— Тайсон, — запинаясь, произнеся. — Так ты...

— Циклоп, — тут же влезла Аннабет. — Судя по виду, еще ребенок. Возможно, поэтому он не мог пересечь границу так легко, как быки. Тайсон — один из бездомных сирот.

— Один из кого?

— Они живут почти во всех больших городах, — с неприязнью произнесла Аннабет. — Это... ошибки, Перси. Дети природных духов и богов... Ну, как правило, одного бога... и они не всегда получают милостивыми младенцами. Их отовсюду гонят. Никто не хочет иметь с ними дела. Они так и растут, как дикари, на улицах. Не знаю, как именно *этот* нашел тебя, но он к тебе привязался. Это очевидно. Отведем его к Хирону, пусть он решает, что с ним делать.

— Но огонь. Как это получилось?..

— Он же циклоп. — Аннабет помедлила, как бы припоминая что-то неприятное. — Они работают в кузнях богов. Они должны быть недоступны для огня. Вот что я пыталась внушить тебе.

Я был потрясен. Как же я сам до сих пор не догадался, кто такой Тайсон?

Но в тот момент мне просто некогда было об этом размышлять. Одну из сторон холма целиком охватил огонь. Раненые герои требовали внимания. И еще имелись искореженные тела двух бронзовых быков, которые надо куда-то девать: я подумал, что в обычный агрегат по переработке мусора они вряд ли поместятся.

Снова подошла Кларисса, стирая сажу со лба.

— Джексон, если можешь встать — поднимайся. Надо отнести раненых в Большой дом и дать знать Танталу о случившемся.

— Танталу? — переспросил я.

— Новому исполнительному директору, — неприязненно объяснила Кларисса.

— Но исполнительный директор — Хирон. И где Аргус? Он начальник службы безопасности. Он должен быть здесь.

— Аргуса выставили. — Кларисса скорчила кислую мину. — Вы двое слишком долго отсутствовали. Мир меняется.

— Но Хирон... Он учил ребят сражаться с монстрами более трех тысяч лет. Он не может просто так уйти. Что случилось?

— А то и случилось, — оборвала меня Кларисса.

Она указала на дерево Талии.

Каждый обитатель лагеря знал историю дерева. Шесть лет назад сатир Гроувер, Аннабет и еще два полубога, Талия и Лука, добрались до Лагеря полукровок, преследуемые целым воинством чудовищ. Когда они достигли верхушки холма, Талия, дочь Зевса, в последний раз встала на пути монстров, позволив своим друзьям достичь безопасного места. Когда она умирала, ее отец Зевс смилостивился над ней, обратив ее в сосну. Ее дух укрепил волшебные границы лагеря, защищая его от чудовищ. С тех пор сосна росла на вершине, крепкая и здоровая.

Но теперь иголки ее пожелтели. Высокая насыпь опавшей хвои выстлала основание дерева. В трех футах от земли, прямо по центру ствола, виднелась отметина размером с пулевое отверстие, откуда сочился зеленый сок.

Я содрогнулся, словно кто-то запихнул мне в грудь кусок льда. Теперь я понял, почему лагерь в опасности. Волшебные границы пали, потому что дерево Талии погибало!

Кто-то отравил его.

Глава пятая

У меня появляется новый сосед

Случалось ли вам возвращаться в свою комнату, а там все перевернуто вверх дном? Так некоторые заботливые люди (да, мама?) пытаются навести у тебя порядок, и вдруг оказывается, что ты ничего не можешь найти. И даже если ничего не пропало, все равно не отделаться от неприятного щекочущего ощущения, будто кто-то рылся в твоих личных вещах, протирая каждую поверхность ароматизированной полировкой для мебели.

Примерно такое чувство я испытал, увидев Лагерь полукровок.

На первый взгляд никаких особых перемен не произошло. Большой дом с крышей из голубой черепицы и кольцевой верандой стоял на прежнем месте. Все так же нежились на солнце клубничные поля. По долине были разбросаны все те же греческие здания с белыми колоннами — амфитеатр, боевая арена, павильон для трапезы, откуда был виден Лонг-Айленд. А между лесом и ручьем ютились все те же домики: двенадцать своеобразных строений, каждое из которых посвящалось олимпийскому богу.

Но теперь в воздухе витала тревога. Можно было с уверенностью сказать: тут что-то не в порядке. Вместо игры в волейбол воспитатели и сатиры складывали под навес мечи и копья. Вооруженные луками и стрелами дриады о чем-то нервно перешептывались на окраине леса. Деревья выглядели чахлыми, трава в полях пожелтела, а огненные отметины на Холме полукровок были похожи на уродливые язвы.

Кто-то испоганил это самое любимое на свете место, и я уже не был здесь счастлив, как прежде.

По пути к Большому дому я встретил немало ребят, которых помнил еще с прошлого лета. Никто не остановился, не заговорил со мной. Никто не сказал: «С возвращением, парень!» Некоторые оглядывались при виде Тайсона, однако большинство угрюмо проходили мимо, исполняя обычные обязанности: разносили послания, волокли мечи, чтобы заострить их на точильных колесах... Лагерь напоминал военное училище. Можете мне поверить, что так оно и было, — из парочки таких заведений меня вышвырнули.

Но для Тайсона все это ровно ничего не значило.

— Это че? — изумленно открывая рот, спрашивал он.

— Конюшня пегасов, — отвечал я. — Крылатых лошадей.

— А это?

— Ну... это уборные.

— А это че?

— Домики обитателей лагеря. Если неизвестно, кто из богов твой отец, тебя помещают в домик Гермеса — видишь вон там, коричневый, — пока не установят. А потом сразу определяют в группу детей матери или отца.

Тайсон воззрился на меня в благоговейном изумлении.

— И у тебя... есть свой домик?

— Номер три. — Я указал на невысокое серое строение, сложенное из морских камней.

— Ты живешь там с друзьями?

— Нет. Один.

Объяснять не хотелось. Горькая правда состояла в том, что я был один в домике, поскольку считалось: меня и вовсе не должно быть на свете. После Второй мировой войны Большая тройка — Зевс, Посейдон и Аид — заключили договор, что больше не будут иметь детей от смертных женщин. Мы, их дети, были более могущественными, чем обычные полукровки. И слишком непредсказуемы. Когда мы сходили с ума, возникали проблемы... к примеру, та же Вторая мировая. Большая тройка нарушила договор только дважды — когда Зевс зачал Талию, а Посейдон — меня. Мы оба не должны были появиться на свет.

Зевс превратил Талию в сосну, когда ей едва исполнилось двенадцать. А я... я изо всех сил старался не отправиться по ее стопам. Мне снились кошмары, что если я буду на краю смерти, то Посейдон может превратить меня, ну, скажем, в планктон. Или в плавучие бурые водоросли.

Когда мы пришли в Большой дом, Хирон был у себя в комнате, пакуя вещи под звуки своей любимой эстрадной музыки шестидесятых годов. Кажется, я уже упоминал, что Хирон — кентавр. От пояса и выше он выглядит как обычный мужчина среднего возраста с вьющимися каштановыми волосами и чахлой бородкой. Ниже пояса — это белоснежный боевой скакун. Он может сойти за человека, укрыв свою нижнюю часть в волшебной инвалидной коляске. Замаскировавшись таким образом, Хирон преподавал мне латынь в шестом классе обычной школы. Но чаще, если потолки в комнате достаточно высоки, он предпочитает не скрывать свою природу.

Едва увидев его, Тайсон застыл на месте.

— Лошадка! — восхищенно выкрикнул он.

— Что, простите? — Хирон с оскорбленным видом повернулся к нам.

Вбежавшая Аннабет крепко обняла его.

— Хирон, что происходит? Ты что... уезжаешь?

Голос ее задрожал. Хирон был для нее вторым отцом. Кентавр взъерошил ей волосы, улыбаясь доброй улыбкой.

— Привет, дитя! И, боже мой, Перси! Вырос-то как за год!

Я постарался сдержать эмоции, хотя в горле застрял комок.

— Кларисса сказала, что вы... что вас...

— ...вытурили, — весело подхватил Хирон, но глаза его мрачно блеснули. — Что ж, вину всегда надо на кого-то свалить. Повелитель Зевс был очень расстроен. Дерево, в которое он заключил дух своей дочери, — отравлено! Мистеру Д. пришлось кое-кого наказать.

— Вы хотите сказать — помимо вас, — проворчал я.

Одна только мысль о директоре лагеря мистере Д. приводила меня в ярость.

— Но это же чушь какая-то! — вскричала Аннабет. — Какое отношение ты, Хирон, мог иметь к отравлению дерева Талии!

— Тем не менее, — вздохнул Хирон, — на Олимпе, при сложившихся обстоятельствах, мне не очень-то доверяют.

— Каких обстоятельствах? — спросил я.

Лицо Хирона омрачилось, и он только покачал головой. Затем продолжил собираться, положил латинско-английский словарь в свою придорожную суму, вытащил из проигрывателя пластинку Фрэнка Синатры.

Тайсон по-прежнему изумленно взирал на Хирона. Он даже повизгивал — так ему хотелось шлепнуть Хирона по крупу, но он боялся подойти ближе.

— Лошадка?

— Мой дорогой юный циклоп, — фыркнул Хирон. — Я — кентавр!

— Хирон, что с деревом? — спросил я. — Что случилось?

— Яд, которым отравили дерево Талии, — из царства мертвых, — вздохнул Хирон. — Страшный яд, какого даже мне не доводилось видеть. Должно быть, он — порождение чудовища, обитающего в самых глубоких подземельях Тартара.

— Тогда мы знаем, чьих рук это дело. Кро...

— Не называй имени повелителя титанов, Перси! Особенно здесь и сейчас.

— Но прошлым летом он пытался развязать гражданскую войну на Олимпе! Вот в чем его замысел! И для того чтобы воплотить его, он использовал этого предателя — Луку.

— Возможно, — согласился Хирон, — но боюсь, что ответственность

за случившееся все равно несу я. Я не помешал этому и не смог найти целебное средство. Дереву осталось всего несколько недель жизни, если только не...

— Если что? — спросила Аннабет.

— Нет, — сказал Хирон. — Глупости. Действие яда распространилось по всей долине. Волшебные границы день ото дня становятся все ненадежнее. Вымирает сам лагерь. Только одно магическое средство могло бы оказаться достаточно сильным, чтобы остановить действие яда, но оно было утрачено много веков назад.

— Что это? — спросил я. — Мы отправимся на поиск и найдем его!

Хирон закрыл свои походные сумы. Выключил проигрыватель. Затем повернулся, положил руки мне на плечи и сказал, глядя прямо в глаза:

— Перси, ты должен пообещать мне, что не будешь действовать опрометчиво. Я сказал твоей матери, что вообще не хочу, чтобы ты приезжал этим летом. Это слишком опасно. Но, раз уж ты приехал, останься здесь. Упорно тренируйся. Учись биться. Но не уезжай.

— Почему? — спросил я. — Почему ты так говоришь? Я хочу что-нибудь сделать! Я не могу позволить разрушить границы лагеря. Тогда все...

— ...попадет в лапы монстров. Да, боюсь, что так. Но ты не должен позволить вовлечь себя в поспешные действия! Это может быть ловушкой повелителя титанов. Вспомни прошлое лето! Он почти лишил тебя жизни.

Хирон говорил правду, и все же мне ужасно хотелось помочь. И еще у Кроноса был должок передо мной. Думаете, повелитель титанов усвоил урок, преподанный ему тысячелетия назад, когда он был низвергнут с небес богами? Думаете, что, разрубленный на тысячи кусков и заключенный в самое мрачное место Аида, он утратил надежду? Нет! Он был бессмертен и, даже прозябая в Тартаре и страдая от вечных мук, жаждал возвращения на Олимп и мести. Кронос не мог действовать сам, но обладал достаточной силой, чтобы смущать умы смертных и даже богов, заставляя их действовать в своих грязных целях. Прошлым летом он сделал такую попытку...

Я не сомневался, вина за отравление лежала на нем. Разве могло еще найтись существо столь низкое, чтобы напасть на дерево Талии — единственное, что осталось от героини, которая пожертвовала своей жизнью во имя друзей?

Аннабет с трудом удерживала слезы. Хирон ласково смахнул ускользнувшую каплю влаги с ее щеки.

— Оставайся вместе с Перси, дитя мое, — сказал он ей. — Береги его.

Помни о пророчестве!

— Да... я не забуду.

— Хм, — сказал я, — не идет ли опять речь о суперопасном пророчестве, которое касается меня и о коем боги запретили мне рассказывать?

Они оба промолчали.

— Нормально, — пробормотал я. — Просто проверочка.

— Хирон... — тихо произнесла Аннабет. — Ты говорил мне, что боги даровали тебе бессмертие лишь на время, пока ты будешь воспитывать героев. Если они увольняют тебя...

— Поклянись, что сделаешь все, чтобы уберечь Перси от опасности, — потребовал кентавр. — Поклянись Стиксом.

— Я... я клянусь рекой Стикс, — сказала Аннабет.

За окном прогрохотал гром.

— Отлично, — кивнул Хирон. Казалось, он немного расслабился. — Возможно, мое имя не будет опорочено и я еще вернусь. А пока отправлюсь навестить своих диких сородичей во Флориде. Возможно, они знают средство от яда, которое я позабыл. В любом случае буду пребывать в изгнании, пока это дело не разрешится... так или иначе.

Аннабет приглушенно всхлипнула. Хирон неловко похлопал ее по плечу.

— Теперь послушай, дитя мое. Я должен верить твою безопасность мистеру Д. и новому исполнительному директору Танталу. Надо надеяться... они не разрушат лагерь так быстро, как я этого боюсь.

— Кстати, кто такой этот Тантал? — спросил я. — Откуда он взялся на ваше место?

Над долиной разнеслись знакомые звуки — трубили в раковину. Я не думал, что уже так поздно. Настало время собираться на вечернюю трапезу.

— Ступай, — сказал мне Хирон, — встретишься с ними за ужином. Я свяжусь с твоей матерью, Перси, и сообщу, что ты вне опасности. Конечно, она уже начала волноваться. Помни, о чем я тебя предупреждал! Ты здорово рискуешь. Думаешь, повелитель титанов хоть на мгновение забыл о тебе?

Сказав это, он, стуча копытами, выбежал из Большого дома и промчался вниз по холму.

— Лошадка! Не убегай! — крикнул Тайсон ему вслед.

Я сообразил, что забыл рассказать Хирону о своем сне про Гроувера. Теперь уже было слишком поздно. Мой любимый учитель покинул нас. Что ж, может, для него все и обойдется.

Тайсон разревелся не хуже, чем Аннабет.

Я попытался успокоить их, сказать, что все будет хорошо, хотя сам этому не верил.

* * *

Солнце уже садилось за павильоном для трапезы, когда обитатели лагеря вышли из домиков. Стоя в тени мраморной колонны, мы наблюдали, как они строятся в шеренгу. Аннабет все еще была сильно расстроена, но пообещала поговорить с нами попозже. После чего присоединилась к своим сородичам из домика Афины — дюжине мальчиков и девочек с такими же светлыми кудрями и серыми глазами, как у нее. Аннабет была не самой старшей из них, но провела в лагере больше времени, чем остальные. Об этом можно было судить, взглянув на ее ожерелье, — бусина за каждое лето, а у Аннабет их шесть. Никто не оспаривал ее права встать во главе колонны.

Далее шествовала Кларисса, которая вела обитателей домика Ареса. Одна рука у нее была перевязана, а на щеке виднелась глубокая, рваная рана, но в остальном стычка с бронзовыми быками не особо сказалась на ней. Кто-то приклеил ей на спину клочок бумаги с надписью: «Телка — смерть быкам!» Но никто из ее ребят не потрудился сказать ей об этом.

После детей Ареса шли потомки Гефеста — шестеро ребят, которыми предводительствовал Чарльз Бекендорф — крупный пятнадцатилетний афроамериканец. Ладони у него были размером с рукавицы, какими пользуются кузнецы, черты лица суровые, глаза прищурены — это оттого, что ему целый день приходилось проводить в кузне. Он — славный парень, особенно если сойтись с ним поближе, но никто никогда не называл его Чарли, или Чак, или даже Чарльз. Большинство звало его просто Бекендорф. Ходили слухи, что он может выковать все, что угодно. Дайте ему металлическую болванку — и од сделает вам острый как бритва меч, работа-воина или поющую поилку для сада вашей бабушки. Все, что душа пожелает.

Далее следовали ребята из других домиков, маршировавшие строем: домик Деметры, Аполлона, Афродиты, Диониса. Наяды плыли по озеру на лодках. Дриады мелькали между деревьями. С луга подошла дюжина сатиров, при виде которых я с болью в сердце вспомнил о Гроувере.

Для сатиров всегда находилось множество дел. В поле они выполняли самые разнообразные поручения директора лагеря мистера Д., но главную

работу делали в реальном мире. В каком-то смысле они набирали рекрутов для лагеря. Под различным прикрытием они внедрялись в школы по всему свету, выискивая потенциальных полукровок и препровождая их в лагерь. Так я встретился с Гроувером. Он был первым, кто признал во мне полубога.

За сатирами, замыкая шествие, в трапезную потянулись обитатели домика Гермеса. Их колония была самой многочисленной. Прошлым летом их вел Лука, который вместе с Талией и Аннабет сражался на Холме полукровок. Какое-то время, прежде чем Посейдон признал меня, я жил в домике Гермеса. Лука сдружился со мной, а затем... попытался меня убить.

Ныне обитателей домика Гермеса возглавляли Тревис и Коннор Стоулл. Не будучи близнецами, они так походили друг на друга, что их все равно считали таковыми. Я никак не мог запомнить, кто из них старше. Оба были высокие, тощие, с гривой каштановых волос, ниспадавших на глаза. Оранжевые футболки Лагеря полукровок они носили навыпуск, поверх мешковатых шортов, и унаследовали все проказливые черты, свойственные отпрыскам Гермеса: удивленно поднятые брови, саркастические улыбки и тот особый блеск в глазах, когда они смотрели на тебя, — словно собирались засунуть петарду тебе в штаны. Мне всегда казалось забавным, что фамилия у отпрысков бога воров — Стоулл, но, стоило мне заикнуться об этом Тревису или Коннору, как оба тут же делали непонимающие лица, словно шутка до них не доходила.^[6]

Как только в трапезную вошли все обитатели лагеря, я вывел Тайсона на середину павильона. Разговоры мигом стихли. Взоры устремились на вновь прибывшего.

— Этого-то кто сюда звал? — пробормотал кто-то за столом Аполлона.

Я сверкнул глазами в их сторону, но так и не понял, кто это сказал.

Знакомый голос за первым столиком, растягивая слова, произнес:

— Так-так, сдается мне, что это Питер Джонсон. Какой подарок к моему тысячелетию!

— Перси Джексон... сэр, — ответил я, скрипя зубами.

Мистер Д. сделал глоточек диетической колы.

— Да. Впрочем, как теперь выражаются молодые люди, без разницы.

На нем была обычная гавайская рубашка с расцветкой под леопарда, шорты и теннисные туфли с черными носками. Со своим брюшком и раздутым красным лицом он напоминал туриста из Лас-Вегаса, который допоздна засиделся в казино. Трепещущий сатир, стоя за его спиной, ощипывал виноградную лозу и по одной передавал виноградины мистеру Д.

Настоящее имя мистера Д. — Дионис. Бог вина и виноделия. Зевс назначил его директором Лагеря полукровок, чтобы тот слегка просох от возлияний и в наказание за домогательства в отношении некоторых распущенных лесных нимф.

Рядом с ним, там, где обычно сидел Хирон (или стоял, когда ему хотелось подчеркнуть, что он — кентавр), присутствовал некто, кого я видел впервые: невероятно худой мужчина в потрепанном оранжевом комбинезоне, напоминавшем тюремную робу. На кармане значился номер 0001. Под глазами этого человека залегли синие тени, ногти были обведены грязной каемкой, а седые волосы выглядели так, будто последнюю стрижку ему делали садовыми ножницами. Он пристально посмотрел на меня, и от его взгляда мне стало не по себе. Вид у мужчины был какой-то... надломленный. Злоба, отчаяние, голод — все это сочеталось в его облике.

— Вот за этим юношей, — сказал ему Дионис — вам надо присматривать особо. Сын Посейдона, знаете ли.

— Ага, — кивнул заключенный. — Вот за этим, значит.

По его тону было совершенно ясно, что они с Дионисом уже не раз говорили обо мне.

— Я Тантал, — произнес заключенный, холодно улыбаясь. — Здесь по специальному назначению, пока... ну, пока мой повелитель Дионис не решит иначе. А ты, Персей Джексон, я очень на это надеюсь, будешь осмотнительнее и не станешь доставлять нам новые неприятности.

— Неприятности? — переспросил я.

Дионис щелкнул пальцами. На столе появилась газета — передовица сегодняшнего номера «Нью-Йорк пост». Там была фотография альбома выпускников нашего класса в Мериузер. Мне трудно было прочесть заголовок, но я прекрасно догадывался, о чем говорилось в статье. Что-нибудь вроде: «Тринадцатилетний псих поджигает спортзал».

— Да, неприятности, — с удовлетворением подтвердил Тантал. — Насколько я понимаю, прошлым летом ты был постоянным источником неприятностей.

Я ощутил такой прилив ярости, что даже не смог ответить. Словно это по моей вине конфликт между богами едва не перерос в гражданскую войну!

К столу робко приблизился сатир и поставил перед Танталом тарелку с жареным мясом. Новый исполнительный директор облизнулся. Посмотрев на свой пустой кубок, он сказал:

— Рутбир, ^[7] из эксклюзивных запасов тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года.

В сосуде сама собой вспенилась содовая. Тантал нерешительно протянул руку, словно боясь обжечься.

— Давай, дружище, — сказал Дионис со странным блеском в глазах. — Может, на этот раз сработает.

Тантал попытался схватить кубок, но тот увернулся и заскользил прочь, прежде чем он успел дотронуться до него. Несколько капель газированного напитка пролилось на стол, и Тантал попытался обмакнуть в них кончики пальцев, но капельки скатились по гладкой поверхности, как ртуть, прежде чем он успел коснуться их. Зарычав, Тантал повернулся к тарелке с говядиной. Он нацелил вилку на кусок мяса, но блюдо стремительно умчалось со стола, опрокинув свое содержимое в жаровню.

— Чтоб их всех! — пробормотал Тантал.

— Ну, ничего, ничего, — произнес Дионис лживо-сочувственным голосом. — Может, через несколько дней... Поверь мне, старина, работать в этом лагере и без того сплошная пытка. Уверен, что древнее проклятие в конце концов будет снято.

— В конце концов, — пробормотал Тантал, жадно глядя на стоящую перед Дионисом диетическую колу. — Да ты хоть представляешь, как может пересохнуть в глотке за три тысячи лет?

— Так вы тот дух с Полей наказания, — сообразил я. — Тот, который стоит в озере под фруктовым деревом, но не может нагнуться и сделать глоток воды или съесть плод?

— Ты настоящий грамотей, да, парень? — усмехнулся Тантал.

— Вы, наверное, действительно сделали что-то ужасное, когда были живы, — продолжал я, мягко выражаясь, впечатленный этим фактом. — Что же?

Тантал сощурился. Сатиры за его спиной отчаянно трясли головами, предостерегая меня.

— Глаз с тебя не спущу, Перси Джексон, — медленно проговорил Тантал. — Мне в моем лагере неприятности не нужны.

— В вашем лагере уже происходят неприятности... сэр.

— Иди уже, сядь на место, Джонсон, — вздохнул Дионис. — Мне кажется, тебе подходит вон тот столик, за которым больше никто не хочет сидеть.

Лицо мое пылало, но я знал: лучше сделать, что тебе говорят, чем препираться. Дионис — та еще скотина, но он был бессмертным и обладал сверхъестественной властью.

— Пошли, Тайсон, — сказал я.

— О нет, — парировал Тантал. — Этот пусть останется здесь. Нам еще

предстоит решить, что с этим делать.

— С ним, а не с этим, — огрызнулся я. — Между прочим, его зовут Тайсон.

Новый исполнительный директор вздернул бровь.

— Тайсон спас лагерь, — настойчиво повторил я. — Он разделался с бронзовыми быками. Иначе они спалили бы все это место дотла.

— Да, — вздохнул Тантал, — какая жалость.

Дионис хихикнул.

— Оставь нас, — приказал Тантал, — пока мы будем решать судьбу этого существа.

Тайсон со страхом посмотрел на меня своим единственным большим глазом, но я знал, что не могу послушаться прямого приказа исполнительного директора. По крайней мере, открыто.

— Я буду тут, рядом, парень, — пообещал я. — Не волнуйся. Мы подыщем тебе крышу над головой, где можно переночевать.

— Я тебе верю. Ты мой друг, — кивнул Тайсон.

Это только усугубило чувство вины, которое терзало меня с самого появления в лагере.

Я поплелся к столу Посейдона и тяжело опустился на скамью. Лесная нимфа поставила передо мной блюдо с олимпийской пиццей с оливками и пепперони,^[8] но есть не хотелось. За один день меня дважды чуть не убили. К тому же меня угораздило завершить хороший учебный год форменным безобразием. Лагерь полукровок ждали серьезные неприятности, а Хирон велел мне ни во что не ввязываться.

Я не чувствовал себя в большом долгу перед богами, но по привычке отнес свое блюдо к бронзовой жаровне и соскреб на нее то, что там оставалось.

— Посейдон, — пробормотал я, — прими мою жертву.

«И пошли мне хоть малую помощь, — молча взмолился я. — Пожалуйста».

Дым горячей пиццы преобразился в нечто благоуханное — запах свежего речного бриза, смешанный с ароматом полевых цветов, — но у меня не было ни малейшей уверенности, что мой отец услышал меня.

Я вернулся на свое место. Я и не подозревал, что все может обернуться еще хуже. Но тут Тантал приказал сатиру протрубить в раковину, чтобы привлечь наше внимание к объявлениям, которые намеревался сделать.

— Итак, — сказал Тантал, когда шум окончательно стих. — Еще одна отличная трапеза. Или, по крайней мере, мне так сказали. — Говоря это, он незаметно протянул руку к своему блюду, которое уже вновь наполнилось, видно надеясь, что еда не заметит его маневров.

Но не тут-то было. Как только рука его приблизилась к блюду на шесть дюймов, последнее словно ветром со стола сдуло.

— И это в первый день моего вступления в должность, — продолжал Тантал. — Иными словами, какое сладостное наказание находится здесь. В течение лета я надеюсь измучить... то есть, я имел в виду, установить контакт со всеми вместе и с каждым из вас по отдельности. Вы все выглядите такими аппетитными, дети.

Дионис вежливо зааплодировал, вслед за этим раздались робкие аплодисменты некоторых сатиров. Тайсон по-прежнему стоял у главного стола и чувствовал себя явно неловко, но, как только он попытался отойти в сторонку, Тантал вытаскивал его на всеобщее обозрение.

— А теперь некоторые изменения! — Тантал криво усмехнулся. — Гонки колесниц возобновляются!

По всем столам прокатился возбужденный, испуганный и недоверчивый ропот.

— Теперь мне известно, — продолжал Тантал, возвышая голос, — что эти состязания были прекращены несколько лет назад, скажем так, по техническим причинам.

— Три смерти и двадцать шесть увечий, — произнес кто-то за столом Аполлона.

— Да, да! — покивал Тантал. — Но я уверен, что все вы с радостью поддержите меня, чтобы возродить традиции лагеря. Каждый месяц победители в заездах будут получать позолоченные лавровые венки. Команды могут зарегистрироваться утром. Первые гонки произойдут в течение трех дней. Мы освободим вас от большей части повседневной деятельности, чтобы вы могли подготовить колесницы и выбрать лошадей. И еще, я забыл сообщить, команда-победительница на целый месяц освобождается от тяжелой принудительной работы!

За всеми столами раздались возбужденные возгласы. Никаких полевых работ? Никакой чистки конюшен в течение месяца? Он что, серьезно?

Возразить осмелился человек, от которого я меньше всего этого ожидал.

— Но, сэр! — произнесла Кларисса. Она нервничала, но встала, чтобы говорить от имени стола Ареса. Некоторые обитатели лагеря захихикали, увидев «Телка — смерть быкам!» у нее на спине. — А как же несение

патрульной службы? То есть если мы бросим все, чтобы готовить свои колесницы...

— Вот она, героиня дня! — воскликнул Тантал. — Отважная Кларисса, которая одной рукой одержала верх над бронзовыми быками!

Кларисса заморгала, на щеках ее вспыхнул румянец.

— Хм, но я...

— К тому же скромница, — усмехнулся Тантал. — Не волнуйся, дитя мое! Это же летний лагерь. Все мы здесь, чтобы радоваться и веселиться.

— Но дерево...

— А теперь, — сказал Тантал, после того как несколько подруг Клариссы силком усадили ее на место, — прежде чем мы перейдем к хорошему пению у костра, один небольшой частный вопрос. Перси Джексон и Аннабет Чейз по какой-то причине сочли уместным привести *это* сюда.

Взмахом руки он указал на Тайсона.

За столами тревожно зашептались. Многие посматривали в мою сторону. Так бы и убил этого Тантала!

— Всем известно, — продолжал он, — что циклопы имеют репутацию кровожадных монстров с крайне невысоким уровнем интеллекта. В обычной ситуации я выпустил бы эту тварь в лес и натравил бы вас на него с факелами и острыми колями. Но кто знает? Быть может, эта разновидность циклопов не так ужасна, как их собратья. Пока он не докажет, что заслуживает уничтожения, мы должны его где-то содержать. Я подумал было о конюшнях, но это будет нервировать лошадей. Быть может, в домике Гермеса?

За столом Гермеса воцарилось гробовое молчание. Тревис и Коннор Стоулл проявили неожиданный интерес к орнаменту на скатерти. Я не виню их. Домик Гермеса и без того вечно был переполнен. Он просто не мог вместить еще и огромного циклопа.

— Ладно, послушайте. — В голосе Тантала послышалось раздражение. — Чудовище могло бы стать уборщиком. Где построить для него конуру, какие будут предложения?

Неожиданно все дружно вздохнули.

Тантал в изумлении отшатнулся от Тайсона. А мне оставалось только недоверчиво взирать на зеленое свечение, которому было суждено изменить мою жизнь: над головой Тайсона возник ослепительный голографический образ.

К горлу подступила тошнота, когда я вспомнил, что Аннабет сказала насчет циклопов: «Это дети богов и духов природы... Особенно одного из

богов...»

Над головой Тайсона вращался светящийся зеленый трезубец — такой же символ, какой появился надо мной, когда Посейдон признал во мне своего сына.

Настало мгновение благоговейного молчания.

Признание — редкое событие. Часть обитателей лагеря тщетно ожидали его всю жизнь. Когда прошлым летом Посейдон подал мне знак, все почтительно преклонили предо мной колени. Но теперь всем заправлял Тантал, а на него напал неудержимый хохот.

— Отлично! Думаю, теперь мы знаем, куда поселить эту тварь. Клянусь богами, я даже вижу семейное сходство!

Все дружно рассмеялись, кроме Аннабет и еще нескольких моих друзей.

Сам Тайсон, казалось, ничего не замечал. Он был слишком озадачен, стараясь прихлопнуть светящийся трезубец, постепенно бледневший над его головой. Он оказался слишком наивным, чтобы понять, что они потешаются над ним, и вообще осознавать, насколько жестоки люди.

Зато я все прекрасно понял.

Итак, у меня появился новый сосед. Моим единокровным братом стало чудовище.

Глава шестая

Нападение демонических голубей

Первые несколько дней стали для меня настоящей пыткой, как того и хотел Тантал.

Я уже не говорю о том, как Тайсон перебирался в домик Посейдона, тихонько хихикая и поминутно повторяя: «Выходит, Перси — мой брат?» — словно он выиграл в лотерею.

— Ну, Тайсон... — отвечал я ему. — Все не так просто.

Но ему никакого объяснения и не требовалось. Он просто был на седьмом небе от счастья. А я... какие бы теплые чувства я ни питал к моему крупногабаритному приятелю, не мог избавиться от неловкости. От стыда. И не скрывал этого.

Мой отец, всемогущий Посейдон, прельстился каким-то духом природы, в результате чего на свет появился Тайсон. То есть я читал мифы о циклопах. Даже помню, что частенько они приходились детьми Посейдону. Но я никогда реально не представлял их себе своими... родственниками. Пока на соседней койке не поселился Тайсон.

Новости по лагерю расходились моментально. Прежде я был Перси Джексон, отважным парнем, который прошлым летом отыскал жезл Зевса-громовержца. А теперь превратился в бедного придурка, братцем которого было уродливое чудище.

— Но он не мой настоящий брат! — возражал я, когда Тайсона не было поблизости. — Скорее, это мой брат наполовину. Ну, вроде дальнего родственника.

Никто не поддавался на мои уловки.

Не спорю, я злился на отца. Быть его сыном стало теперь чуть ли не дурной шуткой.

Аннабет старалась меня утешить. Она предложила нам всем объединиться в команду для гонок на колесницах, чтобы отвлечься. Поймите меня правильно, мы оба ненавидели Тантала и места себе не находили, думая о судьбе лагеря, но что со всем этим делать — не знали. В ожидании пока нам не придет в голову какой-нибудь блестящий план по спасению дерева Талии, мы тешили себя мыслями о гонках. В конце концов, мама Аннабет, Афина, изобрела колесницу, а мой отец, Посейдон, создал коней. Вдвоем мы уж как-нибудь справимся.

* * *

Однажды утром, когда мы с Аннабет сидели на берегу озера, рисуя эскизы колесниц, какие-то шутники из домика Афродиты, проходя мимо, спросили, не одолжить ли мне косметический карандаш для подкрашивания моего глаза... — о, прости, конечно же, глаз!

Когда они, хохоча, удалились, Аннабет пробормотала:

— Просто не обращай на них внимания, Перси. Не твоя вина, что у тебя брат — монстр.

— Он не мой брат! — оборвал я ее. — К тому же он не монстр!

Аннабет удивленно подняла брови.

— Ну что ты на меня накинулся! И потом, если пользоваться точными терминами, он и есть монстр.

— Но ведь это ты позволила ему войти в лагерь.

— Потому что только так можно было спасти тебя! То есть... Прости, Перси, я не ожидала, что Посейдон признает его. Циклопы — самые лживые и коварные существа...

— А вот он — нет! Кстати, что ты имеешь против циклопов?

Аннабет посмотрела на меня из-под полуопущенных ресниц. У меня возникло чувство, что она что-то недоговаривает — что-то не слишком приятное.

— Забудь, — велела она. — А теперь посмотри сюда... видишь, ось для этой колесницы...

— Ты обращаешься с ним так, как будто он мерзость какая-то, — не отставал я. — А ведь он спас мне жизнь.

— Может, тогда будешь рисовать наброски с ним? — Аннабет отшвырнула свой карандаш и встала.

— Может, и буду.

— Прекрасно!

— Прекрасно!

Она умчалась прочь, а у меня на душе стало еще гаже.

* * *

Следующие пару дней я упорно старался не думать о своих проблемах. Силена Берегард, одна из самых красивых девочек из домика Афродиты, впервые научила меня объезжать пегасов. Она объяснила, что

есть только один настоящий крылатый конь по кличке Пегас, который свободно парит где-то в небесах, но за тысячелетия у него появилось многочисленное потомство, и, хотя ни один из них не был таким резвым и храбрым, всех называли в честь самого первого и самого великого.

Будучи сыном бога морей, я никогда не любил подниматься в воздух. Мой папа соперничал с Зевсом, поэтому я старался держаться по возможности дальше от владений повелителя небес. Но ездить на крылатом коне — совсем другое дело. Тут не приходилось нервничать, как тогда, когда я садился в самолет. Может, это потому, что мой отец создал коней из морской пены, так что пегасы были чем-то вроде... нейтральной территории. Я понимал их мысли, и меня не удивляло, когда мой пегас пускался в галоп над верхушками деревьев или мчался вдогонку за стаей чаек в облаках.

Беда заключалась в том, что Тайсон тоже хотел кататься на «лошадках-птичках», но пегасы становились норовистыми и необузданными, стоило ему приблизиться. Я телепатически внушал бедняжкам, что Тайсон не причинит им зла, но, похоже, они мне не верили. Тайсон плакал.

Единственным человеком в лагере, у кого не возникало никаких проблем в общении с Тайсоном, был Бекендорф из домика Гефеста. Бог кузнецов всегда работал в своих кузнях с циклопами, поэтому Бекендорф взял с собой Тайсона в оружейную, чтобы обучить ремеслу кузнеца. Он сказал, что научит его ковать такие волшебные предметы, какие никогда не удавалось сделать ни одному мастеру.

После ланча я тренировался на арене с ребятами из домика Аполлона. Фехтование всегда было моей сильной стороной. Говорили даже, что я — лучший в лагере за последнюю сотню лет, за исключением, пожалуй, Луки. Меня всегда сравнивали с ним.

Я легко побеждал сыновей Аполлона. Следовало бы проверить себя в состязании с обитателями домиков Ареса и Афины, поскольку они были лучшими фехтовальщиками, но с Клариссой и ее друзьями отношения у меня не заладились, а после ссоры с Аннабет я не хотел ее видеть.

Я ходил на занятия по стрельбе из лука, хотя тут результаты у меня были ужасные, занятия с Хироном не принесли мне большой пользы. На занятиях прикладным искусством я взялся за мраморный бюст Посейдона, но он настолько смахивал на Сильвестра Сталлоне, что я припрятал его подальше. Еще я карабкался на стенку для скалолазов в условиях, приближенных к землетрясению или извержению вулкана, а вечерами участвовал в пограничном патрулировании. Хотя Тантал настаивал на том, чтобы мы прекратили охранять лагерь, некоторые из его обитателей

продолжали вести патрулирование, составляя график с учетом своего свободного времени.

Сидя на вершине Холма полукровок, я смотрел на дриады и слушал, как они поют, обращаясь к гибнущему дереву. Приходили сатиры со своими тростниковыми дудочками, играли волшебные напевы природы, и ненадолго возникало впечатление, что хвоя дерева становится зеленее, цветы на холме чуть сильнее пахнут, а трава выглядит более густой и сочной. Но стоило музыке смолкнуть, как болезнетворный дух воцарялся в воздухе. Весь холм казался зараженным, погибающим от яда, который проник в корни дерева. Чем дольше я сидел там, тем больше злился.

Это сделал Лука. Я вспоминал его хитрую улыбку, шрам от когтя дракона на лице. Он прикидывался моим другом и в то же время преданно служил Кроносу.

Я раскрыл ладонь. Рубец, полученный по милости Луки прошлым летом, заживал, но я все равно разглядел его — белую отметину в форме звезды в том месте, где его скорпион ужалил меня.

Я думал о том, что сказал Лука, перед тем как попытался убить меня: «Прощай, Перси. Грядет новый Золотой век. Но тебе там нет места».

* * *

По ночам мне снова и снова снился Гроувер. Я даже слышал обрывки его фраз.

Один раз он сказал: «Это здесь». А потом: «Ему нравятся овцы».

Я подумал, уж не рассказать ли о своих снах Аннабет, но это было бы глупо. То есть я прямо так и скажу: «Ему нравятся овцы»? Она подумает, что я рехнулся.

Вечером перед гонкой мы с Тайсоном доделывали свою колесницу. Было чертовски холодно. Тайсон трудился, выковывая металлические части. Я шлифовал дерево и собирал повозку. По бокам сине-белой колесницы были нарисованы волны, а спереди изображен трезубец. После этого хочешь не хочешь, а надо было дать Тайсону прокатиться, хотя я знал, что лошадям это не понравится и дополнительный вес циклопа снизит нашу скорость.

Когда мы уже укладывались спать, Тайсон спросил:

— Ты что, на меня сердишься?

Я бросил на него хмурый взгляд.

— Вовсе я не сержусь.

Циклоп лег на свою койку и притих в темноте. Койка была ему коротка. Когда он натянул на себя покрывало, ноги у него высунулись наружу.

— Я ведь монстр.

— Не говори так.

— Да ладно. Я буду хорошим монстром, тогда ты не будешь злиться.

Я не знал, что ответить. Просто лежал, уставясь в потолок и чувствуя, что медленно умираю вместе с деревом Талии.

— Дело в том... просто у меня никогда прежде не было единокровных братьев. — Я постарался, чтобы голос мой не дрожал. — Все это для меня действительно внове. И потом, я переживаю из-за лагеря. И еще беспокоюсь об одном своем друге, Гроувере... он мог попасть в беду. Чувствую, что надо как-то ему помочь, но не знаю как.

Тайсон ничего не ответил.

— Прости, — сказал я ему. — Это не твоя вина. Я просто из себя выхожу, как подумаю о Посейдоне. Я чувствую, что он хочет поставить меня в дурацкое положение, словно сравнивает нас — не пойму зачем.

Я услышал глухое урчание. Тайсон храпел.

— Спокойной ночи, верзила, — вздохнул я.

И тоже закрыл глаза.

* * *

Мне приснился Гроувер в подвенечном платье.

Сидело оно на нем скверно. Подол был слишком длинный и вымазан по нижнему краю засохшей грязью. А декольте слишком глубокое, так что платье едва с него не падало. Рваная фата прикрывала лицо сатира.

Гроувер стоял в промозглой пещере, освещенной только факелами. В одном углу помещалась колыбелька, в другом — старомодный ткацкий станок с основой, наполовину затканной белым полотном. И он уставился на меня во все глаза, словно я — телепередача, которую он невесть сколько дожидается.

— Слава богам! — взвизгнул он. — Ты меня слышишь?

Мое сонное сознание реагировало медленно. Я продолжал оглядываться, рассматривал свисавшие с потолка сталактиты, принюхивался к вони овец и коз, бляение и топот которых эхом доносились из-за валуна размером с холодильник, закрывавшего единственный выход, как будто там, за ним, находилась еще одна очень большая пещера.

— Перси! — позвал Гроувер. — Пожалуйста, у меня нет сил сделать картинку лучше. Ты должен услышать меня!

— Я тебя слышу, — ответил я. — Гроувер, что происходит?

— Сладкая моя, ты уже готова? — раздался чудовищный вопль из-за валуна.

Гроувер вздрогнул.

— Не совсем, дорогой мой! Подожди еще несколько дней! — отозвался он фальцетом.

— Вот так-так! А разве уже не прошло полмесяца?

— Н-нет, дорогой мой. Всего пять дней. Значит, остается еще двенадцать.

Чудовище ничего не ответило, видимо пытаясь произвести устный подсчет. Наверное, с арифметикой у него было еще хуже, чем у меня, потому что в конце концов оно сказала:

— Ладно, только поторопись! Мне так хочется *заглянуть* под эту вуаль, хе-хе-хе.

— Ты должен мне помочь! — Гроувер повернулся ко мне. — Времени почти не осталось! Я замурован в этой пещере. На острове посреди моря.

— Где?

— Точно не знаю! Я отправился во Флориду и свернул налево.

— Что? Что ты сделал?..

— Это была ловушка! — воскликнул Гроувер. — Вот почему ни один сатир никогда не вернулся обратно. Он пастух, Перси! И у него есть это. Его природное волшебство столь могущественно, что запах почти такой же, как у великого бога Пана! Сатиры приходят сюда, думая, что нашли Пана, попадают в ловушку, и их сжирает Полифем!

— Поли — кто?

— Циклоп! — потеряв самообладание, закричал Гроувер. — Мне почти удалось удрать. Я добрался до Святого Августина...

— Но он преследовал тебя, — сказал я, припоминая свой первый сон. — И подкараулил в магазине одежды для новобрачных.

— Верно, — вздохнул Гроувер. — Должно быть, тогда в первый раз сработала наша эмпатическая связь, способность передавать чувства и эмоции... Слушай, это подвенечное платье — единственное, за счет чего мне еще удастся выжить. Он думает, что я странно благоухаю, а я отвечаю, что это духи такие, пахнущие козлом. Слава богу, он еще и видит плохо. Глаз его наполовину слеп после того, как кто-то ткнул в него головней. Но скоро он поймет, кто я такой. Он дал мне только полмесяца, чтобы подготовиться к свадьбе, и сгорает от нетерпения!

— Погоди минутку. Этот циклоп думает, что ты...

— Да! — взвыл Гроувер. — Он думает, что я циклоп-женщина, и хочет жениться на мне!

При иных обстоятельствах я не удержался бы от смеха, но Гроувер был убийственно серьезен. Он дрожал от страха.

— Я спасу тебя, — пообещал я. — Где ты?

— В Море чудовищ, конечно!

— В каком море?

— Я же тебе говорил! Я точно не знаю, где это! И послушай, Перси... хм, мне действительно жаль, что все так случилось, но эта моя эмпатия... словом, у меня не оставалось выбора. Отныне наши эмоции связаны воедино. Если я умру...

— Можешь не договаривать, я умру тоже.

— Конечно, может, и нет. Просто можешь на несколько лет впасть в кому. Но было бы куда лучше, если бы ты вытащил меня отсюда.

— Сладкая ты моя, — проревел циклоп. — Пора обедать! Твой малыш хочет баранины!

— Мне надо идти. Поторопись! — проскулил Гроувер.

— Погоди! Ты сказал, что там было *это*. Что?

Но голос Гроувера звучал все слабее, заглушаемый воплем:

— Солнышко! Не дай мне умереть с голоду!

Сон быстро поблек, и я проснулся как от толчка. Было раннее утро. Тайсон смотрел на меня сверху вниз, его единственный большой карий глаз выражал озабоченность.

— Ты в порядке? — спросил он.

От его голоса у меня по телу пробежали мурашки, потому что звучал он почти так же, как голос монстра из моего сна.

* * *

Утро в день гонок было жарким и влажным. Туман стелился по земле, как пар в сауне. Множество птиц расселось по ветвям деревьев — упитанные серые с белым голуби, вот только ворковали они не как обычные мирные пташки. Они издавали назойливое металлическое поскрипывание, напоминавшее радар подводной лодки.

Трассу проложили в заросшем травой поле между сомкнувшимися аркой деревьями. С помощью бронзовых быков, совершенно смирных, с тех пор как им разбили головы, овальный беговой круг пропахали за

несколько минут.

Для зрителей — Тантала, сатиров, нескольких дриад и всех обитателей лагеря, которые не принимали участия в состязании, — приготовили несколько рядов каменных ступеней. Мистер Д. не показывался. Он никогда не вставал раньше десяти.

— Мы начинаем! — провозгласил Тантал, когда команды собрались. Наяды поставили перед ним большое блюдо с выпечкой, и на протяжении всей речи правая рука оратора гоняла по судейскому столу шоколадный эклер. — Правила всем известны. Длина дистанции составляет четверть мили. Победитель должен пройти ее дважды. Колесница запрягается двумя лошадьми. Каждая команда состоит из возницы и бойца. Применение оружия допустимо. Нечестные приемы приветствуются. Но постарайтесь обойтись без жертв! — Тантал улыбнулся нам, как будто все мы были маленькими шалунишками. — За каждое убийство последует суровое наказание. Никаких пирушек у костра в течение недели! А теперь — готовьте ваши колесницы!

Команду Гефеста на круг вывел Бекендорф. Их колесница, выкованная из бронзы и железа, двигалась плавно, а лошади больше походили на волшебные механизмы наподобие колхидских быков. Я не сомневался, что колесница их оснащена всевозможными ловушками и хитроумными штучками.

Кроваво-красную колесницу Ареса волокли два устрашающего вида скелета. Кларисса взобралась в повозку, увешанная дротиками, булавами и целой охапкой прочих наводящих страх игрушек.

Колесница Аполлона была опрятной и изящной, вся вызолоченная и запряженная кроткими и белыми, как голуби, конями. Их боец вооружился луком, хотя обещал не стрелять в соперников остроконечными стрелами.

Зеленая колесница Гермеса выглядела несколько старомодной, словно ее уже много лет продержали в гараже. На вид ничего особенного в ней не было, но управляли ею братья Стоулл, и я вздрогнул при одной только мысли о том, какие нечестные приемы они заготовили.

Кроме этих, на старт вышли еще две колесницы: одной управляла Аннабет, другой — я.

До начала гонок я подошел к Аннабет и рассказал ей про свой сон.

При упоминании Гроувера она оживилась, но когда я процитировал его слова, снова посуровела и поглядела на меня недоверчиво.

— Интересно, зачем ты мне зубы заговариваешь?

— Да это чистая правда!

— Ну да, конечно! Будто Гроувер мог просто так наткнуться на *нечто*,

способное спасти весь лагерь.

— Что ты имеешь в виду?

— Иди лучше к своей колеснице, Перси, — ответила Аннабет, отводя глаза.

— Я ничего не выдумываю. Он попал в беду, Аннабет!

Вид у нее сделался неуверенный. Я сказал бы, что она про себя решала, верить мне или нет. Несмотря на отдельные ссоры, мы все-таки провели вместе довольно долгое время. И я знал, что она не хочет, чтобы с Гроувером приключилась беда.

— Перси, установить эмпатическую связь не так-то легко. То есть, скорей всего, это тебе приснилось.

— Оракул, — сказал я. — Мы могли бы посоветоваться с оракулом. Аннабет нахмурилась.

Прошлым летом, прежде чем отправиться на поиск, я посетил странный дух, обитавший на чердаке Большого дома, и он произнес пророчество, которое сбылось так, как я совсем не ожидал. Из-за этого я несколько месяцев был просто не в себе. Аннабет понимала, что я никогда не предложил бы вновь обратиться к оракулу, не будь я очень серьезно настроен.

Но не успела она ответить, как прозвучал трубный глас раковины.

— Участники состязаний! — выкрикнул Тантал. — На старт!

— Поговорим позже, — ответила мне Аннабет. — После моей победы.

Когда я шел обратно к своей колеснице, то отметил, что количество голубей на деревьях сильно увеличилось и все они скрипели как безумные, так что ропот шел по всему лесу. Никто не обращал на них внимания, но меня это нервировало. Их клювы странно поблескивали. А глаза, казалось, горели ярче, чем у обычных птиц.

Тайсону никак не удавалось утихомирить наших лошадей. Мне пришлось повозиться, прежде чем они успокоились.

«Это же монстр, повелитель!» — пожаловались они мне.

«Он сын Посейдона, — ответил я лошадкам, — так же как... как и я».

«Нет! — настаивали кони. — Монстр! Пожиратель конины! Мы ему не доверяем!»

«После скачек я угощу вас рафинадом», — пообещал я.

«Рафинадом?»

«Такими большими сладкими кубиками. И яблоками. Я что — забыл про яблоки?»

В конце концов они нагнули шеи и позволили взнуздать себя.

А теперь, если вы никогда не видели древнегреческую колесницу, то

надо упомянуть, что она сконструирована исключительно для быстрой езды, а не для безопасности или удобства. По сути, это деревянная корзина, открытая сзади, которую взгромоздили на ось между двумя колесами. Вознице приходится все время стоять, и тут уж можно непосредственно ощутить на себе каждую выбоину на дороге. Повозка сделана из такого легкого дерева, что если будешь закладывать крутые виражи, то, вполне возможно, перевернешь колесницу и разобьешься сам. Тут тебе нужно проявить такую ловкость и умение, какая не снилась разным там скейтбордистам.

Взяв поводья, я вывел колесницу на старт. Я дал Тайсону десятифутовый шест, объяснив: он для того, чтобы отталкивать другие колесницы, если они подъедут слишком близко, и отражать все, что могут в нас бросить.

— Значит, этой палкой нельзя бить лошадок, — утвердительно сказал он.

— Нет, — ответил я. — И людей, по возможности, тоже. Все должно быть чисто. Просто постарайся убирать с дороги препятствия и дай мне сосредоточиться.

— Мы победим, — широко улыбнулся Тайсон.

«Шансов маловато, — подумал я про себя, — но я должен попытаться».

Я хотел показать остальным... честно говоря, и сам не знаю что. Что Тайсон не такой плохой парень? Что я не стыжусь показываться с ним на публике? А может, что все их колкости и обидные прозвища вовсе не задевают меня?

Когда колесницы выстроились в ряд, к лесу слетелось еще больше голубей с горящими глазами. Издаваемый ими скрежет стал настолько громким, что обитатели лагеря, сидящие на трибунах, стали обращать на него внимание, нервно поглядывая на деревья, ветви которых дрожали под весом птиц. Тантала это вроде бы не беспокоило, но ему пришлось повысить голос, чтобы перекрычать поднявшийся шум.

— Возниче! — крикнул он. — Приготовиться!

Он взмахнул рукой, давая начало гонкам. Под рев трибун колесницы тронулись с места. Копыта с грохотом взметнули пыль. Зрители поддержали нас приветственными возгласами.

Почти сразу же раздался громкий неприятный хруст. Я оглянулся и увидел, как перевернулась колесница Аполлона. В нее на полном ходу врезалась колесница Гермеса — может, по ошибке, а может, и нет. Наездников просто разбросало по сторонам, но впавшие в панику лошади

поволокли золотую колесницу по диагонали через скаковой круг. Команда Гермеса — Тревис и Коннор Стоуллы — хохотала, радуясь своей удаче, но веселье их длилось недолго. Кони Аполлона врезались в них, и колесница Гермеса тоже опрокинулась, и теперь на месте столкновения виднелись груды сломанного дерева и четыре вставшие на дыбы лошади в облаках пыли.

Две колесницы выбыли из борьбы на первых же двадцати футах. Нет, мне определенно нравится этот вид спорта.

Я сосредоточился на том, что происходило впереди. Мы показывали хорошее время, намного оторвавшись от Ареса, но колесница Аннабет была далеко впереди. Она уже огибала первый столб, а ее метатель дротиков усмехался и махал нам руками, крича: «Видали, да?!»

Колесница Гефеста понемногу поравнялась с нами.

Бекендорф нажал на кнопку, и сбоку колесницы открылась панель.

— Прости, Перси! — выкрикнул Бекендорф.

Три комплекта шаров и цепей выстрелили прямо по нашим колесам. Они однозначно вывели бы нас из строя, если бы Тайсон не отразил их быстрым движением шеста. Затем последовал мощный толчок, и колесница Гефеста завияла из стороны в сторону, мы же вырвались вперед.

— Отлично сработано, Тайсон! — завопил я.

— Птицы! — отозвался он.

— Что?

Мы мчались так стремительно, что трудно было что-нибудь разглядеть или услышать, но Тайсон указал на лес, и я понял причину его беспокойства. Голуби покинули деревья. Темным водоворотом, напоминающим огромный торнадо, они надвигались на беговую дорожку.

«Невелика беда, — подумал я. — Просто голуби».

И постарался сосредоточиться на гонке.

Мы прошли первый поворот, колеса жалобно скрипели, колесница грозила опрокинуться, но теперь мы были всего в десяти футах позади Аннабет. Если бы мне удалось еще немного приблизиться, Тайсон смог бы воспользоваться своим шестом...

Боец Аннабет уже не усмехался. Он вытащил из колчана дротик и прицелился в меня. Он уже собирался метнуть его, когда раздался вопль.

Голуби кишмя кишели в воздухе — тысячи их пикировали на зрителей на трибунах, нападали на другие колесницы. Целой тучей они налетели на Бекендорфа. Его боец старался разогнать птиц, но они полностью закрыли обзор. И колесница, конечно же, вылетела за пределы круга, пропахав клубничные грядки; механических лошадей окутало паром.

В колеснице Ареса Кларисса лающим голосом отдала приказ своему бойцу, который проворно набросил на их повозку камуфляжную сеть. Птицы облаком нависли над ними, они клевали руки бойца и когтями раздирали их, пока он старался удержать сеть, но Кларисса, стиснув зубы, продолжала править. Ее клячи-скелеты казались неуязвимыми для птиц. Голуби без толку клевали пустые глазницы, пролетали сквозь ребра, но скакуны продолжали мчаться вперед.

Зрителям повезло меньше. Птицы полосовали их клювами и когтями, ввергнув в состояние полной паники. Теперь, когда птицы подлетели ближе, стало ясно, что это вовсе не обычные голуби. Их глаза-бусинки злорадно сверкали. Клювы у них были бронзовые и, судя по воплям и крикам обитателей лагеря, острые как бритвы.

— Стимфалийские птицы! — выкрикнула Аннабет. Она сбавила ход и поравнялась с моей колесницей. — Они разорвут всех на кусочки, если мы их не прогоним!

— Тайсон, — скомандовал я, — мы поворачиваем обратно.

— Что, сбились с пути? — спросил он.

— Как всегда, — хрипло ответил я, но направил колесницу к трибунам.

Аннабет ехала вровень со мной.

— К оружию, герои! — кричала она.

Однако я совсем не был уверен, что кто-нибудь расслышит ее сквозь издаваемый птицами скрежет и испуганные крики зрителей.

Одной рукой держа поводья, другой я мечом отмахивался от птиц, волнами пикировавших прямо мне в лицо, щелкая металлическими клювами. Я рассекал их на лету, и они взрывались облачком пыли и перьев, но все же их оставалось несметное множество. Одна клюнула меня сзади, и я чуть не выпрыгнул из колесницы.

Аннабет повезло немногим больше. По мере того как мы приближались к трибунам, скопище птиц становилось все гуще.

Часть публики пыталась оказывать сопротивление. Домик Афины призывал вооружиться щитами. Лучники Аполлона выбрали свои луки и стрелы, готовясь отразить угрозу, но, учитывая возникшую сумятицу, стрелять было опасно.

— Их слишком много! — проорал я, обращаясь к Аннабет. — Как от них избавиться?

Она направо и налево разила голубей ножом.

— Геракл использовал шум! Медные колокольчики! Он испугал их самым ужасным звуком, который мог... — Глаза Аннабет расширились. —

Перси... коллекция Хирона!

Я моментально понял ее.

— Думаешь, подействует?

Она передала поводья своему бойцу и небрежно перепрыгнула в мою колесницу, как будто это было проще простого.

— К Большому дому! Это наш единственный шанс!

Кларисса, у которой практически не осталось соперников, пересекла финишную черту и тут только обратила внимание, какую серьезную угрозу представляют птицы.

Заметив нашу удаляющуюся колесницу, она пронзительно выкрикнула:

— Бежите? Поле боя здесь, трусы!

Дочь Ареса вытащила свой меч и ринулась к трибунам.

Я пустил лошадей в галоп. Переваливаясь с боку на бок, колесница протарахтела по клубничным грядкам, через волейбольную площадку и, раскачиваясь, остановилась перед Большим домом. Мы с Аннабет бросились в коридор, ведущий к апартаментам Хирона.

Его проигрыватель по-прежнему стоял на прикроватном столике. Там же были сложены любимые диски. Я схватил самый отвратительный, который только попался под руку, Аннабет взяла в охапку музыкальный аппарат, и мы выбежали наружу.

Внизу, на беговой дорожке, валялись охваченные пламенем колесницы. Раненые обитатели лагеря разбегались во все стороны, птицы полосовали их одежду, вырывали клочки волос, а Тантал гонялся за утренней выпечкой по всем трибунам, поминутно восклицая: «Все под контролем! Не беспокойтесь!»

Мы подбежали к финишной черте. Аннабет принялась настраивать проигрыватель. Я молился, чтобы у него не сели батарейки.

Потом я нажал кнопку «воспроизведение», и раздалась любимая мелодия Хирона из «Знаменитых хитов Дина Мартина». Воздух наполнился звуком скрипок и голосами молодчиков, подвывавших по-итальянски.

Голуби-демоны словно обезумели. Они стали носиться кругами, тараня друг друга, словно хотели вышибить своим собратьям мозги. Потом все разом покинули гоночный круг и огромной темной волной унеслись в поднебесье.

— Лучники! — звонко выкрикнула Аннабет. — Стреляйте!

Когда мишень была хорошо видна, лучники Аполлона стреляли безупречно. Большинство из них могли выпускать по пять-шесть стрел без

перерыва. Через несколько минут землю усеивали мертвые голуби с бронзовыми клювами, а уцелевшие птицы завитком дыма скрывались за горизонтом.

Лагерь был спасен, но и ущерб причинен немалый. Большая часть колесниц разбилась вдребезги. Ранеными оказались практически все, кровь текла из многочисленных порезов, нанесенных птичьими клювами. Жильцы домика Афродиты оплакивали свои испорченные прически и разодранные платья.

— Браво! — объявил Тантал, не глядя на меня и Аннабет. — У нас есть первая победительница!

Подойдя к финишной черте, он наградил позолоченным лавровым венком ошеломленную Клариссу.

— А теперь надо наказать проказников, которые сорвали гонку, — с улыбкой сказал он, поворачиваясь ко мне.

Глава седьмая

Я принимаю дары от незнакомца

Тантал хотел представить все так, будто стимфалийские птицы залетели в наш лес по своим делам и не напали бы, если бы Аннабет, Тайсон и я не взбудоражили их своим неумелым обращением с колесницами.

Это была такая явная несправедливость, что я послал Тантала... поохотиться за очередным пончиком, и это отнюдь не улучшило его расположения духа. Он назначил нас дежурить по кухне: всю вторую половину дня нам предстояло отскребать горшки и блюда в подземном помещении, где посудомойщицами работали гарпии. Гарпии мыли посуду не водой, а лавой, чтобы добиться ослепительной чистоты и убить девяносто девять процентов всех бактерий, поэтому нам с Аннабет пришлось надеть асбестовые рукавицы и фартуки.

Тайсону было все равно. Он погружал голые руки прямо в кипящую лаву и тер что было сил, но нам с Аннабет пришлось хорошенько намучиться, учитывая жару и опасную работу, особенно когда добавилось несколько тонн лишних тарелок. Тантал закатил банкет в честь победы Клариссы — жратва по полной программе плюс дохлые стимфалийские голуби, приготовленные по-деревенски.

Единственной положительной стороной нашего наказания было то, что у нас с Аннабет появился общий враг и куча времени, чтобы поговорить. Еще раз выслушав мой рассказ про сон о Гроувере, она, кажется, поверила.

— Если он действительно это нашел и нам удастся это вернуть...

— Постой, — прервал я ее, — ты ведешь себя точь-в-точь как... Хватит говорить загадками: «если Гровер нашел это»... Что «это»?

— Хорошо, я намекну. Что у тебя остается, когда ты снимаешь шкуру с барана?

— Всякая гадость.

Аннабет вздохнула.

— Руно. Шерсть барана называется руном. А если у барана к тому же золотая шерсть...

— Золотое руно. Ты что, серьезно?

Аннабет соскребла с тарелки в лаву целую кучу голубиных костей.

— Помнишь седых сестер, Перси? Они сказали, будто знают, где

находится то, что ты ищешь. И упомянули Язона. Три тысячи лет назад они рассказали ему, как найти золотое руно. Ты знаешь историю про Язона и аргонавтов?

— Да, — сказал я. — Старый фильм с дурацкими героями.

— О боги! — ответила Аннабет, закатывая глаза. — Перси, ты безнадежен!

— Ну, что еще?

— Просто послушай. Подлинная история руна такова: у Зевса было двое детей — мальчик Кадм и девочка Европа, понял? Их собирались убить, принести в жертву, но они обратились с мольбой к Зевсу, прося его спасти их. Тогда Зевс послал волшебного летающего барана с золотым руном, который перенес их из Греции в Колхиду, что в Малой Азии. На самом деле он перенес одного только Кадма. Европа по пути заболела и умерла, но это не важно.

— Возможно, это было важно для нее.

— Суть в том, что, когда Кадм попал в Колхиду, он принес золотого барана в жертву, а руно повесил на дереве посреди царства. Руно сделало страну процветающей. Животные перестали болеть. Растения давали богатый урожай. У поселян ломились закрома от изобилия продуктов. Мор никогда больше не приходил на эту землю. Вот почему Язон решил похитить руно. Оно оживляет любую землю, где бы ни находилось. Оно лечит болезни, укрепляет природу, очищает от загрязнения...

— И оно может вылечить дерево Талии.

Аннабет кивнула.

— И вернуть былую крепость и надежность границам Лагеря полукровок. Но, Перси, руно пропало вот уже несколько веков назад. Сколько героев искало его — и все безуспешно.

— Но Гроувер нашел его, — возразил я. — Он отправился на поиски Пана, а вместо него нашел руно, поскольку от обоих исходит природное волшебство. Звучит складно, Аннабет. Мы можем отыскать руно и вместе с тем спасти лагерь. Вот было бы здорово!

— Пожалуй, слишком здорово, — нерешительно произнесла Аннабет. — Тебе не кажется? А если это ловушка?

Мне вспомнилось прошлое лето, когда Кронос манипулировал нами. Он почти одурачил нас, едва не помог начать войну, которая разрушила бы западную цивилизацию.

— И как же нам сделать выбор? — спросил я. — Ты поможешь мне найти и спасти Гроувера или нет?

Аннабет бросила взгляд на Тайсона, который утратил интерес к

нашему разговору и, вполне счастливый, забавлялся, пуская в потоки лавы игрушечные кораблики — чашки и ложки.

— Перси, — прошептала она, — нам придется сражаться с циклопами. Полифем — худший из них. И есть только одно место, где может находиться его остров, — Море чудовищ.

— Где это?

Аннабет уставилась на меня так, будто считала, что я разыгрываю дурачка.

— Море чудовищ. То самое, через которое пришлось проплыть Одиссею, Язону, Энею и всем остальным.

— Ты хочешь сказать — Средиземное море?

— Нет. В общем, да... но нет.

— Еще один прямой ответ. Спасибо!

— Перси, пойми же, Море чудовищ — то, через которое проплывают все герои в поисках приключений. Обычно принято считать, что это Средиземное море. Но, как и все остальное, оно перемещается вместе с центром западного могущества.

— Как Олимп, который теперь расположен над Эмпайр-стейт-билдинг, — сообразил я. — И Аид — под Лос-Анджелесом.

— Верно.

— Но море, полное чудовищ, как можно скрыть такое? Неужели смертные не заметили бы, что происходит что-то странное... например, исчезнувшие корабли?..

— Конечно они замечают. Они не понимают, но знают, что в этой части океана происходит нечто необычное. Сейчас Море чудовищ находится у восточного побережья США, к северо-востоку от Флориды. Смертные даже дали ему свое название.

— Бермудский треугольник?

— Именно.

Я принял это к сведению. Похоже, это было самое странное из того, что я узнал с тех пор, как попал в Лагерь полукровок.

— О'кей... теперь мы по крайней мере знаем, в каком направлении двигаться.

— И все же это огромное пространство, Перси. Искать крохотный остров в водах, кишящих монстрами...

— Эй, я же сын бога морей. Для меня это родная стихия. Как думаешь — трудно нам придется?

— Ну, сначала надо поговорить с Танталом, получить его согласие на поиск. Он наверняка откажет. — Аннабет нахмурила брови.

— Тогда надо поговорить с ним сегодня вечером у костра, при всех. Весь лагерь услышит нас. Они окажут на него давление. И он будет вынужден согласиться.

— Возможно... — В голосе Аннабет зазвучала слабая надежда. — А пока давай лучше вымоем эти тарелки. Передай мне распылитель лавы.

* * *

В тот вечер у костра запевалами были дети Аполлона. Они старались приободрить всех, но после дневного нападения стимфалийских птиц это оказалось нелегко. Обитатели лагеря расположились на полукружье из каменных ступеней и неуверенно подпевали, глядя на ярко пылавший костер, пока ребята из домика Аполлона бренчали на гитарах и перебирали струны своих лир.

Мы исполняли обычные лагерные песни: «Вдоль по Эгейскому морю», «Я прихожусь себе прапрапрадедушкой», «Знайте, это земля Миноса». Костер был заколдованный, поэтому чем громче мы пели, тем выше поднималось пламя, меняя цвет и жар в соответствии с настроением толпы. В хорошие вечера я сам видел, как огонь взвивался до двадцати футов в высоту и от него шел такой жар, что все разложенные перед ним маршмеллоу^[9] сгорали. Сегодня пламя поднялось только на пять футов, еле грело, и цвет у него был бледный, как у льняной ткани.

Дионис ушел рано. Помучившись несколько песен, он пробормотал нечто вроде того, что даже играть в безик с Хироном было веселее. Затем, бросив на Тантала неприязненный взгляд, побрел к Большому дому.

Когда отзвучала последняя песня, Тантал сказал:

— Замечательно, ну просто чудо!

Он прошел вперед, подцепив палочку с подгоревшим маршмеллоу, и попытался, как бы невзначай, ухватить желанную еду. Но прежде чем он успел коснуться его, суфле соскочило с палочки. Неистовым движением Тантал попытался схватить его, но лакомство покончило с собой, бросившись в огонь.

Тантал обернулся к нам с холодной улыбкой:

— Итак! Несколько объявлений касательно завтрашнего расписания.

— Сэр, — вмешался я.

У Тантала нервно дернулось веко.

— Наш кухонный мальчик хочет что-то сказать?

Кто-то из домика Ареса хихикнул, но я никому не мог позволить

смутить меня и заставить замолчать. Я встал и посмотрел на Аннабет. Слава богам, она тоже встала.

— У нас есть идея, как можно спасти лагерь, — объявил я.

Воцарилось мертвое молчание, но, сказать по правде, я завладел всеобщим вниманием, потому что пламя костра стало ярко-желтым.

— Интересно, — мягко произнес Тантал. — Но если это как-то связано с колесницами...

— С золотым руном, — ответил я. — Мы знаем, где оно.

Пламя стало оранжевым. Прежде чем Тантал успел остановить меня, я выпалил все о своем сне про Гроувера и остров Полифема. Далее вступила Аннабет, напомнив всем, что именно может сотворить руно. В ее устах это прозвучало более убедительно.

— Руно может спасти лагерь, — сказала она в заключение. — Я в этом убеждена.

— Чушь, — отрезал Тантал. — Мы не нуждаемся в спасении.

Все уставились на него и не отводили глаз до тех пор, пока Тантал не почувствовал некоторую неловкость.

— Кроме того, — быстро добавил он, — выговорите о Море чудовищ? Но его точное месторасположение... Вы даже не знаете, где его искать.

— Я знаю, — ответил я.

— Знаешь? — шепнула, наклонившись ко мне, Аннабет.

Я кивнул, потому что она сама разбудила во мне некие воспоминания, сказав о седых сестрах. Тогда сведения, которые они сообщили, показались мне бессмысленными. Но теперь...

— Тридцать, тридцать один, семьдесят пять, двенадцать, — сказал я.

— Во-о-о-т как, — протянул Тантал, — спасибо, что поделился с нами этими бессмысленными цифрами.

— Это координаты, — пояснил я. — Широта и долгота. Нам рассказывали про это на уроках естествознания.

Даже на Аннабет это произвело впечатление.

— Тридцать градусов тридцать одна минута северной широты, семьдесят пять градусов двенадцать минут западной долготы. Он прав! Эти координаты дали нам седые сестры. Это должно быть где-то в Атлантическом океане, недалеко от побережья Флориды. Море чудовищ! Нам надо организовать поиск!

— Подожди минутку, — попытался притормозить ее Тантал.

Но обитатели лагеря хором закричали:

— Нам нужен поиск! Нам нужен поиск!

Костер разгорелся еще ярче.

— В этом нет необходимости, — твердил Тантал.

— НАМ НУЖЕН ПОИСК! НАМ НУЖЕН ПОИСК!

— Хорошо! — заорал Тантал, глаза его сверкали гневом. — Так вы, молокососы, хотите, чтобы я дал разрешение на поиск?

— ДА!

— Прекрасно, — согласился Тантал. — Я предоставляю право отважному воину предпринять это опасное путешествие, найти золотое руно и вернуть его в лагерь. Или погибнуть.

Мое сердце преисполнилось торжеством. Я не позволю Танталу запугать меня. Вот что мне предназначено было сделать. Я спасу Гроувера и лагерь. И ничто меня не остановит.

— Я разрешаю нашему победителю посоветоваться с оракулом! — возгласил Тантал. — И выбрать двух спутников для путешествия. И я думаю, что выбор победителя очевиден.

Он посмотрел на Аннабет и меня так, будто хотел содрать с нас живьем кожу.

— Победителем следует признать того, кто сумел завоевать уважение обитателей лагеря, кто доказал свою изобретательность и храбрость в гонках и обороне лагеря. Тебе поручаю я возглавить поиски... Кларисса!

Пламя замигало тысячью различных красок. Обитатели домика Ареса затопали ногами, восклицая:

— КЛАРИССА! КЛАРИССА!

Кларисса поднялась, вид у нее был ошеломленный. Но потом она взяла себя в руки и горделиво выпятила грудь.

— Я принимаю право на поиск!

— погоди! — крикнул я. — Гроувер мой друг. Сон приснился мне.

— Сядь! — завопил кто-то из домика Ареса. — У тебя уже был шанс отличиться прошлым летом!

— Просто ему хочется снова оказаться в центре внимания! — поддакнул еще один голос.

Кларисса бросила на меня испепеляющий взгляд.

— Я принимаю на себя руководство поиском! — повторила она. — Я, Кларисса, дочь Ареса, спасу лагерь!

Одобрительные возгласы обитателей домика Ареса зазвучали еще громче. Аннабет стала протестовать, и ее сородичи из домика Афины присоединились к ней. Постепенно каждый из присутствующих принял чью-то сторону, поднялся нестройный шум, друг в друга полетели палочки с маршмеллоу. Я подумал, что это превратится в настоящую войну, пока Тантал не крикнул:

— Тихо, вы!

Его голос охладил даже мой пыл.

— Сядьте! — приказал он. — И я расскажу вам одну страшную историю.

Не знаю, что он там задумал, но мы все неохотно вернулись на свои места. Аура зла, исходящая от Тантала, была не слабее, чем у монстров, с которыми мне приходилось сталкиваться.

— Жил да был смертный царь, возлюбленный богами! — Тантал приложил руки к груди, и у меня возникло чувство, что он говорит о себе. — Царя этого, — продолжал он, — даже приглашали на пиршества непосредственно на Олимп. Но, когда он попытался взять немного нектара и амброзии на землю, чтобы узнать их рецепт, — всего лишь самую чуточку, не подумайте дурного! — боги наказали его. Они навсегда изгнали его из своих покоев! Его собственный народ издевался над ним! Его дети бранили его! О да, у него были ужасные дети. Точь-в-точь как вы!

Он указал скрюченным пальцем на нескольких ребят, сидевших возле костра, включая и меня.

— Известно ли вам, как он поступил со своими неблагодарными детьми? — мягко спросил Тантал. — Известно ли вам, как он отплатил богам за жестокую кару? Он пригласил обитателей Олимпа на пир в свой дворец, чтобы показать, что не держит зла за душой. Никто не заметил, что куда-то исчезли его дети. А когда он угостил богов ужином, догадываетесь ли вы, мои дорогие, что они обнаружили в своих кушаньях?

Никто не решился ответить. Цвет костра стал темно-синим, злобные отсветы пламени трепетали на искаженном лице Тантала.

— О, конечно, в иной жизни боги наказали его, — хрипло произнес Тантал. — Жестоко покарали. Но он испытал хотя бы миг удовлетворения, не так ли? Дети его никогда больше не пререкались с ним и не оспаривали его власть. И знаете что? Ходит слух, что дух этого царя обитает сейчас в этом самом лагере, ожидая шанса отомстить неблагодарным и непослушным детям. Итак... есть еще недовольные тем, что мы отправляем Клариссу на этот поиск?

Никто не издал ни звука.

— К оракулу, дорогая. Ступай, — кивнул Тантал Клариссе.

Дочь Ареса заерзала на месте, словно даже она не хотела славы ценой того, чтобы ходить в любимчиках у Тантала.

— Сэр...

— Иди! — прорычал он.

Кларисса неуклюже поклонилась и торопливо пошла к Большому

дому.

— Ну, а ты что скажешь, Перси Джексон? — спросил Тантал. — Какие замечания будут у нашего посудомойки?

Я промолчал. Я не собирался доставлять ему удовольствие снова наказывать меня.

— Хорошо. И позволю себе напомнить каждому: никто не покинет этот лагерь без моего разрешения. А всякий, кто попытается... конечно, если он останется в живых после этой попытки, будет изгнан навсегда, но этим дело не кончится. Отныне и впредь гарпии ужесточат комендантский час, а они всегда голодны! Спокойной ночи, дорогие мои. Приятных сновидений.

По взмаху руки Тантала костер погас, и обитатели лагеря поплелись отыскивать свои домики в потемках.

* * *

Я ничего не стал объяснять Тайсону. Он понимал, что я расстроен. Сообразил, что я собирался отправиться в путешествие, а Тантал мне не разрешил.

— Ты все равно пойдешь? — спросил он.

— Не знаю, — вынужден был признаться я. — Это будет тяжело. Очень тяжело.

— Я помогу.

— Нет. Я... хм, я не могу попросить тебя об этом, дружище. Слишком опасно.

Тайсон посмотрел на лежавшие у него на коленях кусочки металла, из которых он что-то собирал, — пружинки, колесики, какие-то проводки. Бекендорф дал ему кое-какие инструменты и разрозненные части, и теперь Тайсон каждый вечер возился с ними, хотя я очень сомневался, что он своими ручищами справится со всеми этими крохотными и тонюсенькими детальками.

— Что ты мастеришь? — спросил я.

Тайсон не ответил. Вместо этого он как-то жалобно проскулил.

— Аннабет не любит циклопов. Так... ты не хочешь, чтобы я отправился с тобой?

— Дело не в этом, — произнес я не вполне искренне. — Ты нравишься Аннабет. Правда.

В уголках глаза у него появились слезы.

Я вспомнил, что Гроувер, как все сатиры, умел читать человеческие чувства. Может, и циклопы обладают такой же способностью?

Тайсон сложил свои детали в промасленную тряпицу. Потом лег на койку и прижал узелок к груди, как дети прижимают к себе плюшевого мишку. Когда он отвернулся к стене, я увидел странные шрамы у него на спине, будто кто-то проехался по нему трактором. В тысячный раз я задумался над тем, кто мог так его искалечить.

— Папа всегда заботился обо м-м-мне. — Тайсон шмыгнул носом. — А теперь... мне кажется, что он сердится на меня... что я циклоп. Зря я родился.

— Не смей так говорить! Посейдон признал тебя, разве нет? Значит... он заботится о тебе... и еще как!

Голос мой задрожал и прервался, когда я подумал, что все эти годы Тайсон прожил на улицах Нью-Йорка в коробке из-под холодильника. Как он мог после этого думать, что Посейдон заботится о нем? Какой отец допустит, чтобы такое творилось с его ребенком, даже если этот ребенок — чудовище?

— Тайсон... Лагерь будет тебе хорошим домом. А остальные привыкнут. Обещаю.

Тайсон вздохнул. Я ждал, что он еще что-нибудь скажет. Потом понял — он уже спит.

Я лег на спину и попытался сомкнуть веки, но глаза не хотели закрываться. Я боялся, что мне может снова присниться Гроувер. Если это злополучное родство душ, эмпатическая связь — правда... то если что-нибудь случится с Гроувером... проснусь ли я вообще?

В окно светила полная луна. Издали доносился шум прибоя. Я ощущал нежное благоухание клубничных полей и слышал смех дриад, которые охотились в лесу на сов. Но что-то было не в порядке и в ночной тьме — болезнь Талии распространялась по всей долине.

Сможет ли Кларисса спасти Холм полукровок? Тут же я подумал, что у меня возникли бы серьезные трудности с получением почетного знака «Лучший в лагере» из рук Тантала.

Выбравшись из кровати, я быстренько оделся. Схватил пляжное одеяло и вытащил из-под койки упаковку с шестью бутылками колы. Употребление колы запрещалось правилами. Не позволялось вообще проносить внутрь закуски и напитки, купленные вне лагеря, но, если поговорить с нужным парнем из домика Гермеса и заплатить ему несколько золотых драхм, он тайком мог притаранить практически все из ближайшего магазина.

Выходить из домиков после объявления комендантского часа тоже запрещалось. Если б меня поймали, то я нарвался бы на крупные неприятности, либо меня сожрали бы гарпии. Но я хотел увидеть океан. Рядом с морем мне всегда становилось легко. И голова работала лучше. Я вышел из домика и направился к берегу.

* * *

Расстелив одеяло у полосы прибоя, я с характерным хлопком открыл банку колы. По какой-то причине сахар и кофеин всегда успокаивали мой перевозбужденный мозг. Я попытался придумать, что же сделать, чтобы спасти лагерь, но в голову ничего не приходило. Хотелось, чтобы Посейдон поговорил со мной, дал какой-нибудь совет.

Ясное небо было усыпано звездами. Одно за другим я отыскивал созвездия, которые показывала мне Аннабет, — Стрелец, Геракл, Северная Корона, и тут рядом раздался голос:

— Красиво, правда?

Я едва не поперхнулся газировкой.

Около меня стоял парень в спортивных нейлоновых шортах и футболке с надписью «Нью-йоркский марафон» — худощавый, подтянутый, черные волосы с проседью и хитрая улыбка. Он показался мне отдаленно знакомым, хотя я не мог понять откуда.

Первое, что мне пришло в голову, — этот малый решил пробежаться ночью по пляжу, сбился с пути и оказался на территории лагеря. По идее, это не должно было произойти. Обычные смертные не могли проникнуть в долину. Впрочем, поскольку волшебное дерево умирало, ему, вероятно, удалось как-то проскользнуть. Но почему посреди ночи? И вокруг нет ничего, кроме фермерских угодий и государственных заповедников. Откуда же взялся этот парень?

— Можно к тебе присоединиться? — спросил он. — Вот уж сколько веков не могу посидеть спокойно.

Теперь все стало на свои места... странный парень, явившийся глубокой ночью неизвестно откуда. Здравый смысл подсказывал: надо бежать, вопить, звать на помощь и так далее. Но незнакомец вел себя так дружелюбно, что я даже не испугался.

— Да, конечно, — сказал я.

— Твое гостеприимство вызывает доверие, — улыбнулся незванный гость. — А, я вижу кока-колу. Можно?

Сев на другой край одеяла, он со щелчком открыл банку и сделал глоток.

— Ах, какая благодать! Тишина и покой...

В кармане у него зазвонил сотовый.

Незнакомец вздохнул. Он вытащил свой телефон, и у меня глаза полезли на лоб, потому что тот был весь окутан голубоватым свечением. Когда он вытянул антенну, возле нее появились два существа — две извивающиеся зеленые змейки размером не больше дождевого червя.

Но мой странный гость словно бы не замечал их. Он взглянул на дисплей и чертыхнулся.

— Пришлось взять это с собой. Подожди секунду... — затем уже в трубку: — Алло?

Он молча слушал своего собеседника. Змейки так и вились возле антенны, у самого его уха.

— Да, — сказал незнакомец. — Слушай, я знаю, но... меня не волнует, что его приковали к скале и стервятники клюют его печень, если у него нет номера квитанции, мы не сможем установить, где находится посылка... Дар человечеству, великолепно... Ты знаешь, сколько таких даров мы доставляем... О, не обращай внимания. Слушай, просто свяжи его с Эрис из таможенной службы. Мне некогда. — Он отключил телефон. — Прошу прощения. Ночные экспресс-поставки, невероятный ажиотаж. Итак, я говорил...

— У вас змейки на телефоне.

— Что? О, они не кусаются. Скажите «здрассьте, Джордж и Марта».

«Здрассьте, Джордж и Марта», — передразнил скрипучий мужской голос у меня в голове.

«Не будь язвой», — сказал женский голос.

«Имею право, — возразил Джордж. — На самом деле всю работу делаю я».

— Опять пошло-поехало! — Темноволосый сунул телефон обратно в карман. — Итак, на чем мы остановились?.. А, да. Мир и покой.

Скрестив ноги, он посмотрел вверх, на звезды.

— А мне уже так давно хочется расслабиться. Но еще с того времени, когда только изобрели телеграф, — все бегом, бегом, бегом. У тебя есть любимое созвездие, Перси?

Меня все еще одолевало любопытство насчет тех двух зеленых змеек, которых незнакомец запихнул в карман, но я сказал:

— Ну, наверное, Геракл.

— Почему?

— Наверное, потому, что ему то везло, то не везло. Даже хуже, чем мне. От этой мысли становится как-то легче.

Мой собеседник хмыкнул.

— А не потому, что он был таким сильным и знаменитым, ну и...

— Нет.

— Ты занятный молодой человек. Ну и что теперь?

Я сразу понял, о чем он спрашивает, — что я собираюсь предпринять относительно золотого руна?

Не успел я ответить, как из кармана донесся приглушенный голос Марты:

«У меня Деметра на второй линии».

— Не сейчас, — ответил незнакомец. — Скажи ей, чтобы оставила сообщение.

«Ей это не понравится. Прошлый раз, когда вы не захотели с ней разговаривать, все растения в службе доставки цветов завяли».

— Просто скажи, что у меня деловая встреча! — Незнакомец закатил глаза. — Еще раз прошу прощения, Перси. Так ты говорил...

— А кто вы, собственно, такой?

— Неужели до сих пор не догадался? А с виду такой смысленый.

«Покажи ему! — взмолилась Марта. — Сколько месяцев я уже не принимала естественных размеров».

«Да не слушайте вы ее! — сказал Джордж. — Ей бы только себя показать!»

Темноволосый снова достал телефон.

«В натуральную величину, пожалуйста».

Телефон заблестал ослепительной голубизной. Он вытянулся, превратившись в трехфутовый деревянный посох с крылышками голубки наверху. Джордж и Марта, теперь по-настоящему большие зеленые змеи, сплелись посередине, обвивая его. Это был кадуцей — символ домика номер одиннадцать.

У меня перехватило дыхание. Я понял, кого напоминает мне этот незнакомец своими изменчивыми чертами, хитрым блеском в глазах...

— Вы отец Луки, — сказал я. — Гермес.

Бог поджал губы. Он воткнул кадуцей в песок, как ручку зонтика.

— «Отец Луки». Обычно я представляюсь людям не так. Бог воров, да. Бог посланцев и странников, если им нравится так думать о себе.

«Бог воровских проделок и краж», — вмешался Джордж.

«Не обращайтесь внимания на Джорджа. — Марта на мгновение высунула язычок. — Просто он обижается, что Гермес любит меня

больше».

«А вот и нет!»

«А вот и да!»

— Да успокойтесь вы оба, — велел Гермес, — не то я снова превращу вас в сотовый телефон и заставлю вибрировать! Ты так и не ответил на мой вопрос, Перси. Намереваешься ли ты предпринять поиск?

— Мне... мне не дали на это разрешение.

— Да, я знаю. И это способно остановить тебя?

— Я действительно хочу отправиться в поиск. Я должен спасти Гроувера.

— Знал я когда-то одного мальчишку, — улыбнулся Гермес, — намного моложе тебя, кстати. Ребенок, можно сказать...

«Опять за старое, — проворчал Джордж. — Вот уж кто любит поговорить о себе...»

«Тихо! — прервала его Марта. — Снова захотелось виброзвонком на мобильник?»

Гермес не обратил внимания на их препирательства.

— Однажды ночью, когда мать этого мальчишки не уследила за ним, он тайком выбрался из их пещеры и украл часть стада, принадлежавшего Аполлону.

— И его разорвало на мелкие клочки? — спросил я.

— Хм... нет. На самом деле все отличным образом обошлось. Чтобы расплатиться за кражу, мальчишка подарил Аполлону инструмент собственного изобретения — лиру. Аполлона настолько очаровала эта музыка, что он совсем позабыл про свой гнев.

— И какова же мораль?

— Мораль? — переспросил Гермес. — Боже, да ты относишься к этому как к басне! Но это подлинная история. А разве в правде заключена какая-то мораль?

— Хм...

— Как насчет того, что красть не всегда плохо?

— Не думаю, чтобы моей маме такая мораль понравилась.

«Крысы — просто пальчики оближешь», — вновь прорезался Джордж.

«Какое отношение это имеет к рассказанной истории?» — спросила Марта.

«Никакого, — вздохнул Джордж. — Но я проголодался».

— Я это сделал, — сказал Гермес. — Молодые люди не всегда делают то, что им велено, но победителей не судят, и, если им удастся совершить нечто замечательное, они могут избежать наказания. Как думаешь?

— Вы хотите сказать, что я могу отправиться куда угодно без разрешения? — спросил я.

Глаза Гермеса вспыхнули.

— Марта, могу ли я получить первый предмет?

Марта разинула пасть... и продолжала разевать ее, пока та не стала шириной с мою руку. Тогда она изрыгнула сосуд из нержавеющей стали — старомодный термос с черной пластиковой крышкой. По бокам термос был украшен желто-красными эмальями с изображением сцен древнегреческой жизни: герой, убивающий льва; герой, поднимающий трехглавого пса Цербера.

— Это Геракл, — сказал я. — Но почему?..

— Дареному коню в зубы не смотрят, — упрекнул меня Гермес. — Коллекционная вещь с выставки «Прodelки Геракла». Первый сезон.

— «Прodelки Геракла»?

— Потрясающее шоу, — вздохнул Гермес. — Еще задолго до того, как Гефест изобрел телевидение, все шло в режиме реального времени. Конечно, термос стоил бы намного дороже, если бы мне достался весь комплект...

«Или если бы он не побывал в пасти у Марты», — ехидно добавил Джордж.

«Ну, теперь держись». — Марта стала гоняться за Джорджем вокруг кадуцея.

— Погодите минутку, — сказал я. — Это что, дар?

— Один из двух, — ухмыльнулся Гермес. — Смелее, возьми его.

Я чуть было не выронил термос, потому что с одного конца он был холодный как лед, а с другого — горячий, как раскаленное железо. Странно, однако, как бы я ни поворачивал его, сторона, обращенная к океану — северная, — всегда оставалась холодной...

— Да это же компас! — догадался я.

— Умно, очень умно! — удивился Гермес. — Никогда не приходило в голову. Но его прямое назначение... несколько более романтическое. Открой крышку — и ветры со всех четырех сторон света будут сопутствовать тебе. Только не сейчас! И, пожалуйста, когда настанет время, приоткрой крышку лишь чуть-чуть. Ветры, они вроде меня — всегда слишком беспокойные. Если все четыре вырвутся разом... но, я уверен, ты будешь осторожен. А теперь мой второй дар. Джордж?

«Она до меня дотрагивается», — пожаловался Джордж; они с Мартой, извиваясь, скользили вокруг посоха.

— Она всегда до тебя дотрагивается, — указал Гермес. — Вы же

переплетены. И если вы сейчас же не прекратите, узлом завяжу!

Змеи замерли.

Джордж раззявил челюсти, которые у него соединялись как на шарнирах, и выплюнул пластиковую бутылочку, полную жевательных витаминов.

— Вы надо мной смеетесь? — поинтересовался я. — Это что, для Минотавра?

Гермес поднял бутылочку и с шумом встряхнул ее.

— Вот эти, лимонные, да. Овальные, думаю, для фурий. Или для гидр? В общем, мощная штука. Не принимай больше одной штуки, если уж совсем не припрет.

— А как я узнаю, что совсем приперло?

— Узнаешь, можешь мне поверить. Девять основных витаминов, минералы, аминокислоты... в общем, все, чтобы чувствовать себя в форме.

Он швырнул мне бутылочку.

— Хм, спасибо, — поблагодарил я. — Но, повелитель Гермес, почему вы помогаете мне?

— Возможно, в надежде на то, что своим поиском ты спасешь многих, Перси, — меланхолично улыбнулся Гермес. — Не только своего друга Гроувера.

— Вы имеете в виду... Луку? — Я в упор посмотрел на него.

Гермес промолчал.

— Послушайте, — сказал я, — повелитель Гермес, то есть, конечно, спасибо и всякое такое, но вы можете взять свои дары обратно. Луку нельзя спасти. Даже если я найду его... он сказал мне, что хочет разнести Олимп до основания. Он предал всех, кого знал. Он... он ненавидит всех, особенно вас.

Бог отвернулся и посмотрел на звезды.

— Мой дражайший юный родственник, если чему-то я и научился за истекшие тысячелетия, то лишь одному: ты не можешь бросить свою семью, как бы тебя ни искушали. И не важно, ненавидят они тебя, или раздражают, или попросту не ценят твой талант изобретателя Интернета...

— Так это вы изобрели Интернет?

«Это была моя идея», — сказала Марта.

«Крысы — просто пальчики оближешь», — прошепел Джордж.

— Это была моя идея! — возмутился Гермес. — Я имею в виду Интернет, а не крыс. Но не в том суть. Перси, ты понимаешь, что я хочу сказать насчет семьи?

— Я?.. Не совсем.

— Со временем поймешь. — Гермес встал и отряхнул приставший к ногам песок. — А сейчас мне пора идти.

«У тебя шестьдесят непринятых вызовов», — предупредила Марта.

«И тысяча тридцать восемь электронных писем, — добавил Джордж. — Не считая онлайн-предложений о продаже амброзии по сниженным ценам».

— А у тебя, Перси, — сказал Гермес, — меньше времени, чем ты думаешь, для того, чтобы совершить свой поиск. А вот, кажется, и твои друзья.

Я услышал голос Аннабет в дюнах, она звала меня. Тайсон тоже выкрикивал мое имя, хотя и находился где-то чуть дальше.

— Надеюсь, я снабдил тебя в дорогу всем необходимым. У меня есть кое-какой опыт по части путешествий. — Гермес щелкнул пальцами, и у моих ног появились три желтые дорожные сумки. — Разумеется, они водонепроницаемые. Если вежливо попросишь, твой отец поможет тебе добраться до корабля.

— До корабля?

Бог воров указал на море. И точно, вдоль побережья Лонг-Айленда проходило большое круизное судно, бело-золотые огни его отражались в темной воде.

— Постойте, — сказал я. — Ничего не понимаю... Я даже не дал согласия!

— Будь я на твоём месте, — посоветовал Гермес, — я принял бы решение в ближайшие пять минут. Как раз через пять минут явятся гарпии и сожрут тебя. Ну а теперь спокойной ночи, родственничек, и — позволено мне будет сказать — да помогут тебе боги.

Он протянул руку, и кадуцей мигом оказался у него в ладони.

«Удачи», — пожелала Марта.

«Принеси мне крысу», — сказал Джордж.

Кадуцей обратился в сотовый телефон, и Гермес сунул его в карман.

Потом он трусцой побежал вдоль берега. Через двадцать шагов его силуэт растворился во тьме и исчез, я остался один с термосом, бутылочкой поливитаминов и пятью минутами, чтобы принять невероятное решение.

Глава восьмая

Мы вступаем на борт «Принцессы Андромеды»

Когда подросли Аннабет и Тайсон, я затуманенным взглядом взираю на волны прибоя.

— Что происходит? — запыхавшись, выпалила Аннабет. — Я слышала, как ты звал на помощь!

— И я тоже! — подтвердил Тайсон. — Слышал, как ты кричал: «Зло надвигается!»

— Ребята, я вас не звал. Со мной все в порядке.

— Но тогда кто?.. — Аннабет заметила три желтые сумки, термос и бутылочку с витаминами, которую я так и держал в руке. — Что ты задумал?..

— А теперь послушайте меня, — оборвал я. — У нас мало времени.

Я пересказал им свой разговор с Гермесом. Когда я уже подходил к концу, вдаль послышался скрежет — патрульные гарпии учуяли наш запах.

— Перси, — Аннабет тяжело вздохнула, — мы должны отправиться в поиск.

— Тогда нас выгонят, сама знаешь. Поверь мне, у меня большой опыт в таких делах.

— И что? Если мы потерпим неудачу, возвращаться все равно уже будет некуда. Лагеря больше не будет.

— Да, но ты обещала Хирону...

— Я обещала, что буду оберегать тебя от опасности. А сделать это я могу, лишь отправившись с тобой! Тайсон останется и расскажет им...

— Я хочу с вами, — вмешался Тайсон.

— Нет! — В голосе Аннабет послышалась паника. — То есть... Перси, послушай! Ты ведь знаешь, что это невозможно.

Я снова задумался, откуда у нее такая злоба против циклопов. Чего-то она недоговаривала.

Аннабет и Тайсон не сводили с меня глаз, ожидая ответа. Тем временем круизное судно все больше удалялось от берега.

Дело было в том, что отчасти я сам не хотел брать в нашу компанию Тайсона. Последние три дня я провел в непосредственной близости от этого парня и стал предметом насмешек других обитателей лагеря. Миллион раз на дню я попадал в неловкое положение, постоянно напоминая себе, что он — мой родственник. Должно было миновать какое-

то время, чтобы этот осадок прошел.

Кроме того, я не знал, много ли от него будет проку и смогу ли я защитить его. Конечно, силища у него страшная, но по меркам циклопов в отношении умственного развития Тайсон был подростком, несмышленьким лет семи-восьми. Я слишком хорошо себе представлял, как он теряет голову и начинает плакать, когда мы стараемся незаметно проскользнуть мимо какого-нибудь монстра. Он погубит нас всех.

С другой стороны, скрипучие крики гарпий приближались...

— Мы не можем бросить его, — решил я. — Тантал накажет его за наше бегство.

— Перси, — взмолилась Аннабет, стараясь сохранять спокойствие, — мы направляемся на остров Полифема! А Полифем — ц-и-к...и-к... — Она в отчаянии топнула ногой. Какой бы умницей ни была Аннабет, она тоже страдала дислексией. Мы могли бы проторчать здесь всю ночь, пока она по буквам выговаривала бы слово «циклоп». — Ты меня понимаешь!

— Тайсон может отправиться с нами, если захочет, — с нажимом повторил я.

— Хочу, хочу! — захлопал в ладоши Тайсон.

Аннабет злобно посмотрела на меня, но я знал: теперь она осознает, что я не изменю своего решения. Или просто понимает, что спорить некогда.

— Ладно, — с раздражением бросила она. — И как мы попадем на этот корабль?

— Гермес сказал, что отец поможет.

— Отлично, рыбьи мозги! Так чего ж ты ждешь?

Мне всегда тяжело давалось обращаться к отцу или просить его помощи — называйте как хотите, — но я вступил в воду.

— Привет, папа? — позвал я. — Как дела?

— Перси! — шепнула Аннабет. — Мы спешим!

— Нам нужна твоя помощь, — произнес я чуть громче. — Нам нужно попасть на этот корабль, прежде чем нас слопают... ну и всякое такое...

Поначалу ничего не произошло. Волны, как всегда, разбивались о песок пляжа. Гарпии верещали так, будто были уже за дюнами. Затем примерно в сотне ярдов от берега на поверхности воды показались три белые линии. Они быстро двигались к берегу, словно когти, раздирающие океан.

Когда они уже совсем приблизились к берегу, волны расступились, и из воды показались головы трех белых жеребцов.

У Тайсона перехватило дыхание.

— Лошадки-рыбы! — закричал он.

Он был прав. Когда эти существа целиком выбрались на песок, я увидел, что они — кони только наполовину; их задняя часть, покрытая серебристой чешуей, с радужно переливавшимися хвостовыми плавниками, оказалась рыбьей.

— Гиппокампы! — воскликнула Аннабет. — Какие красавцы!

Ближайший морской конь заржал, оценив похвалу, и ткнулся в Аннабет носом.

— Ладно, потом будем любоваться, — сказал я. — Пошли!

— Вон они! — раздался позади скрипучий голос. — Плохие дети — им не спится в своих домиках! Зато гарпиям повезло — будет чем перекусить!

Пятеро гарпий возбужденно пританцовывали на вершине дюны — слегка разжиревшие старые ведьмы с длинными узкими лицами, когтями и непропорционально маленькими крыльями. Вылитая помесь канарейки с бульдогом. Проворностью, слава богам, они не отличались, но, если поймают, спуску не жди.

— Тайсон! — скомандовал я. — Хватай сумку!

Он по-прежнему, разинув рот, глазел на морских коней.

— Тайсон!

— Чего?

— Давай шевелись!

С помощью Аннабет мне удалось сдвинуть его с места. Прихватив сумки, мы оседлали наших скакунов. Должно быть, Посейдон знал, что среди всадников будет Тайсон: один конь был намного больше других, как раз для циклопа.

— Но-о, поехали!

Мой конь развернулся и погрузился в волны. Аннабет и Тайсон плыли сзади, стараясь не отставать.

Гарпии кляли нас на чем свет стоит, плачущими голосами призывая свой ужин вернуться, но кони мчались по воде, как лыжники во время скоростного спуска. Гарпии остались где-то позади, а скоро и все побережье Лагеря полукровок превратилось в темное пятно. Я задумался над тем, увижу ли когда-нибудь вновь это место. Но в данную минуту у меня были другие проблемы.

Круизное судно теперь маячило прямо перед нами, обозначая курс на Флориду, в Море чудовищ.

Управлять морскими конями оказалось даже проще, чем пегасами. Мы неслись вперед, ветер дул нам в лица; скольжение по волнам было таким

плавным, что почти не приходилось держаться за лошадиные гривы.

* * *

Только когда мы приблизились к судну, я понял, какое оно огромное. Было такое чувство, что, задрав голову, смотришь на какую-нибудь многоэтажку в Манхэттене. Белый борт имел высоту по крайней мере с десятиэтажный дом, а над ним высилась еще дюжина палуб с ярко освещенными галереями и иллюминаторами. Название судна, написанное большими черными буквами и подсвеченное бортовыми огнями, красовалось прямо на носу судна. У меня ушло несколько секунд на то, чтобы расшифровать его:

«ПРИНЦЕССА АНДРОМЕДА»

На массивном постаменте возвышалась фигура женщины высотой с трехэтажный дом, в белом греческом хитоне, скульптура была исполнена так, словно она прикована к судну цепями. Лицо молодой и красивой женщины с развевающимися черными волосами выражало чистый, без примеси ужас. Я даже представить себе не мог, кому пришло в голову поместить вопящую от страха принцессу на носу корабля, предназначенного для увеселительного плавания.

Я вспомнил миф об Андромеде, о том, как родители приковали ее цепью к скале в качестве жертвоприношения морскому чудовищу. Может, она, конечно, плохо училась, не знаю. Так или иначе, мой тезка Персей вовремя спас ее, обратив чудовище в камень с помощью головы Медузы.

Тот Персей всегда побеждал. Поэтому мама и назвала меня в его честь, хотя он был сыном Зевса, а я — Посейдона. История моего тезки Персея — единственный случай (!) среди всех древнегреческих героев — завершилась хеппи-эндом. Другие погибли — от предательства или от ран, искалеченные, отравленные или проклятые богами. Мама надеялась, что я унаследую удачливость Персея. Судя по тому, как до сих пор складывалась моя жизнь, я не разделял ее оптимизма.

— Как же мы теперь попадем на борт? — крикнула Аннабет, перекрывая шум волн.

Однако морские кони, казалось, знали, что нам нужно. Они скользнули вдоль правого борта, легко преодолевая мощную кильватерную волну, и

подвезли нас к служебному трапу, приклепанному к корпусу.

— Поднимайся первой, — сказал я Аннабет.

Она перекинула сумку через плечо и ухватила за нижнюю ступень. Как только она вскарабкалась на лестницу, ее морской конь прощально заржал и, нырнув, скрылся под водой. Аннабет стала забираться выше. Я дал ей подняться на несколько ступеней, потом тоже перебрался на трап.

Теперь на воде остался один Тайсон. Конь под ним откалывал всевозможные курбеты — громкий смех циклопа эхом отражался от борта судна.

— Тише, Тайсон! — сказал я. — Давай наверх, верзила!

— Разве мы не возьмем с собой Радугу? — спросил он, и улыбка сбежала с его лица.

— Радугу? — Я воззрился на него.

Морской конь заржал, будто ему и вправду понравилось его новое имя.

— Ну, нам надо идти... — сказал я. — Радуга, она ведь даже не умеет взбираться по ступеням.

Тайсон шмыгнул носом. Уткнулся лицом в гриву морского коня.

— Я буду скучать по тебе, Радуга!

Морской конь жалобно заржал; могу поклясться — он плакал.

— Может, когда-нибудь мы снова с ним увидимся, — предположил я.

— О, пожалуйста! — моментально оживился Тайсон. — Завтра!

Я не стал ничего обещать, но в конце концов убедил Тайсона попрощаться и крепче ухватиться за трап. Печально заржав в последний раз, морской конь Радуга сделал сальто назад и, нырнув, исчез в морской глубине.

* * *

Трап вел на служебную палубу, заставленную желтыми спасательными шлюпками. На нее выходило несколько запертых двойных дверей, которые Аннабет попыталась открыть своим ножом, сопровождая операцию по взлому древнегреческими ругательствами.

Сначала я предположил, что нам придется скрытно передвигаться по кораблю, перебегая с места на место, но, проверив несколько коридоров и взглянув с галереи на широкую центральную прогулочную палубу, вокруг которой располагались закрытые магазинчики, понемногу стал понимать: хотя мы и «зайцы», но прятаться нам не от кого. То есть я не сомневался, что уже полночь, однако, обойдя половину корабля, мы так никого и не

встретили. Миновав сорок или около того дверей, ведущих в каюты, мы не услышали из-за их дверей ни единого звука.

— Это корабль-призрак, — пробормотал я.

— Нет, — сказал Тайсон, поигрывая ручкой своей сумки. — Плохо пахнет.

— Я ничего не чувствую, — нахмурившись, возразила Аннабет.

— Циклопы как сатиры, — объяснил я. — Они чуют монстров. Верно, Тайсон?

Тот нервно кивнул. Теперь, когда мы были далеко от Лагеря полукровок, волшебный туман снова исказил черты его лица. Сколько бы я ни присматривался, казалось, что у него не один глаз, а два.

— Ладно, — согласилась Аннабет. — Так что же именно ты унюхал?

— Что-то плохое, — ответил Тайсон.

— Потрясающе, — проворчала она. — Ну, теперь все ясно.

Мы вышли на палубу, где находился плавательный бассейн. Пустые шезлонги, закрытый бар, затянутый проволоочной сеткой. Вода в бассейне мрачно поблескивала, тихим всплеском откликаясь на каждое движение судна.

Над нами, в носовой части, виднелось еще несколько развлекательных палуб: стенка для верхолазов, площадка для мини-гольфа, вращающийся ресторан, но никаких признаков жизни.

И все же... я чувствовал что-то знакомое. Что-то опасное. Такое ощущение, что если бы я не настолько устал и не израсходовал бы за эту долгую ночь все запасы адреналина, то мог бы даже сказать, что именно не так.

— Нам нужно укрытие, — сказал я, — где можно было бы безопасно отоспаться.

— Отоспаться, — устало повторила Аннабет.

Мы обследовали еще несколько коридоров, пока не нашли никем не занятую анфиладу кают на девятой палубе. Дверь была открыта, и это меня удивило. На столе стояла корзинка с шоколадками, на ночном столике поблескивала покрытая изморозью бутылка сидра, а на подушке лежал мешочек с мятой для отдушки и записка от руки: «Приятного плавания!»

Мы открыли наши сумки и убедились, что Гермес действительно позаботился обо всем: чистая смена белья, туалетные принадлежности, сухой паек, сумочка на молнии, полная наличных денег, кожаный мешочек с золотыми драхмами. Богу воров удалось даже упаковать промасленную тряпицу Тайсона с его любимыми детальками и кепку-невидимку Аннабет, чему оба здорово обрадовались.

— Я буду за следующей дверью, — сказала Аннабет. — А вы, ребята, ничего не ешьте и не пейте.

— Думаешь, это место заколдовано?

— Не знаю. — Она нахмурилась. — Но что-то тут не так. В общем... будьте осторожны.

Мы разошлись и заперли двери.

Тайсон рухнул на койку. Еще несколько минут он повозился со своей металлической штуковиной, которую так до сих пор и не показал мне, но довольно скоро стал зевать. Завернув детали в тряпочку, он уснул.

Я лежал на койке и смотрел в иллюминатор. Казалось, что из коридора доносятся какие-то голоса, чей-то шепот. Я понимал, что этого не может быть. Мы обошли весь корабль, но так никого и не увидели. Но голоса не давали мне уснуть. Они напомнили мне путешествие в царство мертвых — шепот, который издавали души умерших, скользившие мимо.

Но в конце концов усталость взяла верх. Я уснул... и мне приснился худший из моих снов.

* * *

Я стоял в пещере на краю огромной ямы. Место это было мне слишком хорошо знакомо. Вход в Тартар. И я узнал леденящий смех, эхом доносившийся из темной пропасти.

«Не наш ли это юный герой? — Голос напоминал скрежет ножа о камень. — На пути к новой великой победе».

Я хотел крикнуть Кроносу, чтобы тот оставил меня в покое. Я хотел вытащить Анаклузмос и поразить его. Но не мог шевельнуться. И даже если бы и мог, то как бы я сумел убить нечто уже давно уничтоженное — искромсанное на кусочки богами и брошенное в вечную тьму?

«Я не стану тебе мешать, — прошелестел титан. — Возможно, на сей раз, если тебя постигнет неудача, ты задумаешься, имеет ли смысл быть рабом богов. И как именно твой отец проявляет свою заботу о тебе».

Его гулкий смех прокатился по пещере, и внезапно декорации переменились.

Это была уже другая пещера — спальня-темница Гроувера в логове циклопа.

Гроувер сидел в полутьме в перепачканном сажей подвенечном платье и остервенело дергал за нитки, распуская незаконченный шлейф к свадебному наряду.

— Моя сладкая! — крикнуло чудовище из-за валуна.

Гроувер заскулил и снова принялся уничтожать шлейф.

Когда валун сдвинулся с места, стены затряслись. В открывшейся дыре маячил такой огромный циклоп, что Тайсон пришелся бы ему ровно до пояса. У него были щербатые желтые зубы и мозолистые руки величиной с мое туловище. Грудь циклопа распирала выцветшую пурпурную футболку с надписью: «ВСЕМИРНАЯ ОВЦЕВОДЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 2001». Рост его поражал воображение, футов пятнадцать, самое малое, но больше всего устрашал огромный млечно-белый глаз, покрытый паутиной и рубцами катаракт. Если циклоп еще не совсем ослеп, то был чертовски к этому близок.

— Что ты делаешь? — спросил монстр.

— Ничего! — ответил Гроувер фальцетом. — Просто тку свой свадебный наряд, как видишь.

Циклоп протянул руку и шарил, пока не наткнулся на ткацкий станок. Ощупал полотно.

— Оно не стало длиннее!

— Да нет же, стало, дорогой. Видишь? Шлейф стал длиннее почти на дюйм.

— Все тянешь! — проревело чудовище. Затем принялось. — Ты так приятно пахнешь! Как козел!

— Правда? — Гроувер слабо хихикнул. — Тебе нравится? Это Eau de Chevre.^[10] Я душусь ею специально для тебя.

— М-м-м-м! — Циклоп оскалил острые зубы. — Так бы и съел!

— Ах ты, шалунишка!

— Никаких отсрочек больше!

— Но, дорогой, я еще не готова...

— Завтра!

— Нет, нет. Еще десять дней.

— Пять!

— Ну ладно-ладно, тогда семь. Если ты настаиваешь.

— Семь! Это меньше, чем пять?

— Да. Конечно.

Циклоп заворчал, не слишком обрадованный своей участью, но оставил Гроувера наедине с ткацким станком, задвинув валун на место.

Гроувер закрыл глаза и глубоко вдохнул, чтобы преодолеть дрожь и успокоиться.

— Поспеш, Перси, — пробормотал он. — Ну пожалуйста!

Меня разбудил корабельный свисток и голос, вещавший по внутренней селекторной связи. Он принадлежал какому-то парню, который говорил с австралийским акцентом, и звучал преувеличенно бодро.

— Доброе утро, уважаемые пассажиры! Сегодня мы весь день пробудем в открытом море. Превосходная погода для вечеринки в стиле мамбо! Не забудьте о бинго с призом в миллион долларов, которое состоится в час пополудни в Кракен-лаундж. Для наших специальных гостей — показательное потрошение на прогулочной палубе!

Я сел на кровати.

— Что он такое несет?

Тайсон что-то промычал спросонья. Он лежал, уткнувшись лицом в подушку, ноги его свисали за край койки.

— Веселый дядя сказал... что-то про боулинг?^[11] — вопросительно пробормотал он.

Я надеялся, что он прав, пока не раздался настойчивый стук во внутреннюю дверь. Аннабет просунула голову — ее светлые кудри были в полнейшем беспорядке.

— Показательное потрошение?

Одевшись, мы с опаской выглянули из каюты и были поражены, увидев множество народу. Дюжина пожилых господ направлялась на завтрак. Какой-то папаша вел детей к бассейну для утреннего заплыва. Члены команды в накрахмаленной до хруста белой форме расхаживали по палубе, учтиво поднося пальцы к фуражкам при виде пассажиров.

Никто не спросил нас, откуда мы взялись. Никто не обратил на нас внимание. Но что-то тут все равно было не так.

Когда желающие поплавать проходили мимо нас, папаша сказал детишкам:

— Мы на круизном лайнере. Нам будет весело.

— Да, — в унисон отозвались трое ребятишек. — Мы развлекаемся. Мы будем плавать в бассейне.

Они проследовали своим путем.

— Доброе утро, — обратился к нам кто-то из членов команды, глаза его были словно подернуты пеленой. — На борту «Принцессы Андромеды» все чувствуют себя прекрасно. Желаю вам приятно провести день. — Сказав это, он отошел.

— Чудно все это, Перси, — шепнула мне Аннабет. — Все они словно в

каком-то трансе.

Проходя мимо кафетерия, мы увидели первого монстра. Это была адская собака — черный мастиф, передними лапами опершись о буфетную стойку, погрузил морду в яичницу. Наверное, еще совсем щенок, поскольку он был сравнительно маленьким, не больше медведя-гризли. И все же я внутренне похолодел. Ведь одна из таких собачек когда-то едва не убила меня.

Станным было вот еще что: какая-то супружеская пара средних лет стояла в очереди прямо за адским псом, терпеливо ожидая своей порции яичницы. И казалось, ничего необычного не замечала.

— Кажется, я уже не хочу есть... — пробормотал Тайсон.

Прежде чем мы с Аннабет успели ответить, в коридоре раздался шипящий голос рептилии.

— Вчера к нам приссоединились еще шесстеро.

Неистово жестикулируя, Аннабет указала на ближайшее укрытие — дамскую уборную, и мы нырнули туда. Я был настолько не в себе, что меня это даже не смутило.

Нечто — вернее, двое таких нечто — ползком скользнули мимо двери уборной, производя шероховатый звук, как если бы по ковру водили наждаком.

— Да, — раздался голос второй рептилии, — сссоро он до них доберетсся. Сссоро он ссстанет ссильным.

Твари проползли в кафетерий с холодным шипением, что вполне могло быть змеиным смехом.

— Надо убираться отсюда. — Аннабет посмотрела на меня.

— Ты думаешь, я по собственной воле забрался в женскую уборную?

— Я имею в виду — с корабля, Перси! Надо бежать с корабля.

— Плохо пахнет, — согласился Тайсон. — И собаки сожрут все яйца. Аннабет правильно говорит. Нужно убираться из уборной и с корабля тоже.

Меня пробрала дрожь. Уж если Аннабет и Тайсон пришли к согласию, я, пожалуй, возражать не стану.

Потом снаружи донесся еще один голос, от которого у меня кровь застыла в жилах, — это было хуже, чем любое чудовище!

— ...это только вопрос времени. Не подталкивай меня, Агрий!

Вне всякого сомнения, это Лука. Его голос я никогда не забуду.

— Ничего я не подталкиваю! — прорычал другой парень. Его голос был ниже и более злобным, чем у Луки. — Хочу, чтоб ты понял: если и эта игра не выгорит...

— Выгорит, — оборвал его Лука. — Они заглотят наживку. Ладно,

пошли, надо зайти в адмиральскую каюту и проверить саркофаг.

Голоса удалились по коридору.

— Бежим прямо сейчас, — захныкал Тайсон.

Мы с Аннабет переглянулись и пришли к молчаливому соглашению.

— Мы не можем, — сказал я Тайсону.

— Мы должны узнать, что замышляет Лука, — объявила Аннабет. —

И по возможности задать ему хорошую взбучку, заковать в цепи и притащить на Олимп.

Глава девятая

Самый скверный семейный совет в моей жизни

Аннабет намеревалась пойти одна, поскольку у нее была кепка-невидимка, но я убедил ее, что это слишком опасно. Либо мы пойдем все вместе, либо не пойдет никто.

— Никто! — подал голос Тайсон. — Ну пожалуйста.

Но в конце концов и он, нервно грызя огромные ногти, согласился. Мы задержались в каюте, чтобы собрать вещи. По нашим расчетам, что бы ни случилось, мы больше не останемся на ночь на борту этого круизного судна с чудовищами, даже если тут будут разыгрывать приз в миллион долларов. Я удостоверился, что мой меч Анаклузмос лежит у меня в кармане, а термос, который дал мне Гермес, — сверху в сумке. Я не хотел, чтобы Тайсон нес все вещи, но он настаивал, и Аннабет сказала, что мне не стоит беспокоиться. Тайсон может нести на плече три битком набитые спортивные сумки с такой же легкостью, с какой я ношу рюкзак.

Мы прокрались коридорами к адмиральской каюте, следуя корабельным указателем «Вы находитесь здесь». Невидимая Аннабет шла впереди, производя разведку. Когда кто-нибудь проходил мимо, мы прятались, но большинство встреченных нами пассажиров были люди с ничего не выражающими, остекленевшими глазами.

Едва мы поднялись на тринадцатую палубу, где должны были располагаться адмиральские апартаменты, Аннабет свистящим шепотом произнесла: «Прячьтесь» — и затолкала нас в подсобку.

Я услышал, как по коридору, беседуя, идут двое парней.

— Видел того эфиопского дракона в грузовом отсеке? — спросил один.

— Да, это потрясающе, — рассмеялся другой.

Аннабет, по-прежнему невидимая, с силой сжала мою руку. Я подумал, что голос второго парня мне тоже знаком.

— Я слышал, что они взяли еще двух, — произнес знакомый голос. — И будут подвозить в том же темпе — я знаю, что говорю!

Голоса удалились и смолкли.

— Это был Крис Родригес! — Аннабет сняла кепку и снова стала видимой. — Помнишь, из одиннадцатого?

Я смутно припоминал Криса по прошлому лету. Он был одним из неустановленных обитателей лагеря, которых засовывали в одиннадцатый

домик, потому что олимпийские родители не выказали на них притязаний. Теперь я понял, что этим летом не видел Криса в лагере.

— Что здесь делает еще один полукровка?

Аннабет покачала головой, явно озабоченная.

Мы продолжили наш путь по коридору. Не нужно было никаких новых встреч, чтобы чувствовать: Лука где-то поблизости. Я ощущал что-то холодное и неприятное — присутствие зла.

— Перси! — Аннабет неожиданно остановилась. — Смотри.

Она стояла перед стеклянной стеной, глядя вниз, в проем глубиной в несколько этажей, проходивший через самый центр судна. На дне его виднелась прогулочная палуба — по сути, торговая галерея с множеством магазинчиков, — но не это привлекло внимание Аннабет.

Перед кондитерской столпилась группа чудовищ: дюжина гигантов лестригонов вроде тех, которые напали на меня в спортзале, парочка адских гончих и еще более странные существа — женщины человеческого облика, но с раздвоенными змеиными хвостами вместо ног.

— Скифские женщины-драконы, — прошептала Аннабет.

Монстры расположились полукругом возле молодого человека в греческих доспехах, который рубил мечом соломенное чучело. В горле у меня застрял комок, когда я заметил, что чучело одето в оранжевую футболку Лагеря полукровок. Мы смотрели на то, как парень в доспехах вонзает меч в живот чучела и распарывает его снизу вверх. Солома так и летела во все стороны. Монстры завывали и подбадривали воина.

Аннабет отошла от окна. Лицо ее стало пепельно-серым.

— Пошли, — сказал я, стараясь, чтобы голос мой звучал как можно спокойнее. — Чем скорее мы найдем Луку, тем лучше.

Коридор заканчивался двустворчатыми дубовыми дверьми, которые, должно быть, вели в какое-то важное помещение. Когда мы приблизились футов на тридцать, Тайсон остановился:

— Я слышу голоса.

— Ты можешь расслышать, что они говорят на таком расстоянии? — спросил я.

Тайсон закрыл глаза, словно для того, чтобы лучше сосредоточиться. Затем его голос изменился, превратившись в сиплое подобие голоса Луки.

— ...пророчество сами. Эти идиоты даже не знают, какой путь избрать.

Прежде чем я успел отреагировать, голос Тайсона изменился снова, став басистее и грубее, как у того парня, который разговаривал с Лукой возле кафетерия.

— Ты и правда думаешь, что старый мерин убрался подброду?

Тайсон рассмеялся так, как смеялся Лука.

— Они ему не поверят. Даже если он будет рассказывать про скелеты в собственном шкафу. Отравленное дерево было последней соломинкой.

Аннабет задрожала.

— Прекрати, Тайсон! Как тебе это удастся? Прямо мурашки по коже.

Тайсон открыл глаза, вид у него был ошарашенный.

— Просто слушал.

— Не останавливайтесь, пошли! — сказал я. — Что еще они говорят?

Тайсон снова закрыл глаза.

— Тихо! — прошипел он грубым голосом.

— Ты уверен? — шепотом спросил Лука.

— Да, — снова прохрипел Тайсон. — Прямо за дверями.

Я слишком поздно понял, что происходит!

Успел только сказать: «Бегите!» — но в этот момент двери адмиральской каюты распахнулись: на пороге стоял Лука, а по бокам — два волосатых гиганта с дротиками, чьи бронзовые острия были нацелены прямо на нас.

— Кого я вижу, — сказал Лука, криво усмехаясь, — неужто мои любимые родственнички? Проходите, не стесняйтесь.

* * *

Каюта была прекрасной и ужасной одновременно.

Большие округлые окна вдоль всей задней стены открывали взору великолепный вид с кормы корабля. Зеленое море и синие небеса протянулись до самого горизонта. По полу стелился пушистый персидский ковер. Середину каюты занимали два плюшевых дивана, в одном углу стояла кровать под пологом, в другом — обеденный стол из красного дерева. Стол ломился от еды: коробки с пиццей, бутылки содовой и целое серебряное блюдо сэндвичей с ростбифом. Все это выглядело прекрасно.

Ужасным же было следующее. На бархатном помосте в задней части каюты стоял десятифутовый золотой контейнер. Нечто вроде саркофага с выгравированными на нем сценами из древнегреческой жизни: города, охваченные пламенем, и герои, погибающие страшной смертью. Несмотря на лившийся в окна солнечный свет, от саркофага исходил холод, заполнявший всю каюту.

— Ну, как? — спросил Лука, обводя каюту горделивым взглядом. — Немного уютнее, чем в одиннадцатом домике?

С прошлого лета он изменился. Вместо шорт до колен и футболки на нем была рубашка на пуговицах, брюки цвета хаки и кожаные мокасины. Теперь Лука коротко стриг свои непокорные рыжеватые волосы. Он выглядел как голливудский злодей, одетый по последней гарвардской моде.

Под глазом у Луки до сих пор сохранился шрам — зазубренная белая линия, след от битвы с драконом. На диване лежал его «коварный» меч, поблескивающий лезвием, выкованным наполовину из стали, наполовину из небесной бронзы, меч, которым можно было убить и монстра, и смертного.

— Садитесь, — сказал Лука.

По мановению его руки три кресла выдвинулись на середину каюты.

Никто из нас не сел.

Огромные друзья Луки по-прежнему целились в нас дротиками. Они походили друг на друга, как близнецы, но это были не люди. Ростом футов восемь, одеты только в джинсы, вероятно, потому, что их широченная грудь и без того густо заросла бурой шерстью. Вместо ногтей — когти, придававшие рукам сходство со звериными лапами. И лица — не лица, а скорее морды, пасти, ощеренные острыми клыками.

— Ах да, я совсем забыл, — вкрадчиво сказал Лука. — Это мои помощники Агрий и Орей. Вероятно, вы о них слышали.

Я промолчал. Несмотря на наставленные в мою грудь дротики, меня пугали совсем не братья-медведи.

Я много раз представлял, как встречу с Лукой, после того как он попытался убить меня прошлым летом. Мне представлялось, как я отважно выступаю ему навстречу и вызываю на поединок. Но теперь, когда мы стояли лицом к лицу, я еле сдерживал дрожь в руках.

— Так вы не знаете историю Агрия и Орея? — спросил Лука. — Их мать... ну, это на самом деле печально. Афродита приказала молодой женщине влюбиться. Та отказалась и обратилась за помощью к Артемиде. Артемиде разрешила ей вступить в свиту ее охотниц, но Афродита отомстила. Она навела на молодую женщину злые чары, и та влюбилась в медведя. Узнав об этом, Артемиде с отвращением бросила девушку. Типично для богов, не так ли? Они борются друг с другом, а достается всегда несчастным смертным. Сыновья-близнецы этой женщины, Агрий и Орей, невзлюбили Олимп. Хотя... полукровок они в некотором роде любят...

— На обед, — рыкнул Агрий.

Именно ему принадлежал тот хриплый голос в разговоре с Лукой, который я слышал.

— Хе-хе-хе! — рассмеялся его брат Орей, облизывая поросшие шерстью губы.

Он смеялся не переставая, словно на него напал приступ астмы, пока Лука и Агрий не уставились на него долгим взглядом.

— Заткнись, ты, идиот! — прорычал Агрий. — Сам себя накажешь!

Орей заскулил. Проковыляв в угол каюты, он тяжело опустился на стул и грохнулся лбом об обеденный стол, серебряные тарелки подпрыгнули и задребезжали.

Лука вел себя так, будто все происходящее совершенно естественно. Он поудобнее устроился на диване и положил ноги на кофейный столик.

— Итак, Перси, в прошлом году мы позволили тебе выжить. Надеюсь, ты это оценишь. Как мамуля? Как дела в школе?

— Ты отравил дерево Талии.

— Не в бровь, а в глаз, — вздохнул Лука. — Конечно, я отравил дерево. Ну и что?

— Как ты мог? — спросила Аннабет с такой яростью, что я подумал — она сейчас кинется на Луку. — Талия спасла твою жизнь! Наши жизни! Как мог ты обесчестить ее имя?..

— Ничего я не обесчестил! — оборвал Лука. — Боги обесчестили ее, Аннабет! Будь Талия жива, она встала бы на мою сторону.

— Лжец!

— Если бы ты знала, какие грядут времена, ты поняла бы...

— Я поняла, что ты хочешь разрушить лагерь! — закричала Аннабет. — Ты чудовище!

— Боги ослепили тебя. — Лука покачал головой. — Ты можешь представить себе мир без них, Аннабет? Что хорошего в том, что ты изучаешь древнюю историю? Ненужный груз тысячелетий! Запад прогнил насквозь. Он должен быть уничтожен. Присоединяйся ко мне! Мы начнем все заново. Мы могли бы использовать твой ум, Аннабет.

— Потому что у вас нет своего собственного!

— Я хорошо знаю тебя, Аннабет. — Лука сощурился. — Ты заслуживаешь лучшего, чем быть втянутой в безнадежный поиск ради спасения лагеря. Через месяц монстры захватят Холм полукровок. Уцелевшим героям не останется ничего другого, кроме как присоединиться к нам или стать добычей, которая рано или поздно попадет в зубы охотникам. Ты что, действительно хочешь быть в проигравшей команде... вот с этими? — Лука указал на Тайсона.

— Эй, полегче! — вмешался я.

— Путешествовать с циклопом, — с укором произнес Лука. — И разглагольствовать насчет того, что я обесчестил память о Талии! Ты меня удивляешь, Аннабет. Уж ты-то...

— Прекрати! — крикнула Аннабет.

Я не мог понять, о чем он говорит, но Аннабет спрятала лицо в ладонях, словно собиралась заплакать.

— Оставь ее в покое, — сказал я. — И Тайсона тоже.

— Ах да, я слышал. — Лука рассмеялся. — Твой отец признал и этого.

Я не сумел скрыть удивления, и Лука улыбнулся.

— Да, Перси, я все знаю. И насчет твоего плана найти руно — тоже. Какие ж там были координаты, ну-ка... Тридцать один, семьдесят пять, двенадцать? Видишь, у меня остались друзья в лагере, которые держат меня в курсе.

— Ты хочешь сказать — шпионы?

Лука пожал плечами.

— До каких пор ты позволишь отцу оскорблять тебя, Перси? Думаешь, он благодарен тебе? Думаешь, Посейдон больше заботится о тебе, чем об этом чудовище?

Тайсон стиснул кулаки и глухо заворчал. Лука только ухмыльнулся.

— Боги используют тебя по полной программе, Перси. Ты хоть представляешь, что тебя ожидает, если ты достигнешь шестнадцати лет? Хирон никогда не рассказывал тебе о пророчестве?

Мне хотелось высказать Луке в лицо все, что я о нем думаю, но он, по обыкновению, знал, как вывести меня из равновесия.

Шестнадцать лет?

Иными словами, я знал, что давным-давно Хирон услышал от оракула пророчество. Знал и то, что частично оно касается меня. Но — «если я достигну шестнадцати лет»? Такая формулировка мне не понравилась.

— Я знаю то, что мне нужно знать, — с трудом выговорил я. — Например, кто мои враги.

— Тогда ты просто дурак.

— Перси не дурак! — Тайсон в щепы разнес стоявшее рядом кресло.

Прежде чем я успел остановить его, он кинулся на Луку. Кулаки циклопа обрушились на голову Луки — двойной удар с размаху, который мог бы пробить дыру в титановой панели, — но тут вмешались близнецы-медведи. Они схватили Тайсона за руки и мгновенно остановили его. Потом оттолкнули циклопа, и он рухнул на ковер, да так, что задрожала вся палуба.

— Плохо, плохо, циклоп, — сказал Лука. — Похоже, мои друзья-гризли вдвоем окажутся посильней тебя. Может, позволить им?..

— Лука, — резко прервал я его, — послушай. Нас прислал твой отец.

— Не смей... даже... упоминать о нем. — Лицо его вмиг стало красным как помидор.

— Он сказал, чтобы мы сели на этот корабль. Я думал — просто чтобы прокатиться, но он послал нас, чтобы найти тебя. Он сказал, что не оставит тебя, как бы ты на него ни злился.

— «Злился»? — взревел Лука. — «Не оставит» меня? Да он бросил меня, Перси! Я разнесу в щепки этот Олимп! Уничтожу каждый трон! Скажи Гермесу, что так оно и будет. Всякий раз, когда к нам присоединяется полукровка, боги Олимпа становятся слабее, а мы — крепнем. Он крепнет. — Лука указал на золотой саркофаг.

От одного взгляда на саркофаг у меня по телу пробежали мурашки, но я твердо решил не показывать этого.

— Ну и? — спросил я. — Что же в нем такого особенного?..

Тут меня как громом поразило: я понял, что может находиться внутри саркофага. Казалось, температура в каюте упала градусов на двадцать.

— Ух ты, не хочешь ли ты сказать?..

— Он преобразуется, — ответил Лука. — Мало-помалу мы извлекаем из ямы его жизненную силу. Каждый, кто добровольно присягает на верность нашему делу, привносит свою малую лепту...

— Какая мерзость! — воскликнула Аннабет.

Лука взглянул на нее и усмехнулся.

— Твоя мать родилась из расколотого черепа Зевса, Аннабет. Так что я бы на твоём месте помолчал. Скоро мы получим достаточно материала, чтобы восстановить повелителя титанов во всей его целостности. Мы создадим для него новое тело, достойное кузницы самого Гефеста.

— Ты сумасшедший, — покачала головой Аннабет.

— Присоединяйся к нам, и ты получишь свою награду. У нас могущественные друзья, достаточно богатые спонсоры, чтобы купить это круизное судно и многое другое. Твоей матери больше никогда не придется работать, Перси. Сможешь приобрести ей особняк. Ты сможешь стать могучим, знаменитым — всем, кем пожелаешь. А ты, Аннабет, сумеешь осуществить свою мечту и стать архитектором. Ты сможешь возвести памятник, который простоит тысячу лет. Храм повелителям нового века!

— Иди ты в Тартар, — ответила Аннабет.

— Жаль, — вздохнул Лука.

Он взял что-то, напоминающее пульт дистанционного управления от

телевизора, и нажал красную кнопку. Через несколько секунд двери каюты распахнулись и на пороге возникли двое мужчин, одетых в форму членов экипажа и вооруженных полицейскими дубинками. Глаза их были подернуты такой же пленкой, как и у других людей, которых я видел здесь, но что-то подсказывало мне: это не делает их менее опасными в драке.

— А, вот и наша славная охрана, — сказал Лука. — Боюсь, на борту появились «зайцы».

— Да, сэр, — ответили они вяло.

Лука повернулся к Орею.

— Пора кормить эфиопского дракона. Отведи этих идиотов вниз и покажи, как это делается.

— Хе-хе! Хе-хе! — глупо заухмылялся Орей.

— Давай я тоже пойду, — проворчал Агрий. — От братца моего никакого толку. Этот циклоп...

— Это не опасно, — сказал Лука. Он оглянулся на золотой саркофаг, словно что-то беспокоило его. — Оставайся здесь, Агрий. Нам нужно обсудить важные дела.

— Но...

— Орей, не подведи меня. Гляди внимательнее, чтобы дракон был накормлен досыта.

Орей вытолкнул нас из каюты, подгоняя дротиком. Охранники следовали сзади.

* * *

Пока я шел по коридору и дротик Орея тыкался мне в спину, я думал о словах Луки, а именно о том, что близнецы-медведи вместе могут сравняться с Тайсоном по силе. Но, возможно, по отдельности...

Пройдя коридор, расположенный посередине корабля, мы вступили на открытую палубу, вдоль которой лежали спасательные шлюпки. Я изучил судно достаточно хорошо, чтобы понимать, что мы видим солнце в последний раз. На другой стороне — лифт, идущий в трюм, и тогда нам конец.

Я взглянул на Тайсона и сказал:

— Сейчас.

Слава богам, он понял! Развернувшись, Тайсон влепил Орею оплеуху, которая отшвырнула его футов на тридцать, и медведь плюхнулся в бассейн прямо посреди плавающей семейки, возглавляемой папашей.

— Ой! — в унисон взвизгнули детишки. — В бассейне штормов не бывает!

Один из охранников вытащил было дубинку, но Аннабет вывела его из строя хорошо поставленным ударом в солнечное сплетение. Другой охранник бросился к ближайшей «тревожной кнопке».

— Задержи его! — взвизгнула Аннабет, но было уже поздно.

За секунду до того, как я оглушил его шезлонгом, охранник нажал кнопку.

Замигали красные огни. Завыли сирены.

— В шлюпку! — крикнул я.

Мы бросились к ближайшей лодке.

К тому времени, когда мы расчехлили ее, монстры и новые охранники уже кишмя кишели на палубе, распахивая туристов и официантов с подносами экзотических коктейлей. Парень в греческих доспехах выхватил меч и тоже кинулся на нас, но поскользнулся в луже «Пина колада». Лестригоны, собравшиеся на палубе над нами, взяли наизготовку свои огромные луки.

— Как ты собираешься спустить эту штуку на воду? — крикнула Аннабет.

Адская гончая прыгнула на меня, но Тайсон отшвырнул ее, хорошенькоогрев огнетушителем.

— Залезайте! — взвыл я.

Изготовив Анаклузмос, я отразил первый залп взвившихся в воздух стрел. В любую секунду нас могли схватить.

Шлюпка висела за бортом корабля высоко над водой. Аннабет и Тайсон никак не могли справиться с талями.

Я запрыгнул к ним в лодку.

— Держитесь! — завопил я и перерубил канаты.

Пока мы проносились вдоль борта, над нашими головами свистел дождь стрел.

Глава десятая

Нас подвозит корабль мертвых конфедератов

— Термос! — выкрикнул я, когда мы со скоростью пушечного ядра мчались навстречу воде.

— Что? — Аннабет, должно быть, подумала, что я сошел с ума. Она мертвой хваткой вцепилась в стропы шлюпки, ее волосы развевались на ветру подобно пламени факела.

Но Тайсон понял. Ему удалось открыть мою сумку и вытащить волшебный термос Гермеса, одной рукой вцепившись в него, другой — в шлюпку.

Кругом свистели стрелы и дротики.

— Держитесь! — Я схватил термос, надеясь, что поступаю правильно.

— Я и так держусь! — взвизгнула Аннабет.

— Крепче держитесь!

Согнув ноги в коленях, я засунул их под надувную скамью, Тайсон вцепился в наши с Аннабет рубашки, и тут я повернул крышку термоса на четверть оборота.

Моментально из него вырвалась белая струя ветра, и нас завертело из стороны в сторону, причем падение плащмя превратилось в аварийную посадку на воду под углом в сорок пять градусов.

Казалось, что, вырываясь из термоса, ветер хохочет, словно ему нравилось ощущение обретенной свободы. Ударившись о поверхность воды, мы несколько раз подскочили, как пущенный по воде плоский камешек, а затем со свистом понеслись вперед, словно моторная лодка, соленые брызги летели нам в лицо, и впереди был только открытый океан.

Я услышал доносившиеся сзади, с корабля, яростные вопли, но мы уже находились вне зоны обстрела. «Принцесса Андромеда» уменьшилась до размеров игрушечного кораблика, а затем и вовсе растаяла вдали.

* * *

Пока шлюпка, подгоняемая ветром, мчалась по морю, мы с Аннабет пытались отправить Хирону послание через Ириду. Нам представлялось важным дать знать кому-нибудь о намерениях Луки, и Хирон был единственным, на кого мы могли положиться.

Распыляя воду, ветер из термоса образовал прекрасную, сияющую на солнце радугу, идеальную для Ириды, — но связь была слабой. Когда Аннабет бросила в туман золотую драхму и вознесла молитву богине радуги, прося ее показать нам Хирона, появилось отчетливое изображение его лица, правда, на несколько странном, мерцающем стробоскопическом фоне и в сопровождении раскатов оглушительной рок-музыки, словно он был на дискотеке.

Мы рассказали кентавру о том, как улизнули из лагеря, о Луке и «Принцессе Андромеде», о золотом саркофаге с останками Кроноса, однако, учитывая шум на том конце и ревущий ветер, вздымающий водяную пыль, на нашем, я не был уверен, много ли ему удалось расслышать.

— Перси! — крикнул Хирон. — Ты должен остерегаться...

Голос его потонул в громких воплях — с такими кличами, наверное, бросались в атаку воины команчей.

— Что? — завопил я изо всех сил.

— Будь прокляты мои сородичи! — Хирон вынужден был пригнуться, когда над его головой пронеслась и скрылась из виду тарелка. — Аннабет, ты не должна была позволять Перси покинуть лагерь! Но если ты раздобудешь руно...

— Давай, крошка! — завопил кто-то за спиной Хирона. — Эге-гей!

Музыка заорала на полную катушку, басы звучали так громко, что наша шлюпка начала вибрировать.

— ...Майами, — продолжал надсаживаться Хирон. — Я постараюсь проследить...

Наш туманный экран разлетелся на кусочки, словно кто-то с той стороны запустил в него бутылкой, и Хирон исчез.

* * *

Час спустя мы увидели землю — длинную полосу пляжа, вдоль которого выстроились высотные здания отелей. В воде, едва не сталкиваясь бортами, покачивались рыболовецкие лодки и наливные суда. Катер береговой охраны прошел мимо нашего правого борта, затем развернулся, словно желая поподробнее нас рассмотреть. Думаю, им не каждый день приходилось видеть желтую спасательную шлюпку, управляемую тремя подростками, которая без всякого мотора двигалась со скоростью в сотню узлов в час.

— Это Вирджиния-Бич, — сказала Аннабет, когда мы приблизились к береговой линии. — О боги, как «Принцессе Андромеде» удалось так далеко отплыть за ночь? Это примерно...

— Пятьсот тридцать морских миль, — сказал я.

— А ты откуда знаешь? — уставилась она на меня.

— Ну... я не уверен.

Аннабет на мгновение задумалась и спросила:

— Перси, где мы находимся?

— Тридцать шесть градусов сорок четыре минуты к северу, семьдесят шесть градусов две минуты к западу, — без запинки выпалил я. Потом покачал головой. — Ну и дела! Откуда мне все это известно?

— От отца, — предположила Аннабет. — Когда ты в море, ты отлично знаешь свои координаты. Это просто здорово.

Я не был в этом до конца уверен. Мне вовсе не хотелось выступать в роли ходячего компаса. Но не успел я что-либо возразить, как Тайсон легонько хлопнул меня по плечу:

— Та лодка плывет за нами.

Я оглянулся. Суденышко береговой охраны определенно висело у нас на хвосте. Огни его мигали, и оно явно набирало скорость.

— Нельзя, чтобы они догнали нас, — сказал я. — Будет слишком много вопросов.

— Держи курс на Чесапикскую бухту, — скомандовала Аннабет. — Я знаю место, где мы можем спрятаться.

Я не стал спрашивать, что она имеет в виду и откуда так хорошо знает местность. Я рискнул еще немного приоткрыть крышку термоса, свежий порыв ветра заставил нашу шлюпку ракетой обогнуть северную оконечность Вирджиния-Бич, и мы оказались в Чесапикской бухте. Катер береговой охраны отставал все больше и больше. Мы не сбавляли ход, пока берега бухты не стали сужаться с обеих сторон, и я понял, что мы входим в устье реки.

Разница между соленой и пресной водой почувствовалась сразу. Внезапно я ощутил усталость и разбитость во всем теле, как при наркотической ломке. Я уже не знал, где нахожусь и куда вести шлюпку. Хорошо, что рядом была Аннабет.

— Вон туда, — показала она. — За той песчаной отмелью.

Мы свернули в какую-то трясику, густо заросшую болотной травой. Я остановил шлюпку у подножия огромного кипариса.

Над нами маячили оплетенные лианами кроны деревьев. В лесу на все лады жужжали насекомые. Воздух был спертым и жарким, над

поверхностью реки курился пар. Короче, это был не Манхэттен, и место это не понравилось мне с первого взгляда.

— Пошли, — сказала Аннабет. — Это сразу за отмелью.

— Что «это»? — спросил я.

— Просто идите за мной. — Она ухватила свою сумку. — И лучше чем-нибудь прикрыть шлюпку. Не надо привлекать внимания.

Закидав лодку ветками, мы с Тайсоном двинулись за Аннабет вдоль берега, хлюпая по красноватой жиже. Змея скользнула рядом с моей ногой и скрылась в траве.

— Плохое место, — пробурчал Тайсон.

Он то и дело прихлопывал москитов, садившихся на его руки.

Еще через несколько минут Аннабет сказала:

— Здесь.

Единственное, что я видел, были кусты ежевики. Затем Аннабет раздвинула ветви, будто открывала дверь, и я понял, что перед нами замаскированное убежище.

Места оказалось достаточно для троих, даже учитывая, что третьим был Тайсон. Стены представляли собой переплетенные растения, нечто наподобие хижины американских индейцев, но выглядели водонепроницаемыми. В углу было сложено все, что может понадобиться человеку в походе: спальные мешки, одеяла, переносной холодильник и керосиновая лампа. Имелись тут и припасы полубогов — бронзовые наконечники для дротиков, полный колчан стрел, запасной меч и коробочка с амброзией. Пахло плесенью, будто это место уже давно никто не посещал.

— Тайное убежище полукровок. — Я с благоговением посмотрел на Аннабет. — Ты сделала все это сама?

— Мы с Талией, — спокойно ответила она. — И Лука.

Ее слова не должны были задеть меня. Я знал, что Талия и Лука заботились об Аннабет, когда она была еще совсем ребенком. Знал, что всех троих объединяла участь беглецов, скрывающихся от монстров и выживающих самостоятельно, пока Гроувер не нашел их и не попытался отвести на Холм полукровок. Но всякий раз, когда Аннабет заговаривала о времени, проведенном с ними, я чувствовал, как бы это сказать... не знаю. Неловкость?

Нет. Неточное слово.

Я ревновал.

— Значит... — сказал я. — Ты думаешь, что Лука не станет искать нас здесь?

Аннабет покачала головой.

— Мы соорудили дюжину укрытий вроде этого. Не уверена даже, что Лука их помнит. Или что его это волнует.

Она улеглась на одеялах и стала просматривать содержимое своей сумки. Поза Аннабет красноречиво давала понять, что говорить на эту тему она больше не хочет.

— Хм, Тайсон, — сказал я, — ты не против того, чтобы разведать, что тут есть вокруг. Какая-нибудь забегаловка для сбившихся с пути туристов?

— Забегаловка?

— Ну, место, где можно перекусить. Пончиками в сахарной обсыпке, например. Только не уходи слишком далеко.

— Пончики в сахарной обсыпке, — честно повторил Тайсон. — Буду искать в этой глуши пончики. — Высунувшись наружу, он позвал: — Эй, пончики!

Как только он ушел, я сел напротив Аннабет.

— Слушай, я сожалею... ну, по поводу того, что мы встретились с Лукой.

— Ты не виноват. — Она вынула нож из ножен и стала протирать лезвие тряпкой.

— Слишком уж легко он дал нам смотаться, — продолжал я.

Я надеялся, что мне так только показалось, но Аннабет кивнула.

— Мне тоже так кажется. Помнишь, мы краем уха слышали, как он говорит что-то про игру и что «они заглотали наживку»?.. Думаю, он имел в виду нас.

— И какую же приманку? Руно? Гроувера?

— Не знаю, Перси. — Аннабет пристально разглядывала острие ножа. — Может быть, он хочет сам завладеть руном? А может, надеется, что мы сделаем всю черную работу, а он потом его у нас украдет? Просто не могу поверить, что он отравил дерево.

— Что он имел в виду, когда сказал, что Талия была бы на его стороне?

— Он ошибается.

— Звучит не слишком уверенно.

Аннабет сверкнула на меня глазами, и я даже пожалел, что завел этот разговор, пока у нее в руках нож.

— Знаешь, Перси, кого ты мне сейчас напоминаешь? Талию. И вообще, вы, парни, все такие одинаковые, что просто жуть. Либо вы лучшие друзья, либо готовы задушить друг дружку.

— Давай не будем про «лучших друзей». А что Талия?

— Талия иногда сердилась на отца. Совсем как ты. Ты объявил бы за

это войну Олимпу?

— Нет, — ответил я, глядя на колчан со стрелами в углу.

— Вот видишь. И она тоже. Лука ошибается.

Аннабет вонзила нож в грязь.

Я хотел спросить ее насчет пророчества, которое упоминал Лука, и как оно связано с моим шестнадцатилетием. Но, скорее всего, она не ответила бы. Хирон достаточно ясно дал понять, что мне не дозволено услышать его, пока боги не решат иначе.

— А что Лука имел в виду, говоря о циклопах? — спросил я. — Он сказал, что ты...

— Я знаю, что он сказал. Он... он говорил о подлинной причине гибели Талии.

Я ждал, не зная, как реагировать.

Аннабет перевела дух, голос ее слегка дрожал.

— Никогда не доверяй циклопам, Перси. Шесть лет назад, когда Гроувер вел нас на Холм полукровок... — Тут она замолчала, потому что дверь хижины скрипнула и вполз Тайсон.

— Пончики в сахарной обсыпке! — гордо произнес он, протягивая коробку.

— Где ты это взял? — уставилась на него Аннабет. — Кругом полнейшая глухомань. Во всей округе нет...

— Всего пятьдесят футов отсюда, — сказал Тайсон. — Пышечная «Чудо-юдо» — прямо за холмом!

* * *

— Это скверно, — пробормотала Аннабет.

Присев на корточки, мы из-за дерева разглядывали пышечную, стоящую посреди леса. С виду она была новехонькая, с ярко освещенными окнами, парковкой и узкой дорогой, ведущей в лес, но кругом никого, и на парковке ни одной машины. Мы увидели служащего, читавшего журнал за кассой. На матерчатом навесе над окнами крупными черными буквами, которые даже я смог прочесть, было написано:

ПОНЧИКИ «ЧУДО-ЮДО»

Мультяшный великан на вывеске впился зубами в «о» из слова

«пончики». Запах стоял приятный, пахло только что поджаренными шоколадными пышками.

— Откуда она тут взялась? — прошептала Аннабет. — Что-то тут не так.

— Что? — переспросил я. — Это же пышечная.

— Тссс!

— Почему мы перешептываемся? Тайсон зашел, купил дюжину пончиков, и ничего не случилось.

— Он сам — чудовище.

— Ай, да брось ты, Аннабет. Пончики под названием «Чудо-юдо» — это еще не означает, что тут питаются монстры! Это просто сеть закусовых. У нас в Нью-Йорке тоже такие есть.

— Сеть, да, — согласилась она. — Но тебе не кажется странным, что она появилась тут сразу после того, как ты попросил Тайсона сходить за пончиками? Прямо здесь, в лесной чаще?

Я обдумал ее слова. Конечно, немного странно, однако пышечные отнюдь не стояли на первом месте в моем списке зловещих и потусторонних явлений.

— Это может быть гнездо, — объяснила Аннабет.

Тайсон захныкал. Сомневаюсь, что он понимал лучше, чем я, о чем ведет речь Аннабет, но тон, которым она говорила, заставлял его нервничать. Он успел умять полдюжины пончиков из коробки, и теперь все лицо у него было в сахарной пудре.

— Какое гнездо? — спросил я.

— Ты никогда не задумывался, почему такие забегаловки растут как грибы? — спросила Аннабет. — Еще вчера здесь ничего не было, а завтра — бум! — новое бистро, кофейня или что-нибудь такое? Сначала один магазинчик, потом два, потом четыре, точные копии друг друга, которые расползаются по всей стране.

— Не знаю, никогда об этом не думал.

— Перси, сети некоторых лавчонок множатся так быстро, потому что волшебным образом связаны с жизненной силой какого-нибудь чудовища. Некоторые дети Гермеса придумали, как это сделать, еще в пятидесятые годы. Они выращивали... — Аннабет замерла.

— Что? — спросил я. — Что они выращивали?

— Никаких... резких... движений, — сказала она таким голосом, словно от этого зависела ее жизнь. — Поворачиваемся медленно, очень медленно.

Потом и я услышал: это был шероховатый звук, будто что-то

громадное волочило свое брюхо сквозь листву.

Обернувшись, я увидел нечто размером с носорога, пробиравшееся в тени деревьев. Оно шипело, а его передняя часть извивалась в разные стороны. Сначала я не понял, что передо мной. Затем до меня дошло, что у твари несколько шей — по меньшей мере семь — и на каждой шипящая голова рептилии. Шкура у нее была кожистая, а на шеях болтался пластиковый слюнявчик, на котором значилось: «Я РЕБЕНОК ЧУДА-ЮДА!»

Я достал свою волшебную ручку, но Аннабет, поймав мой взгляд, молчаливо предостерегла: «Рано».

Я понял ее. У многих монстров потрясающее зрение. Возможно, мимо нас проползла сама Гидра. И если бы я обнажил меч сейчас, бронзовые блики наверняка привлекли бы ее внимание.

Мы ждали.

Гидра находилась всего в нескольких футах от нас. Казалось, она обнюхивает землю и деревья, будто охотится за кем-то. Потом я заметил, что две головы рвут на части желтую ткань, — это была одна из наших спортивных сумок, успевшая побывать в лагере. Гидра шла на наш запах.

Сердце тяжело забилося у меня в груди. Я видел чучело одной из голов Гидры еще в лагере, в качестве трофея, но это никоим образом не подготовило меня к тому, что я увидал в действительности. Все головы были ромбовидные, как у гремучей змеи, но каждая пасть ощерилась рядом зубов, напоминавших акульки.

Тайсон дрожал. Он отступил на шаг и случайно сломал веточку. Тут же все семь голов повернулись к нам и зашипели.

— Врассыпную, — громко крикнула Аннабет. И нырнула вправо.

Я откатился влево. Одна из голов Гидры выплюнула зеленую жидкость, которая пролетела над моим плечом и растеклась по стволу росшего рядом вяза. Ствол начал дымиться и распадаться на части. Дерево повалилось на Тайсона, который, словно окаменев, не мог сдвинуться с места, уставясь на чудище, находившееся прямо перед ним.

— Тайсон! — Я пихнул его изо всех сил, и он отлетел в сторону как раз в тот момент, когда Гидра бросилась на него и вяз обрушился на две ее головы.

Гидра отшатнулась, выдернув головы, и яростно взвыла, глядя на упавшее дерево. Все семь голов разом изрыгнули кислоту, и вяз расплылся дымящейся лужей.

— Шевелись! — приказал я Тайсону.

Потом, забежав сбоку, снял колпачок с ручки и обнажил Анаклузмос,

надеясь отвлечь внимание чудовища.

Это подействовало.

Вид небесной бронзы ненавистен большинству монстров. Как только лезвие моего меча сверкнуло, Гидра резко повернула к нему все головы, шипя и щерясь.

Тайсон моментально оказался вне опасности, и это хорошо. Плохо же было то, что я сам едва не растекся ядовитой лужицей.

В порядке эксперимента одна из голов бросилась на меня, щелкнув зубами. Даже не подумав, я взмахнул мечом.

— Нет! — предупреждая крикнула Аннабет.

Слишком поздно. Я начисто отрубил Гидре голову. Она покатилась в траву, покинув мотающийся во все стороны обрубок шеи, который моментально перестал кровоточить и начал раздуваться, как воздушный шар.

За несколько секунд обезглавленная шея разделилась надвое, и на каждой выросла точно такая же голова. Теперь передо мной была восьмиглавая Гидра.

— Перси! — проворчала Аннабет. — Ты только что открыл еще где-то новую закусочную «Чудо-юдо»!

Я увернулся от капель кислоты.

— Я чуть не погиб, а ты беспокоишься об этом? Как нам убить ее?

— Огонь! — сказала она. — Нам нужен огонь!

Не успела она договорить, как я вспомнил всю историю целиком. Головы Гидры перестанут множиться, только если мы будем прижигать каждую шею, прежде чем отрастут новые. Кстати, именно так поступил Геракл. Но у нас огня не было.

Я попятился к реке. Гидра последовала за мной.

Аннабет двигалась слева и пыталась отвлечь одну из голов, парируя ее клацающие зубы своим ножом, но другая голова, которой Гидра размахивала как палицей, оттолкнула ее в болотную жижу.

— Не смей бить моих друзей! — вмешался Тайсон, встав между Гидрой и Аннабет.

Как только Аннабет поднялась, он стал молотить по головам чудовища кулаками с такой быстротой, что это напомнило мне упражнения боксера с грушей. Но даже Тайсону не удалось отогнать Гидру.

Дюйм за дюймом мы пятились, уворачивались от брызг кислоты, отражая клацающие зубами головы, но не отрубая их, однако я понимал, что мы лишь откладываем свою гибель. В конце концов мы ошибемся и тварь прикончит нас.

Вдруг я услышал странный звук — пуф, пуф, пуф, — который я сначала принял за стук своего сердца. Потом он стал настолько мощным, что берег реки задрожал.

— Что это за шум? — крикнула Аннабет, не отводя глаз от Гидры.

— Паровой двигатель, — сказал Тайсон.

— Что? — Я пригнулся, и сгусток кислоты пролетел над моей головой.

С находящейся за нашими спинами реки раздался знакомый женский голос, крикнувший:

— Вон там! Тридцатидвухмиллиметровое орудие к бою!

Я не осмеливался отвести взгляд от Гидры, но если я не ошибался, то теперь враги у нас были и с фронта, и с тыла.

— Они слишком близко, госпожа! — ответил сиплый мужской голос.

— Будь прокляты эти герои! — воскликнула девушка. — Полный вперед!

— Есть, госпожа.

— Стреляйте по усмотрению, капитан!

Аннабет поняла, что происходит, на долю секунды раньше меня.

— Всем лечь! — завопила она, и мы прильнули к земле, как раз когда над рекой раздался залп, сотрясший землю и воздух.

Последовала вспышка света, дым взвился к небесам, и Гидра взорвалась прямо перед нами, окатив нас душем из отвратительной зеленой слизи, которая тут же испарилась, как это обычно происходит со всеми чудовищами.

— Какая мерзость! — взвизгнула Аннабет.

— Пароход! — выкрикнул Тайсон.

Я встал, кашляя от порохового дыма, облаком стлавшегося по берегам реки.

По воде к нам, пыхтя, приближался самый странный корабль, который я когда-либо видел. Он сидел в воде низко, как подводная лодка, палуба его была выложена железными листами. Посередине находился трапециевидной формы каземат с люками для орудий по каждой стороне. Над ним развевался флаг — вепрь и копье на кроваво-красном фоне. Вдоль палубы лежали зомби в серой униформе — мертвые солдаты, чьи бледные лица казались масками, прикрывавшими их черепа, — точь-в-точь упыри, охранники дворца Аида, которых я видел в царстве мертвых.

Корабль, целиком обшитый стальными листами. Крейсер времен Гражданской войны в США. Я смог только прочесть название, замшелыми буквами написанное на носу: «CSS^[12] Бирмингем».

В полном греческом доспехе рядом с орудием, которое едва не убило

нас, стояла Кларисса.

— Неудачники, — усмехнулась она. — Но мне полагается вас спасти.
Живо на борт.

Глава одиннадцатая

Кларисса все портит

— Вы влипли по самые уши, — сказала Кларисса.

Пройдя через темные каюты, заваленные трупами матросов, мы завершили обход корабля, который пришелся нам вовсе не по вкусу. Нам показали также бункер для угля, бойлеры и двигатель, который натужно рычал, казалось вот-вот готовый взорваться. Показали помещение штурмана, пороховой склад, артиллерийскую палубу (Клариссину любимую) с двумя гладкоствольными пушками Дальгрена по правому и левому борту и девятидюймовые нарезные орудия Брука на носу и корме, специально переделанные, чтобы стрелять шарами из небесной бронзы.

Куда бы мы ни пошли, на нас в упор смотрели мертвые матросы-конфедераты, их бородатые лица призрачно светились. Они одобрительно отнеслись к Аннабет, поскольку та сказала, что она из Вирджинии. Ко мне они тоже проявили интерес, когда я сказал, что моя фамилия Джексон — как у одного из генералов-южан, — но затем я сам разрушил свою легенду, ляпнув им, что я из Нью-Йорка. Тогда они скривились и разразились проклятиями в адрес янки.

Тайсона они привели в ужас. Он потребовал, чтобы Аннабет все время вела его за руку, что, впрочем, казалось, не слишком взволновало ее.

Наконец нас эскортировали на ужин. Капитанская каюта «Бирмингема» была размером с большую гардеробную, но все же намного больше любой другой каюты на борту. На покрытом белой льняной скатертью столе стояли фарфоровые приборы. Мертвецы из членов команды подавали арахисовое масло и сэндвичи с джемом, картофельные чипсы и бутылки «Доктор Пеппер». Мне не хотелось прикасаться ни к чему из того, что приносили привидения, но голод пересилил страх.

— Тантал выгнал вас навечно, — довольным голосом возвестила Кларисса. — Мистер Д. сказал, что если кто-нибудь из вас еще сунется в лагерь, то он превратит вас в белок и будет отстреливать из своей винтовки.

— Это они дали тебе этот корабль? — спросил я.

— Нет, конечно. Отец.

— Арес?

— Ты что, решил, что твой папочка один командует всеми морями? — Кларисса усмехнулась. — Души побежденных в каждой войне приносят свою дань Аресу. Это проклятие тех, кто потерпел поражение. Я вознесла

молитву отцу, прося морской транспорт, и — пожалуйста. Эти парни сделают все, что я им скажу. Верно, капитан?

Лицо стоявшего позади нее капитана было гневным и суровым. Его горящие зеленым огнем глаза хищно смотрели на меня.

— Если это будет означать конец этой адской войны, мэм, если это наконец принесет мир, мы сделаем все, что угодно. Уничтожим кого угодно.

— Уничтожим кого угодно, — улыбнулась Кларисса. — Вот это мне нравится.

Тайсон всхлипнул.

— Кларисса, — обратилась к ней Аннабет, — Лука тоже может попытаться добыть руно. Мы видели его. Он раздобыл необходимые координаты и держит курс на юг. На его круизном судне полно монстров...

— Отлично! Я пущу его ко дну.

— Ты не поняла, — сказала Аннабет. — Нам надо объединить усилия. Позволь нам помочь тебе...

— Нет! — Кларисса грохнула кулаком по столу. — Это мой поиск, воображала! В конце концов героем буду я, и вам не украсть у меня мой шанс.

— Где же твои соседи по домику? — спросил я. — Тебе разрешили взять с собой двух друзей, разве нет?

— Они не... Я оставила их. Пусть защищают лагерь.

— Ты хочешь сказать, что даже люди из твоего домика не будут помогать тебе?

— Заткнись, Перси! Они мне не нужны. И вы — тоже.

— Кларисса, — сказал я, — Тантал использует тебя. Судьба лагеря его не волнует. Ему хотелось бы видеть, как его разрушат. Он подстроил все так, чтобы у тебя ничего не вышло.

— Нет! Меня не волнует, что оракул... — Она резко замолчала.

— Что? — спросил я. — Что сказал тебе оракул?

— Ничего. — У Клариссы покраснели уши. — Все, что тебе нужно знать: я закончу поиски без твоей помощи. С другой стороны, я не могу отпустить тебя...

— Так мы — пленные? — поинтересовалась Аннабет.

— Гости. Пока. — Кларисса положила ноги на белую льняную скатерть и открыла еще одну бутылку «Доктора Пеппера». — Капитан, отведите их вниз. Обеспечьте подвесными койками. Если они будут плохо себя вести, покажите, как мы обращаемся с вражескими шпионами.

Сон начался, как только я закрыл глаза. Гроувер сидел за ткацким станком, нервно распуская свой подвенечный наряд, когда заменявший дверь валун откатился в сторону и циклоп взревел:

— Ага!

— Дорогой! — заскулил Гроувер. — Я же не... ты был так добр!

— Распускаешь, да?! — прорычал Полифем. — Так вот, значит, в чем дело!

— Ах, нет. Я... я не...

— Пошли!

Полифем сгреб Гроувера, схватив его за талию, и отчасти повел, отчасти поволок подземными переходами. Гроувер старался, чтобы туфли на шпильках не свалились у него с копыт. Вуаль болталась у него на голове, также грозя слететь.

Циклоп притащил Гроувера в пещеру размером со склад, украшенную всякими овечьими прибабасами. Здесь стояли покрытое шкурами кресло с откидной спинкой и телевизор, грубо сработанные книжные полки с коллекцией всего, связанного с овцами: кофейные кружки в виде овечьих морд, гипсовые статуэтки овец и иллюстрированные издания, посвященные овцеводству. На полу валялись груды овечьих скелетов и других костей, по-видимому не принадлежавших овцам, — возможно, кости сатиров, которые попадали на остров в поисках Пана.

Полифем на минуту отпустил Гроувера от себя для того, чтобы можно было сдвинуть еще один валун. Лучи дневного света проникли в пещеру, и Гроувер зашмыгал носом, так ему захотелось на волю. Свежий воздух!

Циклоп вытащил сатира наружу, на вершину холма, с которой открывался вид на самый красивый остров в мире.

Он имел форму седла, напололам разрубленного топором. Холмы по обеим сторонам покрывала пышная зелень, посредине тянулась широкая долина с глубокой расселиной, через которую был переброшен висячий мостик. Прекраснейшие потоки струились по каньону, обрываясь водопадами, над которыми стояли радуги. С ветки на ветку перепархивали попугаи. Кусты были усыпаны розовыми и пурпурными цветами. В лугах паслись сотни овец, чья шерсть странно поблескивала, словно медные или серебряные монетки.

А в самой середине острова, прямо рядом с висячим мостом, рос огромный дуб с искривленным стволом, на нижней ветви которого что-то

блестело.

Золотое руно.

Даже во сне я почувствовал, как исходящая от него сила распространяется по острову, заставляя ярче зеленеть траву и делая цветы еще прекраснее. Я почти чуял источаемое руном природное волшебство. Я мог только представить, как мощно подействовал его запах на сатира.

Гроувер жалобно захныкал.

— Да, — горделиво произнес Полифем, — видишь вон там? Руно — украшение моей коллекции! Давным-давно я украл его у героев, и с тех пор — никаких проблем с едой! Сатиры слетаются сюда со всего света, как мошки на пламя. А сатиры — хорошая еда. А теперь...

Полифем вытащил устрашающего вида бронзовые ножницы для стрижки овец.

Гроувер заскулил, но Полифем просто схватил ближайшую овцу, упитанную, с пышной шерстью, и остриг ее. Пушистое руно он вручил Гроуверу.

— А теперь пусти его на пряжу! — горделиво заявил он. — Волшебное. Распустить нельзя.

— О... как замечательно...

— Моя сладкая бедняжка! — усмехнулся Полифем. — Плохая из тебя ткачиха. Ха-ха! Ничего, не волнуйся. С этой нитью мы все уладим. Ты закончишь свадебный наряд к завтрашнему дню!

— Ты... так заботишься обо мне!

— Хе-хе.

— Но... но, дорогой, — сатир сглотнул слюну, — что, если кто-нибудь станет разыскивать... то есть, я имею в виду, нападет на остров?

Гроувер посмотрел прямо на меня, и я понял, что он просит моей помощи.

— Что, если они двинутся прямо на твою пещеру?

— Какая ты хитрая! Но не беспокойся, это все бабьи страхи! Охрана у Полифема — просто совершенство, произведение искусства. Им придется миновать моих любимцев.

— Любимцев?

Гроувер завертел головой направо и налево, но не увидел никого, кроме мирно пасущихся в лугах овец.

— А потом, — прорычал Полифем, — им придется иметь дело со мной!

Он грохнул кулаком по ближайшей скале, которая с треском раскололась напополам.

— А теперь пошли! — прикрикнул он. — Обратно в пещеру!

Казалось, Гроувер вот-вот заплачет — быть так близко к свободе и так безнадежно далеко от нее. Слезы выступили у него на глазах, когда валун встал на свое место, наглухо заперев его в сырой и вонючей, озаряемой только светом факела пещере циклопа.

* * *

Я проснулся оттого, что по всему кораблю били тревогу колокола. Послышался сиплый голос капитана.

— Все наверх! Ищите госпожу Клариссу! Куда она подевалась?

Затем его призрачное лицо возникло надо мной.

— Подымайся, янки. Твои друзья уже на палубе. Мы приближаемся.

— Приближаемся? К чему?

— К Морю чудовищ, конечно. — Он улыбнулся мне улыбкой скелета.

* * *

Я запихнул немногие оставшиеся у меня после нападения Гидры вещи в холщовый матросский мешок и перекинул его через плечо. Во мне шевельнулось подозрение, что, так или иначе, мне больше не придется ночевать на борту «Бирмингема».

Я уже поднимался по лестнице, когда что-то заставило меня остановиться. Близкое присутствие чего-то знакомого и малоприятного. Без всяких на то причин мне захотелось затеять драку. Хорошенько врезать мертвому конфедерату. Последний раз я чувствовал подобный гнев...

Вместо того чтобы подниматься по ступеням, я подобрался к краю вентиляционной решетки и заглянул вниз, в бойлерную.

Прямо подо мной стояла Кларисса и разговаривала с мужчиной, фигура которого мерцала в паре шагов от бойлеров. Это был мускулистый человек в черной кожаной одежде байкера, стриженный коротко, по-военному, в темных очках, с ножом, притороченным сбоку на поясе.

Кулаки мои сжались. Это был мой самый нелюбимый олимпиец — Арес, бог войны.

— Не нужно мне никаких извинений, крошка! — хрипло произнес он.

— Д-да, папа, — запинаясь, ответила Кларисса.

— Ты ведь не хочешь видеть, как я сержусь?

— Нет, папа.

— Нет, *papa* — передразнил ее Арес. — Как трогательно. Мне надо было отправить на эти поиски кого-нибудь из моих сыновей.

— Я добьюсь успеха! — пообещала Кларисса дрожащим голосом. — Ты будешь мной гордиться.

— Смотри у меня! — предупредил Арес. — Ты сама просила право отправиться на поиск. И если ты позволишь этому слизняку Джексону украсть его у тебя...

— Но оракул сказал...

— МЕНЯ НЕ ВОЛНУЕТ, ЧТО ОН ТАМ СКАЗАЛ! — проревел Арес так оглушительно, что даже его смутный образ заколебался. — Ты добьешься победы. А если нет...

Он занес кулак. Хотя он представлял собой только призрачное облако, Кларисса вздрогнула.

— Надеюсь, мы друг друга поняли, — скрипучим голосом сказал Арес.

Снова затрезвонили колокола. Я услышал приближающиеся голоса, офицеры пронзительно выкрикивали приказы изготовить орудия к бою.

Я тихонько отполз от вентиляционной решетки и побежал вверх, чтобы присоединиться к Аннабет и Тайсону на верхней палубе.

* * *

— Что-то не так? — спросила меня Аннабет. — Снова дурной сон?

Я молча кивнул. Я не знал, как отнестись к тому, что видел внизу. Подсмотренная сцена взволновала меня не меньше, чем сон о Гроувере.

Кларисса поднялась на палубу сразу вслед за мной. Я старался не смотреть на нее.

Она выхватила бинокль у офицера-зомби и стала вглядываться вдаль.

— Наконец-то! Капитан, полный вперед!

Я посмотрел в том же направлении, но мало что смог различить. Небо было затянуто тучами. В воздухе висела влажная теплая дымка, напоминающая пар от раскаленного железа. Я всматривался вперед до боли в глазах, но увидел вдали только два темных пятна неясного очертания. Мои навигационные чувства подсказывали, что мы где-то недалеко от побережья Северной Флориды, а стало быть, проделали за ночь большой путь, ушли дальше, чем мог бы любой другой корабль, управляемый смертными.

Когда мы увеличили скорость, двигатель душераздирающе заскрежетал.

— Слишком большая нагрузка на поршни, — тревожно пробормотал Тайсон. — Этот корабль не для морских плаваний.

Я не понимал, откуда он это знает, но мне стало не по себе.

Прошло еще несколько минут, и темные пятна перед нами приобрели определенный вид. К северу из моря вздымался массивный утес — скалистый остров высотой по меньшей мере футов в сто. Примерно в полумиле к югу находился другой сгусток темноты, похожий на зарождающийся шторм. Море и небо кипели, сливаясь в ревущую воронку.

— Ураган? — спросила Аннабет.

— Нет, — ответила Кларисса. — Харибда.

— Ты с ума сошла! — Аннабет побледнела.

— Единственный проход в Море чудовищ. Между Харибдой и ее сестрой Сциллой.

Кларисса указала на вершину скалы, и у меня возникло чувство, что там обитает некто, с кем у меня нет никакого желания встречаться.

— Что значит «единственный проход»? — спросил я. — Море — открытое пространство. Надо просто обойти это место стороной.

— Ты что, ничего не знаешь? — Кларисса выпучила глаза. — Если я попытаюсь обогнуть их, они тут же вновь появятся на моем пути. Если хочешь попасть в Море чудовищ, ты должен проплыть мимо них.

— Как насчет Симплегад, сталкивающихся скал? — спросила Аннабет. — Там еще один проход. Язон воспользовался им.

— Я не могу взорвать скалы моими пушками, — сказала Кларисса. — А вот монстров...

— Ты точно с ума сошла, — покачала головой Аннабет.

— Смотри и учись, воображала. — Кларисса повернулась к капитану. — Курс на Харибду!

— Есть, госпожа.

Двигатель взревел, стальные пластины задребезжали, и судно начало набирать скорость.

— Кларисса, — сказал я, — Харибда втягивает в себя море. Так говорится в мифах?

— Да, а потом изрыгает его обратно.

— А Сцилла?

— Она живет в пещере, на верху вон тех скал. Если мы подойдем слишком близко, ее змеиные головы высунутся и начнут хватать матросов с палубы.

— Тогда выбирай Сциллу, — сказал я. — Все спустятся вниз, и мы тихонечко проплывем мимо.

— Нет! — стояла на своем Кларисса. — Если Сцилле не достанется легкая добыча, она может утащить весь корабль. Кроме того, она слишком высоко, чтобы точно прицелиться. Мои пушки не могут стрелять вертикально вверх. Харибда же просто поджидает в середине своего водоворота. Мы возьмем курс прямо на нее, наведем пушки и отправим ее в Тартар!

Она произнесла это с таким удовольствием в голосе, что мне даже захотелось ей поверить.

Двигатель глухо гудел. Бойлеры так перегрелись, что я почувствовал, как палуба жжется под ногами. Из-под стальных листов с ревом вырывался дым. Красный флаг Ареса плескался на ветру.

По мере нашего приближения к чудовищу звуки, производимые Харибдой, становились все громче: жуткий булькающий рык, будто кто-то спускал самый большой унитаз во вселенной. Каждый раз, когда Харибда втягивала воду, корпус корабля трясся и раскачивался. При каждом ее выдохе мы поднимались из воды и на нас рушились десятифутовые волны.

Я постарался вычислить временной промежуток. У меня получилось, что у Харибды уходит примерно три минуты на то, чтобы втянуть в себя воду, разрушая все в радиусе до полумили. Чтобы избежать опасности, мы должны были пройти прямо под скалами Сциллы.

Ожившие матросы спокойно расхаживали по верхней палубе. Я догадывался, что они уже привыкли сражаться за обреченное на поражение дело, поэтому все происходящее не слишком тревожило их. А может, они не беспокоились о том, что их могут уничтожить, поскольку уже были покойниками. Ни та ни другая мысль не принесла мне облегчения.

Аннабет стояла рядом, вцепившись в поручни.

— У тебя в термосе еще остался ветер?

Я кивнул.

— Но слишком опасно использовать его при таком водовороте. Попутный ветер может только навредить.

— А как насчет того, чтобы контролировать приток и отток воды? — спросила она. — Ты ведь сын Посейдона. Ты делал это и раньше.

Аннабет права! Я закрыл глаза и постарался успокоить море, но не мог сосредоточиться. Харибда была слишком оглушительной и могущественной. Волны не подчинялись мне.

— Я... я не могу, — жалким голосом произнес я.

— Нам нужен запасной план, — сказала Аннабет. — Этот не

срабатывает.

— Аннабет права, — подал голос Тайсон. — Двигатель долго не протянет.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

— Давление. Поршни не выдержат.

Прежде чем он смог объяснить, в чем дело, вселенский унитаз разразился могущественным рыком. Корабль, раскачиваясь, помчался вперед, и меня швырнуло на палубу. Мы оказались в водовороте.

— Полный назад! — завопила Кларисса, стараясь перекрыть шум. Море вспенилось вокруг нас, волна захлестнула палубу. Стальной настил так раскалился, что над ним даже стоял пар. — Оставаться на расстоянии выстрела! Подготовить орудия по правому борту!

Мертвецы-конфедераты заматались взад-вперед. Винт закрутился в обратную сторону, стараясь замедлить продвижение корабля, но мы неудержимо соскальзывали к центру воронки.

Матрос-зомби вырвался из трюма и подбежал к Клариссе. Его серая форма дымилась, бороду подпалило.

— Машинное отделение перегрелось, мэм! Там сейчас все снесет!

— Ну так спускайся и отрегулируй бойлеры!

— Не могу! — завопил матрос. — От этого жара можно в пар превратиться.

Кларисса грохнула кулаком по пушечному каземату.

— Мне нужно всего несколько минут! Просто держаться на расстоянии выстрела!

— Мы идем слишком быстро, — мрачно произнес капитан. — Готовьтесь к смерти.

— Нет! — взревел Тайсон. — Я могу все наладить.

— Ты? — недоверчиво посмотрела на него Кларисса.

— Он циклоп, — напомнила Аннабет. — Он не чувствителен к жаре. И знает механику.

— Ступай! — взывала Кларисса.

— Нет, Тайсон! — Я схватил его за руку. — Слишком опасно!

Он легонько похлопал меня по руке. — Другого пути нет, брат. — Выражение лица у него было решительное, даже уверенное. Я никогда его таким не видел. — Я налажу механизм. Минутное дело.

Когда я смотрел, как Тайсон спускается в люк вслед за дымящимся матросом, меня охватило ужасное чувство. Я хотел броситься за ним, но корабль качнуло — и тут я увидел Харибду.

Она появилась впереди, в водовороте тумана, дыма и воды, до нее

было несколько сотен ярдов. Первым делом я заметил риф — утес из черного коралла с прилепившимся к вершине фиговым деревцем, до жути мирная вещь посреди водоворота. Вода вокруг свивалась воронкой, как свет вокруг черной дыры. Затем я увидел нечто ужасное, прикрепленное к рифу у самой воды, — огромную пасть с осклизлыми губами и поросшими мхом зубами размером с весельную шляпку. И что хуже всего, на зубах этих стояли коронки и скрепы — полосы проржавевшего, покрытого пеной металла, между которыми застряли куски рыбы, обломков дерева и всякого плавучего мусора.

«Ротик» Харибды представлял собой кошмар ортодонта. Это была огромная черная пасть с кривыми зубами и неправильным прикусом, поскольку на протяжении веков Харибда только и делала, что насыщала утробу, пренебрегая чисткой зубов после еды. Целое море вливалось в эту воронку — акулы, стаи рыб, гигантские осьминоги. И я понял, что через несколько секунд придет очередь «Бирмингема».

— Госпожа Кларисса, — крикнул капитан. — Орудия по правому борту и носовые пушки готовы!

— Огонь! — приказала Кларисса.

Всего по пасти чудовища было произведено три залпа. Один снаряд рикошетом отлетел от края переднего зуба. Другой исчез в утробе твари. Третий угодил в одну из скреп на зубах Харибды и, отскочив от нее, снес флаг Ареса.

— Заряжай! — вновь отдала приказ Кларисса.

Канониры перезарядили пушки, но я понимал, что это бесполезно. Чтобы причинить хоть какой-нибудь реальный вред этому страшилищу, мы должны бомбить его во сто крат интенсивнее, а времени на это нет. Нас втягивало слишком быстро.

Затем вибрация палубы как-то изменилась. Гудение двигателя стало мощнее и ровнее. Корпус корабля задрожал, и мы стали понемногу отходить от всепожирающей пасти.

— У Тайсона получилось! — воскликнула Аннабет.

— Подождите! — закричала Кларисса. — Нам надо держаться ближе к ней!

— Мы погибнем! — возразил я. — Нужно поскорее сматываться.

Я крепко держался за поручень, пока корабль боролся с засасывающим его водоворотом. Разодранный флаг Ареса зацепился за коронку Харибды. Мы не особенно преуспели, но, по крайней мере, держались на плаву. Тайсон каким-то образом придал двигателю дополнительные силы, которые удерживали корабль, чтобы его не засосало.

Внезапно пасть захлопнулась. На море наступил абсолютный штиль. Воды сомкнулись над Харибдой.

Затем, так же внезапно, пасть разверзлась, исторгнув стену воды и извергнув из себя все несъедобное, включая одно из наших ядер, которое тяжело ударилось о борт «Бирмингема», звякнув, как карнавальный колокольчик.

Нас отбросило волной высотой не менее сорока футов. Я использовал всю силу воли, чтобы не дать кораблю опрокинуться, но нас по-прежнему бесконтрольно крутило и стремительно несло к скале по другую сторону пролива.

Из трюма выбежал еще один дымящийся матрос. Он врезался в Клариссу, и оба едва не вылетели за борт.

— Двигатель вот-вот взлетит на воздух!

— Где Тайсон? — командирским голосом спросил я.

— Все еще там, внизу, — выдохнул матрос. — Как-то управляет машиной, но не знаю, надолго ли его хватит.

— Мы должны покинуть судно, — сказал капитан.

— Нет! — пронзительно завопила Кларисса.

— У нас нет выбора, госпожа. Корпус уже трещит по швам! Корабль не может...

Он так никогда и не закончил свою фразу. Что-то буро-зеленое с быстротой молнии низвергнулось с небес, подхватило капитана и унесло его ввысь. От него остались одни кожаные ботинки.

— Сцилла! — заорал матрос, когда другая колоннообразная шея рептилии, свесившись со скалы, схватила и его.

Все это происходило так быстро, что напоминало скорее лазерный луч, чем движения монстра. Я не успел даже разглядеть морду этой твари, мелькнули только клыки и чешуя.

Обнажив Анаклузмос, я постарался отсечь голову чудовища, когда оно схватило очередного палубного матроса, но не успел.

— Все вниз! — громко скомандовал я.

— Мы не можем! — Кларисса обнажила свой меч. — Нижняя палуба горит.

— Спасательные шлюпки! — воскликнула Аннабет. — Быстрее!

— Они никогда не отойдут от этих скал, — отозвалась Кларисса. — Нас всех сожрут.

— Надо попытаться. Перси, термос!

— Я не могу бросить Тайсона!

— Мы должны подготовить шлюпки!

Кларисса подчинилась команде Аннабет. Она и еще несколько матросов сняли чехол с одной из двух весельных шлюпок, пока головы Сциллы так и мелькали в воздухе, как зубастый метеоритный дождь, хватая одного конфедерата за другим.

— Готовьте вторую шлюпку. — Я бросил Аннабет термос. — Я приведу Тайсона.

— Ты не сможешь! — крикнула она в ответ. — Погибнешь от жара!

Я не стал ее слушать. Я бежал к люку бойлерной, когда внезапно ноги мои оторвались от палубы. Я летел прямо вверх, ветер свистел в ушах, кромка скалы скользнула в нескольких дюймах от моего лица.

Сцилла ухитрилась-таки ухватить меня за заплечный мешок и волокла теперь в свое логово. Я, не задумываясь, выхватил меч и вонзил в желтую бусинку глаза твари. Она зарычала и выпустила меня.

Само по себе падение с высоты достаточно неприятно, особенно учитывая то, что я находился на высоте, равной сотне футов. Но пока я летел, корабль армии конфедератов «Бирмингем» взорвался прямо подо мной.

БУ-У-УМ!!!

Машинное отделение взлетело на воздух, куски стальной обшивки разлетелись во все стороны яростно свистящим роем.

— Тайсон! — завопил я.

Спасательные шлюпки отошли от корабля, но недостаточно далеко. Пылающие обломки дождем сыпались с неба. Кларисса и Аннабет либо погибли под ними, либо сгорят, либо их утянет на дно водоворот, образовавшийся вокруг тонущего судна, и это в том случае, если им удалось избежать зубов Сциллы.

Затем я услышал взрыв иного рода — то был волшебный термос Гермеса, крышка которого еще чуть-чуть приоткрылась. Белые струи ветра ринулись по всем направлениям, раскидав в стороны спасательные шлюпки. Они прервали мое свободное падение, вихрем пронеся меня над океаном.

Я ничего не видел. Меня закрутило в воздухе, стукнуло по голове чем-то твердым и наконец швырнуло в воду с такой силой, что, не будь я сыном бога морей, я переломал бы себе все кости.

Последнее, что помню, — это то, как я погружаюсь в горящее море, сознавая, что Тайсон безвозвратно исчез, и желая лишь утонуть.

Глава двенадцатая

Мы записываемся в спра-салон мадам Ц

Я очнулся в весельной шлюпке с самодельным парусом, сшитым на живую нитку из обрывков серой униформы. Аннабет сидела рядом, лавируя по ветру.

Попытавшись сесть, я моментально почувствовал дурноту.

— Отдохни, — сказала Аннабет. — Тебе это необходимо.

— Тайсон?..

Она покачала головой.

— Перси, мне искренне жаль.

Мы помолчали, лодку раскачивало на волнах вверх-вниз, вверх-вниз...

— Он мог и выжить, — нерешительно произнесла Аннабет. — Я хочу сказать, что огонь не мог убить его.

Я кивнул, хотя надеяться на лучшее наверняка не стоило. Я собственными глазами видел, как взрыв распорол толстую сталь корабельной обшивки. Если Тайсон все еще оставался в бойлерной, выжить он не мог.

Он отдал свою жизнь за нас, и все, о чем я мог думать, — были времена, когда я стеснялся его и отрицал, что мы родственники.

Волны монотонно плескали о борт лодки. Аннабет показала мне несколько вещей, которые ей удалось спасти: термос Гермеса (ныне пустой), мешочек на молнии, полный амброзии, пару матросских рубах и бутылку «Доктора Пеппера». Она выловила меня из воды вместе с половинкой заплечного мешка, надвое распоротого клыками Сциллы. Большинство моих вещичек уплыло, но Гермесов пузырек с витаминами сохранился и мой меч, конечно, тоже. Сколько бы я ни терял ее, шариковая ручка, по моему желанию превращавшаяся в Анаклузмос, вновь оказывалась у меня в кармане.

Мы плыли долго. Часы шли за часами. Теперь, когда мы оказались в Море чудовищ, вода еще сильнее отливала зеленым, словно кислота Гидры. Ветер был соленым и свежим, но в нем появился странный металлический запах — будто надвигался шторм. Или что-то еще более опасное. Я знал, куда держать курс. Я знал, что мы ровно в ста тринадцати морских милях к северо-западу от места назначения. Но чувство утраты и поражения не становилось от этого слабее.

Куда бы мы ни повернули, солнце, казалось, светит мне прямо в глаза.

Мы лавировали, по глоточку отхлебывая «Доктор Пеппер», и, как могли, укрывались от солнца парусом. Поговорили мы и о моем последнем сне.

Аннабет прикинула в уме и сказала, что у нас меньше суток, чтобы найти сатира, если мой сон был точен и если Полифем не передумает и не попробует жениться на Гроувере раньше.

— Да, — с горечью произнес я. — Циклопам доверять нельзя.

— Прости, Перси. — Аннабет уставилась на воду. — Я ошибалась насчет Тайсона. Хотелось бы самой сказать ему об этом.

Я не мог на нее сердиться. Слишком долго мы пробыли вместе. И она не раз спасала мне жизнь. Глупо было бы упрекать ее в чем-то.

Я посмотрел на наши жалкие пожитки — пустой термос ветров, пузырек с витаминами... Мне припомнилась ярость Луки, когда я пытался заговорить с ним об отце.

— Аннабет, в чем состояло пророчество Хирона?

— Перси, я не должна... — Она поджала губы.

— Знаю, Хирон обещал богам, что не расскажет мне. Но ты... ведь ты ничего не обещала?

— Знание не всегда идет тебе на пользу.

— Твоя мама — богиня знаний и мудрости!

— Да, конечно. Но каждый раз, когда герои узнают свое будущее, они пытаются изменить его, и из этого ничего не выходит.

— Боги беспокоятся о том, что я сделаю, когда стану старше, — догадался я. — Когда мне перевалит за шестнадцать.

Аннабет вертела в руках бейсболку.

— Перси, я не знаю всего пророчества от начала до конца, но оно предупреждает о полукровке, ребенке одного из Большой тройки — ближайшем, кто доживет до шестнадцати. Вот подлинная причина, почему Зевс, Посейдон и Аид после Второй мировой войны поклялись больше не заводить детей. Следующий ребенок кого-то из Большой тройки, который доживет до шестнадцати, будет опасным оружием.

— Почему?

— Потому что этому герою предстоит решать судьбу Олимпа. Он или она примет решение, которое либо сохранит век богов, либо уничтожит его.

Я принял это к сведению. Не похоже, чтобы меня укачало, но внезапно мне стало нехорошо.

— Вот почему Кронос не убил меня прошлым летом.

— Ты мог бы быть очень полезен ему, — кивнула Аннабет. — Если бы он переманил тебя на свою сторону, у богов возникли бы серьезные неприятности.

— Но это если пророчество обо мне?

— Мы знаем только, что тебе нужно прожить еще три года. Это большой срок для полукровки. Когда Хирон впервые узнал о существовании Талии, то предположил, что пророчество о ней. Вот почему он так отчаянно хотел, чтобы она целой и невредимой добралась до лагеря. Затем она пала в борьбе и превратилась в сосну... никто из нас не знал, что и думать. Пока не появился ты.

По правому борту из воды вынырнул заостренный зеленый спинной плавник длиной футов пятнадцать и тут же скрылся.

— Этот ребенок из пророчества... он или она случайно не может оказаться циклопом? — спросил я. — У Большой тройки много детей-чудовищ.

Аннабет покачала головой.

— Оракул сказал «полукровка». Это всегда означает получеловек-полубог. И действительно, нет никого, о ком могла бы идти речь, кроме тебя.

— Тогда почему боги не умертвили меня? Было бы безопаснее меня убить.

— Ты прав.

— Большое спасибо!

— Я не знаю, Перси. Догадываюсь, что кое-кто из богов хотел бы убить тебя, но, возможно, они боятся оскорбить Посейдона. Другие боги... может быть, они до сих пор наблюдают за тобой, стараясь решить, каким героем ты будешь. В конце концов, ты можешь стать орудием их выживания. Вопрос, по существу, стоит так: что ты будешь делать следующие три года? Какое решение ты примешь?

— В пророчестве нет никаких намеков?

Вид у Аннабет стал нерешительный. Может, она и сказала бы больше, но в ту же минуту, словно возникнув ниоткуда, на верхушку нашей самодельной мачты опустилась чайка. Аннабет изумилась, когда птица уронила ей на колени маленькую веточку.

— Земля, — прошептала она. — Где-то поблизости земля!

Я привстал. Да, сомневаться не приходилось: вдали протянулась синяя с бурым полоска. Через минуту я уже мог различить остров с невысокой горой в середине, ослепительно белыми домами, пляжем, испещренным пальмовыми деревьями, и пристанью, у которой скопилось множество самых странных и разнообразных судов.

Течение несло нашу лодку прямо к этому тропическому раю.

— Добро пожаловать! — сказала женщина, державшая в руках пюпитр с зажимом для бумаг.

Она напоминала стюардессу: синий деловой костюм, безупречный макияж, волосы, собранные хвостиком. Женщина пожала нам руки, и мы вступили на причал. По ослепительной улыбке, которой она одарила нас, можно было бы подумать, что мы сошли с «Принцессы Андромеды», а не с потрепанной шлюпки.

И опять-таки наша лодка была не самой чудной в коллекции плавсредств, собравшихся в порту. Рядом со стайкой увеселительных яхт расположилась американская военная подлодка, несколько выдолбленных из стволов деревьев каноэ и старомодное трехмачтовое парусное судно. Тут же располагалась и вертолетная площадка с вертолетом «Форт Лодердейл», а также — короткая взлетная полоса с «лиарджетом»^[13] и пропеллерным самолетом, похожим на истребитель времен Второй мировой войны. Может, все это были копии, на которые могли поглазеть туристы.

— Вы у нас впервые? — осведомилась дама с пюпитром.

Мы с Аннабет переглянулись.

— Ммм... — сказала Аннабет.

— Впервые... в... SPA-салоне, — проговорила женщина, занося наши слова в медицинскую карту. — Ну-ка, посмотрим... — Она критически оглядела нас с ног до головы. — Так. Растительное обертывание для барышни. И разумеется, полный осмотр молодого человека.

— Что? — переспросил я.

Дама была слишком занята, помечая вопросы, на которые хотела получить ответ.

— Вот так! — сказала она с беззаботной улыбкой. — Что ж, уверена, что мадам Ц. захочет побеседовать с вами до начала луау.^[14] Пойдемте, пожалуйста.

Вот так все и было. Мы с Аннабет привыкли к ловушкам, особенно к тем, которые на первый взгляд выглядят заманчиво. Поэтому я ожидал, что дама с картой в любую минуту превратится в змею или злого духа. Но, с другой стороны, мы плыли на лодке почти весь день. Мне было жарко, я устал и проголодался, и при упоминании о луау мой желудок уселся на задние лапы и завилял хвостом, как собака, просящая подачки.

— Надеюсь, это нам не повредит, — вполголоса пробормотала Аннабет.

Конечно, навредить оно должно было так или иначе, но мы все же последовали за дамой. Я засунул руки в карманы, где хранил свою волшебную защиту — витамины Гермеса и готовую превратиться в меч ручку, — но чем дальше мы углублялись на территорию курорта, тем быстрее я про них забывал.

Место было удивительное. Куда ни посмотри, везде белый мрамор и голубое море. На одном из склонов горы располагались террасы, плавательные бассейны, соединенные водными горками и водопадами, а также трубами, наполненными водой, по которым можно было плавать. Фонтаны пенились брызгами, образуя самые немыслимые фигуры — от летящего орла до лошади, скачущей галопом.

Тайсон любил лошадей, и я знаю, что ему эти фонтаны понравились бы. Я едва не обернулся, чтобы увидеть выражение его лица, прежде чем вспомнил: Тайсона больше нет.

— С тобой все в порядке? — спросила Аннабет. — Ты так побледнел.

— Все прекрасно, — соврал я. — Ладно... пошли.

Мы прошли мимо самых разнообразных прирученных животных. Морская черепаха дремала на стопке пляжных полотенец. Спящий леопард растянулся на трамплине для прыгунов в воду. Гости курорта — насколько я видел, только молодые женщины — полулежали в шезлонгах, потягивая фруктовые коктейли или читая журналы, пока на их лицах сохли растительные маски, а маникюрщицы в белых халатах трудились над их ногтями.

Пока мы поднимались по лестнице к тому, что походило на главное здание, я услышал голос поющей женщины. Он плыл по воздуху и убаюкивал. Слова были не на древнегреческом, хотя почти такие же старинные — может, то был минойский. Я понимал, о чем она поет: о лунном свете в оливковых рощах, о красках восхода. И о волшебстве. О каких-то чарах. Казалось, ее голос помогает мне подниматься по лестнице, влечет меня к ней.

Мы вошли в большую комнату, переднюю стену которой целиком составляли окна. Задняя стена была в зеркалах, так что комната казалась бесконечно растянутой в пространстве. Убранство комнаты было дорогим и роскошным, а на столике в углу стояла большая проволочная клетка для щенков или котят. Клетка казалась тут не совсем на месте, но я не слишком задумался над этим, потому что в этот самый момент увидел женщину, чье пение слышал... ух ты!

Она сидела за ткацким станком размером с крупноформатный телевизор. Ее мелькающие руки с поразительным умением ткали цветное

полотно. Оно мерцало, словно было трехмерным, наподобие водопада, и настолько реальным, что, казалось, я вижу движение воды и облака, плывущие по этой небесной ткани.

У Аннабет перехватило дыхание.

— Как красиво! — сказала она.

Женщина обернулась. Она оказалась даже прекраснее, чем то произведение искусства, которое она ткала. Ее длинные темные волосы были заплетены в косы золотыми нитями. Зеленые глаза глядели пронзительно, а черное шелковое платье украшал рисунок, который, казалось, движется на ткани: тени животных, черные на черном, как олень, бегущий ночью сквозь лес.

— Тебе нравится ткачество, моя милая? — спросила женщина.

— Ода, мэм, — ответила Аннабет. — Моя мама...

Она запнулась. Нельзя же на каждом углу трубить, что твоя мама Афина изобрела ткацкий станок. Большинство сочтет тебя сумасшедшей и запрет в обитой войлоком комнате.

Наша хозяйка только улыбнулась.

— У тебя хороший вкус, милочка. Я так рада, что ты приехала. Меня зовут мадам Ц.

Животные в стоявшей в углу клетке стали повизгивать. Судя по звукам, это были морские свинки.

Мы представились мадам Ц. Она взглянула на меня с легким неодобрением, словно я завалил какой-то экзамен. И мне тут же стало нехорошо. По непонятной причине мне действительно хотелось сделать приятное этой даме.

— Мой дорогой, — вздохнула она, — ты и правда нуждаешься в моей помощи.

— Мэм? — переспросил я.

Мадам Ц. подозвала даму в деловом костюме.

— Хилла, будь так любезна, своди Аннабет на прогулку. Покажи ей все наши достопримечательности. И одежду надо сменить. А волосы, боже мой! Мы проведем развернутую консультацию по имиджу, после того как я поговорю с этим молодым человеком.

— Но... — сказала явно задетая Аннабет, — что такого с моими волосами?

— Ты очень хорошенькая, милочка. Честное слово! — Мадам Ц. благожелательно улыбнулась. — Но ты совсем не хочешь раскрыться, показать свои таланты. Попусту растрачиваешь свой богатейший потенциал!

— Попусту?

— Конечно, ведь ты сейчас несчастлива! Боже мой, да и кто сейчас счастлив. Но не волнуйся. В нашем салоне мы исправляем все. Хилла покажет тебе, что я имею в виду. Ты должна подобрать ключик к своему собственному «я», милочка!

У Аннабет загорелись глаза. Я никогда не видел, чтобы она не находила что ответить.

— Но... как же Перси?

— Разумеется, — сказала мадам Ц., печально на меня глядя. — Перси требуется мое личное внимание. Над ним нужно гораздо больше потрудиться, чем над тобой.

Обычно, если кто говорил мне такое, я начинал злиться, но, когда это сказала мадам Ц., мне стало грустно. Я разочаровал ее. Надо было придумать, как исправить положение.

Морские свинки распищались так, словно они проголодались.

— Что ж... — пробормотала Аннабет. — Я полагаю...

— Сюда, дорогая, — сказала Хилла.

И Аннабет позволила увести себя в водопадное кружево садов SPA-салона.

Мадам Ц. взяла меня за руку и подвела к зеркальной стене.

— Видишь ли, Перси... чтобы подобрать ключик к твоему потенциалу, тебе потребуется серьезная помощь. Первый шаг — удостовериться, что ты несчастлив.

Перед зеркалом я беспокойно завертелся. Противно было думать о своей внешности, начиная от первого прыща, который вскочил у меня на носу в начале учебного года, и кончая тем, что два передних зуба у меня неровные, а волосы вечно всклокочены.

На эти мысли меня навел голос мадам Ц., которая словно бы разглядывала меня под микроскопом. Да и с одеждой у меня непорядок. Я это знал.

«Кому какая разница?» — мелькнуло у меня в голове.

Но, стоя перед зеркалом мадам Ц., трудно было увидеть в себе что-нибудь хорошее.

— Да, да, — утешающе произнесла мадам Ц. — А не попробовать ли нам... это?

Она щелкнула пальцами, и на зеркало опустилось лазурное покрывало. Оно мерцало и поблескивало, как ткань на ее станке.

— Что ты видишь? — спросила мадам Ц.

Я посмотрел на голубой лоскут, не совсем понимая, что она имеет в

виду.

— Я не...

Тут покрывало изменило цвет. Я увидел себя — нет, не отражение. На лоскуте ткани мерцала улучшенная версия Перси Джексона — в приличном костюме, с уверенной улыбкой на лице. Во рту сиял ровный ряд зубов. Никаких прыщиков. Безупречный загар. Атлетическое телосложение. Может, даже на пару дюймов повыше. Это был я, только в усовершенствованном варианте.

— Ух ты! — Я не удержался от восхищенного возгласа.

— Так нравится? — спросила мадам Ц. — Или попробовать иначе?..

— Нет, — сказал я. — Это... это замечательно. Вы действительно можете?..

— Я могу тебя целиком переделать, — пообещала мадам Ц.

— Но как этого добиться? — спросил я. — Мне что... придется сидеть на специальной диете?

— Ах, это так просто, — улыбнулась мадам Ц. — Побольше свежих фруктов, легкая гимнастика и, конечно, это...

Она отошла к бару и налила стакан воды. Затем надорвала пакетике какой-то смесью и высыпала в стакан красный порошок. Напиток засветился. Когда свечение прекратилось, питье стало похоже на молочно-клубничный коктейль.

— Вместо обыкновенной еды принимай это, — сказала мадам Ц. — Результаты гарантирую в самое ближайшее время.

— Но как же это возможно?

Она рассмеялась.

— К чему об этом спрашивать? Я спрашиваю тебя: хочешь ли ты стать совершенным прямо сейчас?

Какая-то мысль шевельнулась в самой глубине моей памяти.

— Скажите, почему в вашем салоне нет ни одного парня?

— Есть, конечно есть, — заверила меня мадам Ц. — Ты встретишься с ними очень скоро. Просто попробуй смесь. Сам увидишь.

Я посмотрел на лазурное полотно, отражающее меня и в то же время кого-то другого.

— Ну же, Перси, — с упреком произнесла мадам Ц. — Самая трудная часть процесса преобразования — полное подчинение. Ты должен решить: хочешь ли ты довериться своему суждению о том, каким тебе быть, или же моему?

У меня пересохло в горле.

— Вашему суждению, — услышал я себя как бы со стороны.

Мадам Ц. улыбнулась и подала мне стакан. Я поднес его к губам.

На вкус он был такой же, как с виду: напоминал молочно-клубничный коктейль. Почти сразу внутренности мои ощутили разливающуюся по ним теплоту: сначала приятную, затем болезненную, наконец обжигающую, как будто смесь закипела внутри.

Я согнулся пополам и выронил стакан.

— Что вы?.. Что происходит?

— Не волнуйся, Перси, — сказала мадам Ц. — Боль пройдет. Посмотри! Как я и обещала. Моментальный результат.

Происходило что-то страшное.

Занавеска спала, и в зеркале я увидел, как руки мои съеживаются, сгибаются, как на них отрастают длинные мягкие когти. На лице, под рубашкой, во всех самых неудобных местах, какие только можно себе представить, появился мех. Зубы тяжело давили на челюсть. Одежда вдруг стала мне велика, или мадам Ц. делалась все выше и выше... нет, просто я съеживался!

На одно ужасное мгновение я провалился в пещеру под темным полотном. Меня погребла моя собственная рубашка. Я попытался сбежать, но чьи-то руки схватили меня — руки размером с меня самого. Я попытался закричать, позвать на помощь, но единственным звуком, который мне удавалось издать, было слабое попискивание.

Крепкие руки обхватили меня за брюхо и подняли в воздух. Я попытался вырваться, размахивая своими коротенькими и щетинистыми лапками, но затем с ужасом увидел огромное лицо мадам Ц.

— Прелестно! — прогрохотал ее голос. Я пронзительно и тревожно запищал, но она только еще теснее сжала свою руку вокруг моего пушистого брюшка. — Видишь, Перси? Ты подобрал ключик к собственному «я»!

Она поднесла меня к зеркалу, и то, что я увидел, вновь заставило меня запищать от ужаса. В зеркале я увидел прекрасную и улыбающуюся мадам Ц., которая держала в руках пушистую зверушку с выдающимися вперед резцами, крохотными коготками и бело-рыжим мехом. Я стал извиваться, мое уродливое пушистое подобие в точности повторяло мои движения в зеркале. Я стал... я превратился...

— В морскую свинку, — подсказала мадам Ц. — Симпатичная, правда? Все мужчины свиньи, Перси Джексон. Я пыталась превращать их в настоящих свиней, но от них так воняло, они были такие большие, и содержать их слишком обременительно. Словом, они не отличались от того, чем были прежде. Морские свинки куда более удобны! Теперь иди

познакомься с другими мужчинами.

Я протестующе запищал, пытаюсь оцарапать мадам Ц., но она сжала меня так крепко, что я едва не потерял сознание.

— Нет, нет, малыш, — пожурила она меня, — веди себя хорошо, не то скормлю совам. Ступай в клетку как примерное маленькое существо. Завтра, если будешь себя хорошо вести, отправишься в путь. Всегда найдется кабинет зоологии, где нужна морская свинка.

Моя мысль билась так же быстро и неистово, как мое сердчишко. Мне надо было добраться до своей одежды, которая грудой валялась на полу. Если мне это удастся, я вытащу из кармана свой волшебный меч и... И что? Я не смогу даже снять колпачок. Если даже мне это удастся, я не смогу удержать меч.

Я беспомощно пищал, пока мадам Ц. несла меня к клетке и открывала проволочную дверцу.

— У этих экземпляров проблемы с дисциплиной, Перси, — предупредила она. — Они никогда не станут прилежными питомцами кабинета зоологии, но они могут привить тебе кое-какие манеры. Большинство живет в этой клетке по триста лет. Если не хочешь оставаться с ними постоянно, я могла бы предложить тебе...

— Мадам Ц.? — позвал ее голос Аннабет.

Мадам выругалась на древнегреческом. Закинув меня в клетку, она заперла дверцу. Я пищал и царапал прутья, но все без толку. Я видел, как мадам Ц. торопливо закинула мою одежду под ткацкий станок как раз в тот момент, когда в комнату вошла Аннабет.

Я едва узнал ее. На ней было шелковое платье без рукавов — такое же, как на мадам Ц., только белое. Ее светлые кудри только что вымыли, расчесали и переплели золотыми нитями. Хуже всего, что на лицо ей наложили грим, который, как я всегда считал, Аннабет терпеть не могла. В общем, я хочу сказать, что выглядела она хорошо. Правда. Я, наверное, онемел бы от неожиданности, если бы увидел ее такой и не смог издать ничего, кроме писка. Но в то же время с ней произошло что-то совершенно невероятное. Попросту говоря, это была не Аннабет.

Она оглядела комнату и нахмурилась.

— А где Перси?

Я запищал что было мочи, но она, похоже, даже не услышала меня.

Мадам Ц. улыбнулась.

— Он проходит одну из наших процедур, милочка. Не волнуйся. Ты выглядишь восхитительно! Каковы твои впечатления?

У Аннабет загорелись глаза.

— Ваша библиотека — просто чудо!

— Да, могу признать это без ложной скромности, — довольно произнесла мадам Ц. — Лучшие знания, отобранные за минувшие три тысячелетия. Там есть все, что ты хотела бы узнать, все необходимое, чтобы стать тем, кем ты хочешь, милочка.

— Допустим, архитектором.

— О! — сказала мадам Ц. — У тебя, милочка, все задатки, чтобы стать волшебницей. Как я.

— Волшебницей? — Аннабет отступила на шаг.

— Да, милочка. — Мадам Ц. подняла руку. На ладони у нее появилось пламя, язычки которого плясали на кончиках пальцев. — Моя мать — Геката, богиня волшебства. Я узнала дочь Афины, как только увидела ее. Мы не такие уж разные, ты и я. Мы обе стремимся к знанию. Нас обеих восхищает величие. Никому из нас не подобает оставаться в тени мужчин.

— Я... я не понимаю.

Я снова заверещал изо всех сил, стараясь привлечь внимание Аннабет, но то ли она не слышала меня, то ли не придавала этим звукам никакого значения. Между тем другие свинки стали вылезать из своих норок, чтобы поближе познакомиться с новым жильцом. Никогда не думал, что морские свинки могут выглядеть так злобно, однако эти — выглядели. Их было с полдюжины, с грязной шерстью, треснувшими зубами и налитыми кровью глазами-бусинками. Они были все в стружках и пахли так, словно действительно провели здесь триста лет, а клетку ни разу не чистили.

— Останься со мной, — меж тем говорила Аннабет мадам Ц. — Учись у меня. Ты можешь присоединиться к нашему персоналу, стать волшебницей, научиться подчинять других своей воле. Ты станешь бессмертной!

— Но...

— Ты слишком умная, милочка, — настаивала мадам Ц. — И при твоём уме так полагаться на этот дурацкий лагерь для героев. Скольких великих женщин-полукровок ты могла бы назвать?

— Ну, Аталанта, Амелия Эрхарт...^[15]

— Вот видишь. Вся слава досталась мужчинам. — Мадам Ц. сжала кулак, и магическое пламя погасло. — Единственный путь к могуществу для женщины — стать волшебницей. Медея, Калипсо — вот были могущественные женщины! И конечно я. Величайшая из всех.

— Так, выходит, вы... мадам Ц... Цирцея!

— Да, милочка.

Аннабет попятилась, а Цирцея рассмеялась.

— Да не беспокойся ты. Я не причиню тебе вреда.

— Что вы сделали с Перси?

— Всего лишь помогла обрести ему подлинную форму.

Аннабет оглядела комнату. Наконец заметила клетку и меня, царапающего прутья; все остальные свинки столпились вокруг. Глаза ее широко распахнулись.

— Забудь о нем, — сказала Цирцея. — Присоединяйся ко мне, и будем вместе постигать таинства волшебства.

— Но...

— О твоём друге будут хорошо заботиться. Он отправится на корабле в чудесный новый дом на материке. Воспитанники детских садов будут обожать его. А ты тем временем станешь мудрой и могущественной. И всегда будешь иметь то, что пожелаешь.

Аннабет по-прежнему в упор смотрела на меня, но на лице ее появилось мечтательное, полусонное выражение. Она выглядела точь-в-точь как я, когда Цирцея силой своего волшебства заставила меня выпить коктейль «морская свинка». Я пищал и скребся, стараясь вывести ее из зачарованной спячки, но был абсолютно бессилён.

— Дайте мне подумать, — пробормотала Аннабет. — Просто... оставьте меня на минутку одну. Я хочу попрощаться.

— Конечно, милочка, — проворковала Цирцея. — Одну минутку... а для полного уединения...

Она взмахнула рукой, и железные решетки тяжело опустились на окна. Цирцея выскользнула из комнаты, и я услышал звук запираемого замка.

Сонное выражение мгновенно исчезло с лица Аннабет.

Она бросилась к клетке.

— Ладно, кто же из них — ты?

Я запищал, но запищали и все остальные товарищи по несчастью. Аннабет пришла в отчаяние. Она оглядела комнату и заметила отвороты моих джинсов, торчащие из-под ткацкого станка.

В ее глазах мелькнула какая-то мысль.

Подбежав, она стала рыться в моих карманах.

Но вместо того чтобы достать волшебный меч, Аннабет вытащила пузырек с витаминами Гермеса и торопливо сорвала с него крышку.

Мне хотелось завопить, что сейчас не время укреплять здоровье! Она должна достать меч!

Аннабет сунула в рот лимонную таблетку как раз в тот момент, когда дверь распахнулась и вновь вошла Цирцея, по бокам шагали ее помощницы

в деловых костюмах.

— Да, — вздохнула Цирцея, — как быстро летят минуты. Каков же будет твой ответ, милочка?

— Вот какой! — сказала Аннабет, вытаскивая бронзовый нож.

Волшебница удивленно отступила, но быстро взяла себя в руки. Усмехнулась.

— Ну, посуди сама, девочка, нож против моих чар? Разве это мудрое решение?

Цирцея улыбнулась своим помощницам, которые ответили ей такой же снисходительной улыбкой. Они вскинули руки, словно готовясь произнести заклинание.

«Беги!» — хотел было выкрикнуть я, но лишь запищал, как грызун.

Остальные свинки, визжа от ужаса, разбежались по клетке. Я тоже едва не впал в панику и не спрятался, но надо было что-то придумать! Я не вынесу, если потеряю Аннабет, как потерял Тайсона.

— А в кого же нам превратить Аннабет? — промурлыкала Цирцея. — Во что-нибудь маленькое и злобное. А, знаю... в землеройку!

Синие языки пламени вылетели из ее пальцев, как змеи обвившись вокруг Аннабет.

Я в ужасе смотрел на происходящее, но ничего не случилось. Аннабет осталась собой, только гнев ее разгорелся. Она прыгнула вперед и приставила острие ножа к шее Цирцеи.

— А может, лучше превратить меня в пантеру, которая может одним когтем перерезать тебе глотку?!

— Как? — взвизгнула Цирцея.

Аннабет показала ей пузырек с волшебными витаминами.

— Будь проклят этот Гермес со своими витаминами! — взвыла Цирцея. — Сплошное надувательство. Они ничем тебе не помогут.

— Преврати Перси обратно в человека! — велела Аннабет.

— Не могу!

— Значит, сама напросилась!

Помощницы Цирцеи шагнули вперед, но их госпожа сказала:

— Назад! Она неподвластна волшебству, пока этот чертов витамин окончательно не усвоится ее организмом.

Аннабет подтащила Цирцею к клетке со свинками, сбила верхнюю крышку и высыпала остальные витамины внутрь.

— Нет! — возопила Цирцея.

Я первый схватил таблетку, но все остальные свинки тоже высыпали наружу, чтобы отвесть новой еды.

Откусив первый кусочек, я почувствовал, что разъярен до крайности. Я вгрызлся в таблетку, пока она не перестала казаться такой огромной, а клетка становилась все меньше, и вдруг — бум! Клетка взорвалась. Я сидел на полу, вновь в человеческом обличье — слава богам, в своей обычной одежде, — а вокруг валялись в самых разных позах еще шестеро парней, которые выглядели совершенно растерянными, они моргали и вытряхивали стружку из волос.

— Нет! — пронзительно завизжала Цирцея. — Ты не понимаешь! Это же самые худшие!

Кто-то из мужчин встал — это был здоровяк со спутанной, черной как смоль бородой и такого же цвета зубами. Одет он был пестро, в шерсть и кожу, в сапоги с голенищем до колена и в потертую фетровую шляпу. Другие мужчины носили одежду попроще — бриджи и перепачканные белые рубашки. Обувь у них отсутствовала.

— Ррррр! — взревел самый здоровый. — Что эта ведьма со мной сделала?!

— Нет! — простонала Цирцея.

Аннабет глубоко вздохнула.

— Я тебя знаю! Ты — Эдвард Тич, сын Ареса?

— Да, девочка, — прорычал верзила. — Правда, большинство зовут меня Черной Бородой!^[16] Вот она, колдунья, которая держала нас взаперти, парни. Отделайте-ка ее хорошенько, а потом принесите мне пучок сельдерея, да побольше! Рррррррр!

Цирцея завопила. Она и ее помощницы бросились вон из комнаты, преследуемые пиратами.

Аннабет вложила нож в ножны и бросила на меня испепеляющий взгляд.

— С-спа-сибо... — запинаясь, пробормотал я. — Мне действительно жаль...

Прежде чем я успел придумать, как извиниться за то, что я был таким идиотом, она крепко-крепко прижала меня к груди и так же быстро оттолкнула.

— Рада, что ты больше не морская свинка.

— Я тоже. — Надеюсь, лицо у меня было не таким пунцовым, как мне казалось.

Аннабет расплетала волосы, выбрасывая из них золотые нити.

— Ну, давай, рыбы мозги, пошевеливайся, — сказала она. — Надо сматываться, пока Цирцее не до нас.

Мы стремительно сбежали по холму мимо террас, мимо пронзительно

вопивших служительниц курорта и пиратов, громивших SPA-салон. Люди Черной Бороды переворачивали жаровни для луау, бросали в бассейн листовенные полотнища для обертывания и пинками опрокидывали столы с полотенцами для сауны.

Я едва не пожалел, что выпустил на волю непредсказуемых пиратов, хотя подспудно подозревал, что они заслуживают возможности порезвиться, просидев триста лет в клетке.

— Какой корабль возьмем? — спросила Аннабет, когда мы добрались до пристани.

Я в растерянности оглянулся. Вряд ли имело смысл вновь садиться в нашу лодку. Надо поскорее убираться с острова, но чем еще мы могли воспользоваться? Подлодкой? Реактивным истребителем? Я не умел управлять ни одной из этих штук. И тут я увидел его.

— Вон тот, — ответил я.

— Но... — Аннабет заморгала.

— Я умею на нем плавать.

— Как?

Объяснить я был не в силах. Просто знал, что старый парусник устраивает меня больше всего. Схватив Аннабет за руку, я потянул ее к трехмачтовому кораблю. На носу его было начертано название: «Месть королевы Анны».

— Рrrrrr! — завопил Черная Борода где-то сзади. — Эти прохиндеи собираются захватить мое судно. Ловите их, парни!

— Нам ни за что не успеть! — крикнула Аннабет, когда мы поднимались на борт.

Я оглядел безнадежную путаницу парусов и канатов. Корабль был в прекрасном состоянии для судна, которое простояло на якоре триста лет, но все равно команде из пятидесяти человек понадобилось бы несколько часов, чтобы подготовить его к плаванию. У нас этих нескольких часов не было. Я видел, как пираты сбегают по лестнице, размахивая факелами и пучками сельдерея.

Я закрыл глаза и сосредоточился на волнах, плещущих о борт корабля, на океанских течениях, на направлении ветров. Внезапно в голове у меня вспыхнуло правильное слово.

— Бизань-мачта! — пронзительно вскрикнул я.

Аннабет посмотрела на меня так, словно я свихнулся, но уже через несколько секунд воздух заполнили свист туго натягиваемых канатов, шелест разворачивающихся парусов и скрип деревянных блоков.

Аннабет нырнула под трос, который пролетел у нее над головой и

накрутился на бушприт.

— Перси, как...

Я не знал, что ответить, но чувствовал, что корабль слушается меня, как часть моего тела. Усилием воли я заставлял паруса подниматься, и это было так же просто, как согнуть руку. Я приказывал рулю поворачиваться в нужную сторону.

«Месть королевы Анны» тяжело отвалила от пристани, и, когда пираты добрались до места стоянки своего корабля, мы были уже в пути, держа курс на Море чудовищ.

Глава тринадцатая

Аннабет пытается уплыть домой

Наконец-то я нашел что-то, в чем был действительно хорош!

«Месть королевы Анны» повиновалась всем моим командам. Я знал, какие канаты натягивать, какие паруса поднимать, куда держать курс. По моим расчетам, мы бороздили волны со скоростью в десять узлов. Я даже понимал, насколько это быстро. Для парусника — чертовски быстро.

Все казалось лучше некуда — дующий в лицо ветер, нос корабля, рассекающий волны.

Теперь, когда мы были вне опасности, я мог предаваться мыслям о том, как я скучаю по Тайсону и как тревожусь за Гроувера.

У меня в голове не уместилось, как я мог вытворить такое на острове Цирцеи. Если бы не Аннабет, я так и остался бы грызуном, сидящим в клетке в компании мохнатых пиратов. Я думал о словах Цирцеи там, у зеркала: «Видишь, Перси? Ты подобрал ключик к собственному "я"».

Я до сих пор чувствовал, будто во мне что-то изменилось. Не потому, что у меня появилось внезапное желание поглощать салат и сельдерей. Я стал нервным и часто вздрагивал, словно инстинкты напуганного зверька стали частью меня. А может, так всегда и было. Вот что беспокоило меня на самом деле.

Мы плыли сквозь ночь.

Аннабет старалась помогать мне вести наблюдения, но плавание на паруснике шло вразрез с ее натурой. Через несколько часов килевой качки лицо ее стало пепельно-бледным, и она спустилась вниз — полежать в подвесной койке.

Я следил за горизонтом. Мне не раз удавалось заметить чудовищ. То и дело ввысь, к залитому лунным светом небу, устремлялись фонтаны воды высотой с небоскреб, выступающие над поверхностью зеленоватые хребты длиной футов сто, явно принадлежащие рептилиям, скользили по волнам друг за другом. Но мне не хотелось знать, что это такое.

Однажды я увидел nereid — светящихся женщин, духов моря. Я помахал им в надежде привлечь их внимание, но они скрылись в глубине, оставив меня гадать, заметили они меня или нет.

Где-то после полуночи на палубе появилась Аннабет. Мы как раз проплывали остров с курящимся вулканом. Вода вдоль берега пузырилась, и от нее шел пар.

— Одна из кузниц Гефеста, — сказала Аннабет. — Здесь он выковывает своих металлических монстров.

— Вроде бронзовых быков?

Она кивнула.

— Обойди его. Как можно дальше.

Мне не надо было повторять дважды. Мы плавно обогнули остров, и скоро он превратился в пятнышко красной дымки позади.

— Почему ты так сильно ненавидишь циклопов? — спросил я, посмотрев на Аннабет. — И как на самом деле погибла Талия? Что произошло?

В темноте нельзя было разглядеть выражение ее лица.

— Полагаю, ты заслуживаешь того, чтобы узнать это, — сказала она наконец. — В ту ночь, когда Гроувер вел нас в лагерь, он несколько раз свернул не туда и заплутал. Помнишь, он как-то рассказывал? — Я кивнул. — Так вот, самое худшее было то, что мы оказались в логове циклопа в Бруклине.

— А что, циклопы живут даже в Бруклине? — спросил я.

— Ты даже не представляешь, сколько их, но не в том суть. Этот циклоп перехитрил нас. Запутал в лабиринте коридоров старого дома во Флэт-буше. И он мог подражать любому голосу, Перси. Точь-в-точь как Тайсон на борту «Принцессы Андромеды». Он заманивал нас, по одному. Талия думала, что бежит спасать Луку. Лука думал, что слышит мои вопли о помощи. А я... я осталась одна в темноте. Мне было семь лет. Я даже не могла найти выход.

Аннабет откинула волосы с лица.

— Помню, мне удалось отыскать большую комнату. По всему полу валялись кости. И там же находились Талия, Лука и Гроувер, они были связаны, с кляпами во рту и свисали с потолка как копченые окорока. Циклоп разводил костер на полу посреди комнаты. Я вытащила нож, но он учуял мое присутствие. И с улыбкой повернулся ко мне. Он заговорил, и оказалось, что он знает голос моего отца. Не знаю откуда, наверное, он пробрался в мои мысли. «Аннабет, не волнуйся, — сказал он. — Я люблю тебя. Можешь остаться со мной. Навсегда».

Меня пробрала дрожь. То, как Аннабет рассказывала об этом — даже сейчас, шесть лет спустя, — потрясло меня больше, чем любой рассказ о привидениях, который мне доводилось слышать.

— И что же ты сделала?

— Вонзила нож ему в ногу.

— Шутишь? — Я уставился на нее. — Тебе было семь лет, и ты

ударила ножом по ноге взрослого циклопа?

— Он убил бы меня. Но я застала его врасплох. Мне удалось выиграть немного времени — достаточно, чтобы подбежать к Талии и перерезать веревки, которыми были связаны ее руки.

— Да, и все же... ты решилась на такой смелый поступок, Аннабет!

Она покачала головой.

— Мы едва выбрались оттуда живыми. Меня до сих пор мучают кошмары, Перси. Мне снится, что циклоп говорит голосом моего отца. Это он виноват, что мы так задержались на пути в лагерь. Все монстры, которые охотились на нас, успели нас догнать. Вот почему погибла Талия. Если бы не тот циклоп, она сегодня была бы жива.

Мы сидели на палубе, глядя, как на небе появляется созвездие Геракла.

— Пошли вниз, — сказала наконец Аннабет. — Тебе надо немного передохнуть.

Я кивнул. Веки мои отяжелели. Но когда я спустился вниз и нашел подвесную койку, то заснул далеко не сразу. Из головы не шла история Аннабет. И я задумался: будь я на ее месте, хватило ли бы у меня мужества отправиться в этот поиск — прямо в логово очередного циклопа?

* * *

На сей раз Гроувер мне не приснился.

Вместо этого я оказался в роскошной каюте Луки на борту «Принцессы Андромеды». Занавески были раздвинуты. За окном стояла ночь. В воздухе кружили и вились тени. Шепот раздавался вокруг — со мной говорили души умерших.

«Будь начеку, — шептали они. — Кругом ловушки. Хитрость. Обман».

Единственный источник света в каюте — золотой саркофаг Кроноса — слабо поблескивал. Леденящий смех, раздавшийся, казалось, откуда-то из глубины, из-под корабля, заставил меня оцепенеть.

«Тебе не хватает мужества, юнец. Ты не сможешь остановить меня».

Я знал, что надо делать. Надо было открыть гроб.

Я обнажил Анаклузмос.

«Будь начеку!» — Души закружились вокруг меня в неистовой пляске.

Сердце гулко стучало в груди. Я не мог сойти с места, но должен был остановить Кроноса. Я должен был уничтожить то, что лежит в этом ящике.

Затем рядом со мной раздался девичий голос:

— Ну что, рыбы мозги?

Я оглянулся, ожидая увидеть Аннабет, но это была не она. Девушка, одетая под панка, запястья увешаны серебряными цепочками. Черные волосы иголками торчат в разные стороны, сверкающие яростью голубые глаза густо обведены карандашом, нос в веснушках. Она казалась мне знакомой, но я не мог вспомнить откуда.

— Ну? — спросила она. — Мы остановим его или нет?

Я был не в силах ответить. Не мог даже пошевелиться.

— Прекрасно. — Девушка расширила глаза. — Предоставь это мне и Эгиде.

Она легонько стукнула себя по запястью, и серебряные цепочки, становясь более плоскими и разрастаясь, превратились в мощный щит. Он был выкован из бронзы и серебра, и из середины его выступал чудовищный лик Медузы. Щит напоминал посмертную маску, словно металлический слепок с лица Горгоны. Я не знал, так ли это, действительно ли щит способен обратить меня в камень, но на всякий случай отвел взгляд. Уже одна близость его заставила меня похолодеть от страха. У меня возникло чувство, что человек с таким щитом будет почти непобедим в битве. Любой его враг, находящийся в здравом уме, обратится в бегство.

Девушка обнажила меч и приблизилась к саркофагу. Призрачные тени расступались перед ней, бежали врассыпную от жуткой ауры ее щита.

— Нет! — крикнул я, желая предупредить ее.

Но она не послушала. Подойдя прямо к саркофагу, она сдвинула золотую крышку.

На какой-то момент девушка застыла, разглядывая его содержимое. Гроб начал светиться.

— Нет, — произнесла она дрожащим голосом. — Этого не может быть.

Из глубин океана донесся смех Кроноса — такой громогласный, что корабль затрясло.

— Нет! — пронзительно вскрикнула девушка, и саркофаг поглотил ее, растворив во вспышке золотого света.

— ...А-а-а! — Я попытался вскочить, раскачиваясь в подвесной койке.

Аннабет трясла меня за плечи.

— Перси, у тебя был кошмар. Просыпайся.

— Ч-что? — Я потер глаза. — Что-то случилось?

— Земля, — мрачно произнесла она. — Мы приближаемся к острову Сирен.

Я с трудом разглядел лежавший впереди по курсу остров — просто темное пятно в тумане.

— Я хочу тебя кое о чем попросить, — сказала Аннабет. — Сирены... мы скоро услышим их пение.

Я вспомнил истории о сиренах. Они пели такими сладостными голосами, что завораживали моряков, увлекая их на верную гибель.

— Нет проблем, — заверил я Аннабет. — Просто заткнем уши. На нижней палубе есть бочонок с воском...

— Я хочу послушать их.

— Зачем? — удивленно моргнул я.

— Говорят, что сирены поют о твоих сокровенных желаниях. Они открывают такую правду о тебе самом, о которой ты и не подозревал. Вот чем зачаровывает их пение. Если выживешь... станешь мудрее. Я хочу послушать их. Когда еще представится такая возможность?

Скажи мне такое обычный человек, я счел бы, что он несет полную ахинею. Но Аннабет — это Аннабет... если она могла «проглатывать» книги по древнегреческой архитектуре и с наслаждением смотрела документальные фильмы по историческому каналу, полагаю, сирены тоже должны были привлекать ее.

Она изложила мне свой план. Я с неохотой стал помогать ей подготовиться к его исполнению.

Как только скалистый берег острова вырос на горизонте, я приказал одному из канатов привязать Аннабет к фок-мачте.

— Не развязывай меня, — сказала она, — что бы ни случилось и как бы я тебя ни просила. Я хочу дойти до самого конца и познать себя.

— Хочешь и меня подбить на эту глупость?

— Ха-ха.

Я пообещал сделать все ради ее безопасности. Затем присмотрел два кусочка воска, сделал из них затычки и законопатил уши.

Аннабет насмешливо кивнула, давая понять, что с затычками в ушах я смотрюсь клево. В ответ я скорчил гримасу и повернулся к штурвалу.

Тишина была зловещей. Я слышал только, как кровь шумит у меня в голове. Остров, изрезанный неровными скалами, приближался к нам в тумане. Мне показалось предпочтительнее, чтобы «Месть королевы Анны» обогнула остров на приличном расстоянии. Если мы подплывем ближе, эти скалы вспорют наш корпус, как лопасти миксера.

Я оглянулся. Сначала Аннабет казалась совершенно спокойной. Затем на лице ее появилось озадаченное выражение. Глаза ее распахнулись.

Аннабет изо всех сил натянула канат. Она звала меня по имени — я мог прочесть это по губам. Выражение ее лица яснее ясного говорило, что она хочет вырваться. Речь шла о жизни и смерти. Я должен был освободить ее сейчас же!

Вид у нее был настолько жалкий, что я с трудом удержался, чтобы не перерезать канат.

И все же я принудил себя отвести взгляд. И приказал «Королеве Анне» двигаться быстрее.

Сам остров я почти не увидел — только туман да скалы, — но в воде плавали куски дерева и металла, обломки старых судов и даже надувные плотники с самолетов.

Как музыка могла заставить столько жизней свернуть с пути навстречу своей гибели? Конечно, существовала «горячая десятка» хитов, от которых я сам рвал и метал, но все же?.. И о чем только пели эти сирены?

В какой-то критический момент я понял причину любопытства Аннабет. Меня тоже неудержимо потянуло вытащить из ушей затычки и хотя бы почувствовать эту мелодию. Я ощущал, что голоса сирен заставляют вибрировать деревянную обшивку корабля, пульсируют в такт с оглушительным шумом крови у меня в ушах.

Аннабет умоляла отвязать ее. Слезы струились по ее щекам. Она так натянула канат, словно он не давал ей устремиться вслед за всем, что было ей дорого больше всего на свете.

«Как ты можешь быть таким жестоким? — казалось, спрашивает она меня. — А я-то думала, ты мой друг».

Я бросил испепеляющий взгляд на овеванный туманом остров. Мне хотелось выхватить меч, но сражаться было не с кем. Как можно сражаться с пением?

Я изо всех сил пытался не глядеть на Аннабет. И выдержал почти пять минут.

В этом состояла моя большая ошибка.

Когда терпению моему пришел конец, я оглянулся и увидел... груды перерезанных канатов. Пустое место у основания мачты. Рядом на палубе валялся бронзовый нож Аннабет. Каким-то образом ей удалось вытащить его. Я совершенно забыл отнять у нее оружие.

Я бросился к борту и увидел, как она, неистово колошматя по воде руками и ногами, плывет к острову, к иззубренным скалам, куда ее к тому же сносило течением.

Я стал звать ее, но если Аннабет и услышала меня, то проку от этого не было никакого. Она находилась в трансе, плывя навстречу собственной гибели.

Тогда я оглянулся на штурвал и завопил:

— Стоять!

Потом прыгнул за борт.

Плавню войдя в воду, я повелел всем течениям нести меня вперед с реактивной скоростью. Вынырнув на поверхность, я заметил Аннабет, но волна подхватила ее и бросила между двумя острыми как бритва клыками скалы.

Выбора у меня не было. Я нырнул следом за ней.

Я проплыл под корпусом потерпевшей крушение яхты, между связанными цепью плавучими металлическими шарами, которые, как потом до меня дошло, были минами. Мне пришлось использовать всю свою власть над водной стихией, чтобы не разбиться о скалы и не запутаться в сетях из колючей проволоки, которые были растянуты здесь же, под самой поверхностью воды.

Я пронесся между двумя ощерившимися выступами скалы и очутился в небольшой бухточке, вытянувшейся в форме полумесяца. Здесь было еще больше скал, обломков и плавучих мин. Берег усыпал черный вулканический песок.

Я в отчаянии огляделся, ища Аннабет.

Она была там.

К счастью или к несчастью, она была хорошей пловчихой. Аннабет благополучно проплыла между скал и мин и находилась уже почти у самого черного берега.

Затем туман развеялся, и я увидел сирен.

Представьте себе стаю стервятников размером с человека, с грязным черным оперением, серыми когтями и морщинистыми розовыми шеями. А теперь представьте, что на этих шеях — человеческие головы, но с постоянно меняющимися лицами.

Я не слышал их, но видел, что они все еще поют. Губы их шевелились, и лица преображались в лица тех, кого я знал и любил, — маму, Посейдона, Гроувера, Тайсона, Хирона. Тех, кого мне больше всего хотелось увидеть. Они ободряюще улыбались, призывая меня. Но, какую бы форму они ни принимали, рты их оставались жирными, с запекшимися на них остатками прежних пиршеств. Подобно стервятникам, они пачкали себе морды, и было не похоже, что они питались в пышечной «Чудо-юдо».

Аннабет плыла к ним.

Я понимал, что не должен дать ей выйти из воды. Море было моим единственным преимуществом. Оно всегда так или иначе защищало меня. Я кинулся вперед и схватил Аннабет за лодыжку.

Как только я коснулся ее, меня словно током ударило, и я увидел сирен такими, какими их должна была видеть Аннабет.

Три человека на пикнике в Центральном парке. Перед ними на скатерти — разная вкуснятина. Я узнал папу Аннабет по фотографиям, которые она показывала мне, — атлетически сложенный мужчина в расцвете лет, с рыжеватыми волосами. Он держал за руку прекрасную женщину, очень похожую на Аннабет. Одета она была неброско, в джинсы, хлопчатобумажную рубашку и высокие ботинки, но все в ней излучало могущество и власть. Я понял, что гляжу на богиню Афины. Рядом с ними сидел молодой человек... Лука.

Вся сцена светилась теплым, желтоватым светом. Все трое болтали и смеялись, а когда увидели Аннабет, лица их озарились радостью. Мама и папа Аннабет призывно протянули к ней руки. Лука усмехнулся и жестом показал, чтобы Аннабет села рядом с ним, словно никогда не предавал ее, словно они все еще были друзьями.

За деревьями Центрального парка вставали очертания города. У меня перехватило дыхание, потому что это был Манхэттен... но в то же время и не Манхэттен. Он был полностью перестроен, передо мной высились дома из ослепительно белого мрамора; с обрамленными золотом окнами и разбитыми на крышах садами он стал больше и величественнее, чем раньше. Это было лучше, чем Нью-Йорк. Лучше, чем Олимп.

Я сразу же понял, что все это спроектировала Аннабет. Она была архитектором целого нового мира. Она воссоединила родителей. Спасла Луку. Сделала все то, что всегда хотела.

Я с трудом отогнал от себя это наваждение. Открыв глаза, я увидел сирен — жутких стервятников с человеческими лицами, поджидающих очередную жертву.

Я потянул Аннабет обратно в волны прибоя. Она пронзительно закричала, но я не мог разобрать, что именно. Потом ударила меня ногой в лицо, но я устоял.

Усилием воли я приказал течениям вынести нас из залива. Аннабет молотила меня руками и ногами, поэтому сосредоточиться было трудно. Она отбивалась с такой силой, что мы чуть не столкнулись с плавучей миной. Я не знал, что делать. Если она не перестанет драться, я уже никогда не вернусь живым на судно.

Мы скрылись под водой, и Аннабет прекратила сопротивляться. На

лице ее появилось смущенное выражение. Затем, когда мы вынырнули, она снова принялась лупить меня.

Вода! Звук плохо проникает сквозь воду. Если бы мне удалось продержаться Аннабет под водой достаточно долго, чары пения рассеялись бы. Конечно, Аннабет не сможет дышать, но сейчас это казалось не столь важным.

Я крепче обхватил ее за талию и приказал волнам укрыть нас.

Мы стали погружаться — десять, двадцать футов. Я знал, что должен быть осторожнее, потому что могу вынести гораздо большее давление, чем она. Она задыхалась, не переставая размахивать руками, вокруг нас вспенивались пузырьки.

Пузырьки!

Меня охватило отчаяние. Надо было спасти Аннабет. Я представил себе все пузырьки в море, поднимающиеся кверху и сливающиеся в один. Я представил, как все вместе они устремляются ко мне.

Море повиновалось. На нас ринулся белый поток, все тело мое начало покалывать, а когда зрение прояснилось, мы с Аннабет оказались внутри огромного воздушного пузыря. В воде были только наши ноги.

Аннабет тяжело дышала и кашляла. Ее била крупная дрожь, но, когда она взглянула на меня, я понял, что волшебство рассеялось.

Она разрыдалась, это были ужасные, душераздирающие рыдания. Потом Аннабет положила голову мне на плечо, и мы замерли.

Рыбы собрались, чтобы посмотреть на нас, — стая барракуд, несколько любопытных марлиней.

— Кыш! — сказал я им.

Они отплыли, но неохотно. Клянусь, я понимал их намерения. Они собирались распусть по всему морю слухи о том, как сын Посейдона обнимается с какой-то девушкой на дне залива Сирен.

— Мы доплывем обратно до судна, — сказал я. — Все в порядке. Просто держись.

Аннабет кивнула, чтобы дать мне понять, что ей уже лучше, потом пробормотала что-то еще, но я не расслышал из-за воска в ушах.

Я заставил течения провести нашу воздушную подводную лодку мимо скал и сквозь колючую проволоку к «Королеве Анне», которая медленно, но уверенно держала курс прочь от острова.

Мы оставались под водой, следуя за кораблем, пока я не решил, что мы вне пределов досягаемости сирен. Затем я вынырнул на поверхность, и наш воздушный пузырь лопнул.

Я приказал веревочному трапу спуститься с корабля, и мы взобрались

на борт.

Затычки из ушей я не вынимал просто для верности. Мы плыли, пока остров окончательно не исчез из виду. Аннабет, съежившись, сидела на полотенце на передней палубе. Наконец она взглянула на меня все еще затуманенным и печальным взглядом и еле слышно произнесла:

— Все, отпустило.

Я вытащил затычки. Никакого пения слышно не было. День стоял тихий, только волны плескались о борт корабля. Туман испарился, исчез в голубизне небес, словно острова Сирен никогда не существовало.

— Ты в порядке? — спросил я.

Едва сказав, я понял, как неуклюже это прозвучало. Все ведь и так очевидно.

— Я не понимала, — пробормотала Аннабет.

— Чего?

Ее глаза были такого же цвета, как туман на острове Сирен.

— Какой может быть сила искушения.

Мне не хотелось рассказывать Аннабет о том, что я видел счастье, обещанное ей сиренами. Я чувствовал себя так, словно незаконно проник на чужую территорию. Но мне показалось, что в этом — мой долг перед Аннабет.

— Я видел твой перестроенный Манхэттен, — сказал я. — И Луку, и твоих родителей.

— Ты видел это? — вспыхнула Аннабет.

— Помнишь, что Лука сказал тебе на «Принцессе Андромеде»... чтобы начать все заново, надо перестроить старое...

Аннабет закуталась в одеяло.

— Моя роковая ошибка. Вот что сирены показали мне. Мою роковую слабость — хубрис.^[17]

— Эта коричневая дрянь, которую кладут на сэндвичи с овощами? — Я заморгал от удивления.

Аннабет, в свою очередь, вытаращила на меня глаза.

— Нет, рыбы мозги. Ты имеешь в виду хумус.^[18] Хубрис, то есть высокомерие, гораздо хуже.

— Что может быть хуже хумуса?

— Высокомерие — это крайняя степень гордыни, Перси. Сознание, что ты можешь делать все лучше кого бы то ни было... даже богов.

— И ты такое испытывала?

Аннабет опустила глаза.

— Перси, неужели у тебя никогда не возникало чувства, что мир — это помойка? Что, если бы мы смогли начать все заново, представляешь? Никаких войн. Никаких бездомных. Никаких домашних заданий на лето.

— Ну-ну, дальше.

— Иными словами, западная цивилизация впитала в себя многое из самых лучших достижений человечества — вот почему огонь все еще горит. Вот почему Олимп все еще здесь. Но иногда приходится наблюдать ужасные вещи. И ты начинаешь размышлять как Лука: «Если я смогу уничтожить все это, я смогу создать все намного лучше». Ты никогда не испытывал подобного чувства? Что мог бы лучше решать проблемы, если бы управлял миром?

— Хм... нет. Управлять миром — это, по-моему, просто ужасно...

— Счастливчик. Значит, высокомерие не твоя роковая слабость.

— А что же тогда моя?

— Не знаю, Перси, но у каждого героя есть своя роковая слабость. Если ты не вычислишь ее и не научишься контролировать... Сам понимаешь, роковая в данном случае — это не просто слово.

Я задумался. Не могу сказать, чтобы эта мысль меня приободрила.

Также я отметил, что Аннабет не слишком распространялась о том, что собирается изменить в личной жизни: скажем, вновь соединить родителей или спасти Луку. Я это понимал. Не хотелось признаваться себе, как часто я мечтал, чтобы мои родители вновь были вместе.

Я живо представил себе маму в нашей квартирке в Верхнем Ист-Сайде. Я попытался вспомнить запах ее синих вафель. Все это казалось таким далеким...

— Так что — значит, игра стоила свеч? — спросил я Аннабет. — Ты стала... мудрее?

Она уставилась куда-то вдаль.

— Не уверена. Но мы должны спасти лагерь. Если мы не остановим Луку...

Можно было не продолжать. Уж если образ мыслей Луки смог соблазнить даже Аннабет, то можно было представить, сколько еще полукровок присоединятся к нему.

Я подумал о своем сне про девушку и золотой саркофаг. Не уверен, что я понимал его значение, но у меня возникло чувство, будто я что-то упустил. Нечто ужасное — какую-то хитрость Кроноса. То, что увидела девушка, когда открыла крышку гроба?

Внезапно глаза Аннабет расширились.

— Перси! Смотри!

Я повернулся.

Впереди по курсу снова появился клочок земли — остров, напоминающий седловину с поросшими лесом холмами, белым песком пляжей и зелеными лугами, — совсем как во сне.

Мое навигационное чутье подтвердило это. 30 градусов 31 минута северной долготы, 75 градусов 12 минут западной широты.

Мы достигли места обитания циклопа.

Глава четырнадцатая

Мы встречаемся с плотоядными овцами

Когда представляешь себе «остров чудовища», то воображение рисует зубчатые скалы и разбросанные по берегу кости — словом, остров Сирен.

Остров циклопа был совсем другой. Ладно, согласен, через расселину протянулся подвесной мостик, а это дурной знак. С таким же успехом здесь могли бы поставить щит с надписью: «ОСТОРОЖНО, ЗЛО!» Но, не считая этого, местечко выглядело как почтовая открытка с видом Карибских островов. Зеленые поля, тропические фруктовые деревья и белые песчаные пляжи. Когда мы плыли к берегу, Аннабет вдохнула сладковатый воздух.

— Руно, — мечтательно произнесла она.

Я кивнул. Я еще не видел само руно, однако уже ощущал его силу. Легко было поверить в то, что оно способно исцелить все, даже отравленное дерево Талии.

— Если мы увезем его, то остров вымрет?

Аннабет покачала головой.

— Он изменится, начнет увядать. Станет таким, как был прежде.

Я почувствовал себя немного виноватым оттого, что придется разрушить этот рай, но ведь выбора у нас не было.

С Лагерем полукровок стряслась беда. И Тайсон... с ним ничего не случилось бы, если бы не этот поиск.

На лугу, у подножия ущелья, сбившись в кучу, паслось стадо, насчитывавшее несколько дюжин овец. Выглядели они вполне мирно, но были огромные, размером с гиппопотама. Сразу за ними начиналась тропинка, которая вела вверх, в холмы. На верху тропинки, на самом краю расселины, рос могучий дуб, тот самый, который я видел в своих снах. В его ветвях поблескивало что-то золотистое.

— Слишком все просто, — пробормотал я. — Значит, мы можем забраться туда и взять его?

— У руна должен быть страж. — Аннабет сощурилась. — Дракон или...

В этот момент из кустов выступил олень. Он рысцой пробежался по лугу, возможно высматривая, где бы пощипать траву, но тут овцы разом заблеяли и ринулись на него. Это произошло так быстро, что олень от неожиданности споткнулся и его накрыло море шерсти и топчущих копыт.

В воздух полетели трава и клочья меха.

Спустя пару минут овцы вернулись к своему обычному мирному занятию. От оленя осталась только грудa обглоданных белых костей.

Мы с Аннабет ошеломленно переглянулись.

— Они как пираньи, — констатировала она.

— Пираньи, только мохнатые. Ну и как же мы?..

— Перси! — вскрикнула Аннабет, хватая меня за руку. — Смотри!

Она указывала на пляж, прямо под лугом, где паслись овцы: там стояла вытaщенная на берег... спасательная шлюпка с «Бирмингема».

* * *

Мы пришли к выводу, что овец-людоедов нам никак не миновать. Аннабет предложила пробраться по тропинке в кепке-невидимке и схватить руно, однако я отговорил ее. Что-нибудь обязательно пойдет не так. Например, овцы учуют ее. Или появится другой страж. Или ее будет поджидать еще какой-нибудь сюрприз. А в этом случае я буду слишком далеко и не смогу помочь.

Кроме того, нашей первой задачей было найти Гроувера и тех, кто плыл в шлюпке, если им удалось пробраться мимо овец. Я слишком нервничал, чтобы сказать это вслух, но в глубине души теплилась надежда, что Тайсон все-таки выжил.

Мы пришвартовали «Месть королевы Анны» к противоположной части острова, туда, где скалы отвесно вздымались на добрые двести футов. Мне казалось, что так суденышко будет менее заметно.

Взобраться по скалам представлялось нам трудной задачей — почти такой же, как лазанье по стене лавы за лагерем. Но, по крайней мере, здесь не было овец. Я надеялся, что плотоядных горных козлов Полифем не выращивает.

Мы подгребли к самому краю скал и медленно, очень медленно стали карабкаться вверх. Аннабет шла первой, потому что преуспела в скалолазании больше меня.

Мы побывали на волоске от смерти всего шесть-семь раз, не более, что, по-моему, не такой уж плохой результат. Однажды я сорвался и повис, уцепившись одной рукой за каменную полку в полусотне футов над каменистым берегом. Но потом нашел опору для второй руки и продолжил восхождение. Через минуту Аннабет попался скользкий клочок мха, и нога ее соскользнула. Однако ей тоже повезло, и она сумела удержаться. Вот только, к несчастью, в качестве опоры использовала мое лицо.

— Прости, — пробормотала Аннабет.

— Да ладно, — проворчал я, хотя на самом деле никогда не жаждал узнать, какова на вкус подошва ее кроссовок.

Под конец, когда пальцы мои стали податливыми, как плавающий свинец, а мышцы рук дрожали от напряжения, мы все-таки взобрались на верхушку скалы и без сил повалились на камни.

— Ух! — выдохнул я.

— Ах! — простонала Аннабет.

— Р-Р-Р! — в унисон нам проревел чей-то голос.

Если б я так не устал, я мигом пробежал бы еще две сотни футов. Беспокойно завертевшись на месте, я так и не увидел того, кто бы мог издать подобный звук.

Аннабет плотно зажала мне рот ладонью. Потом пальцем указала направление.

Выступ, на котором мы сидели, был уже, чем я предполагал. С другой стороны он обрывался — вот оттуда, снизу, и донесся голос.

— Заткнись! — прорычал густой бас.

— Ну, давай же, сразись со мной! — Это был голос Клариссы, его ни с чьим не перепутаешь. — Отдай мне мой меч, и увидим, кто кого!

Чудовище зашлось хриплым смехом.

Мы с Аннабет подползли к краю. Прямо под нами находился вход в пещеру циклопа. Внизу стояли Полифем и Гроувер, все еще обряженный в подвенечное платье. Над огромным горшком с кипящей водой висела связанная Кларисса. У меня появилась робкая надежда увидеть рядом с ними и Тайсона. Даже если бы ему угрожала опасность, по крайней мере, я знал бы, что он жив. Но Тайсона там не было.

— Хм, — задумчиво произнес Полифем. — Съесть эту горластую девчонку прямо сейчас или обождать до свадебного пира? Что думает моя невеста?

Он повернулся к Гроуверу, который, попятившись, чуть не запутался в своем сложном подвенечном наряде и едва не растянулся на земле.

— Ах, я сейчас совсем не голодна, дорогой. Может быть...

— Ты сказал «невеста»? — спросила Кларисса. — Кто это... Гроувер?

— Заткнись, — пробормотала Аннабет мне на ухо. — Надо, чтобы она немедленно заткнулась.

— Что за «Гроувер»? — злобно покосился на нее Полифем.

— Это сатир! — завопила Кларисса.

— О! — запричитал Гроувер. — У бедняжки, наверное, мозги совсем расплавились от этого пара. Отпусти ее, дорогой!

Полифем прищурил мрачный млечно-белый глаз, словно стараясь получше рассмотреть Клариссу.

Циклоп выглядел даже ужаснее, чем в моих снах. Отчасти потому, что его кисловатый зловонный запах приблизился к моему носу и был, так сказать, персонифицирован. Отчасти оттого, что он щеголял в своем жениховском наряде — грубом килте и накидке на плечах, сшитой из светло-голубых смокингов, похоже, он обобрал целую свадебную вечеринку.

— Какой еще сатир? — спросил Полифем. — Сатиры, они вкусные. Ты привезла мне сатира?

— Да нет же, балбес! — проорала Кларисса. — Этот сатир! Гроувер! Тот, что в подвенечном платье!

Мне захотелось свернуть Клариссе шею, но было поздно. Все, что оставалось, это следить за тем, как Полифем поворачивается и срывает с Гроувера свадебную вуаль, скрывавшую его курчавые волосы, бородавку подростка и маленькие рожки.

Циклоп тяжело дышал, стараясь сдержать гнев.

— Я плохо вижу! — прорычал он. — С тех пор как много лет назад один герой ткнул в мой глаз головешкой. Но ТЫ... НЕ... ЖЕНЩИНА... ЦИКЛОП!

С этими словами Полифем сорвал с сатира платье и разодрал его на клочки. Под платьем оказался все тот же Гроувер в джинсах и оранжевой футболке. Заскулив, он пригнулся, и кулачище Полифема просвистел над его головой.

— Постой! — взмолился Гроувер. — Не надо есть меня сырым! У меня... у меня есть отличный рецепт!

Я потянулся за мечом, но Аннабет прошипела:

— Погоди!

Полифем застыл в нерешительности, сжимая в руке валун, способный раздробить голову предполагаемой «невесте».

— Рецепт? — переспросил он.

— Да-да! Не следует есть меня сырым. У тебя могут появиться разные вирусы, ботулизм — словом, ужас! Я гораздо вкуснее, когда меня жарят на гриле, на медленном огне. С кисло-сладкой приправой из манго! Ты можешь пойти за манго прямо сейчас, оно растет в лесу. А я подожду.

Монстр призадумался. Сердце мое бешено колотилось о ребра. Я понимал, что погибну, если брошусь на циклопа. Но дать чудовищу убить Гроувера я тоже не мог.

— Поджаренный на гриле сатир с кисло-сладкой приправой из

манго, — мечтательно произнес Полифем. Он оглянулся на Клариссу, по-прежнему висевшую над горшком с кипящей водой. — Ты тоже сатир?

— Да нет же, куча дерьма! — взывала Кларисса. — Я — девушка! Дочь Ареса! А теперь давай развяжи меня, чтобы я могла выпустить тебе кишки!

— Хочешь выпустить мне кишки? — повторил Полифем.

— И засунуть их тебе в глотку!

— Однако ты храбрая.

— Отпусти, кому сказано!

Полифем сгреб Гроувера так, словно это был нашкодивший щенок.

— Сейчас надо проведать овец. Свадьба откладывается до вечера. Основное блюдо — жаркое из сатира!

— Но, стало быть... ты все равно женишься? — Казалось, Гроувер задет. — И на ком же?

Полифем посмотрел в сторону кипящего горшка.

— О нет! — задушенным голосом выкрикнула Кларисса. — Ты это не всерьез. Я не...

Прежде чем мы с Аннабет сумели что-либо предпринять, Полифем сорвал Клариссу с веревки, словно спелое яблоко, и швырнул их с Гроувером в глубину пещеры.

— Устраивайтесь поудобнее! Я вернусь на закате, чтобы совершить великий обряд!

Затем по свистку циклопа смешанное стадо коз и овец — помельче, чем те овцы-людоеды, — заполонило пещеру и выбежало из нее, минуя своего хозяина. Пока они бежали к пастбищу, Полифем награждал их легкими шлепками, называя по именам — Белтбастер, Таммани, Локхарт и так далее.

Когда последняя овца оказалась снаружи, Полифем заслонил отверстие заменявшим дверь валуном с такой же легкостью, как я закрываю дверцу холодильника, заглушив отчаянные вопли Клариссы и Гроувера.

— Манго, — проворчал Полифем себе под нос. — А что такое манго?

Широкими шагами, в развевающейся бледно-голубой хламиде он спустился по склону холма, оставив нас наедине с котлом кипящей воды и валуном весом в шесть тонн.

* * *

Казалось, прошло уже несколько часов с тех пор, как мы предприняли

первую попытку откатить камень, но все напрасно. Валун не поддавался. Мы кричали в трещины, стучали по камню, делали все, чтобы подать знак Гроуверу, но слышал ли он нас, мы не знали.

Даже если каким-то чудом нам удастся убить Полифема, толку от этого будет мало. Гроувер и Кларисса погибнут в наглухо закрытой пещере. Единственный, кто мог сдвинуть скалу, был циклоп.

В приступе отчаяния я ударил Анаклузмусом по валуну. Посыпались искры, но больше ничего не произошло. Обломок скалы не тот враг, с которым можно сражаться волшебным мечом.

Выбившись из сил, мы с Аннабет присели на выступ валуна и стали издалека следить за нежно-голубой фигурой циклопа, бродившего между своими стадами. Он разумно отделил обычных животных от овец-людоедов, пустив стада пастись по разные стороны расселины, проходившей через остров. Единственный путь через нее лежал по висячему мостику, а расстояние между его дощечками было слишком велико для овечьего шага.

Мы следили за тем, как Полифем навел свое плотоядное стадо на дальней стороне. К сожалению, его они не сожрали. По сути, он вообще обращал на них мало внимания. Накормил их кусками волшебного мяса из огромной плетеной корзины, что лишь усилило мое отвращение к мясному, появившееся с тех пор, как Цирцея обратила меня в морскую свинку... Может, настанет время и, присоединившись к Гроуверу, я стану вегетарианцем.

— Тут нужна хитрость, — решительно сказала Аннабет. — Силой мы его не возьмем, стало быть, надо прибегнуть к хитрости.

— О'кей, — кивнул я. — Но к какой?

— Над этим я пока еще не думала.

— Замечательно.

— Полифему придется отвалить камень, чтобы загнать стадо.

— На закате, — напомнил я. — Именно тогда он собирается жениться на Клариссе и поужинать Гроувером. Не могу даже сказать, что из этого неприличнее.

— Я могу проникнуть внутрь, — сказала Аннабет, — невидимой.

— А как насчет меня?

— Овца, — промурлыкала Аннабет, лукаво взглянув мне в глаза, что всегда заставляло меня насторожиться. — Ты любишь овец?

— Никуда не уходи, — велела Аннабет, невидимкой стоявшая где-то справа.

Ей было легко говорить. Она-то не висела под брюхом у овцы.

Впрочем, надо признать, это оказалось не так уж трудно. Прежде я заползал под мамину машину, чтобы поменять масло, это было почти одно и то же. Овца отнеслась к этому совершенно спокойно. Даже самая маленькая овечка Полифема имела достаточно крупные размеры, чтобы выдержать мой вес, к тому же отрастила густую шерсть. Я вцепился в эту самую шерсть обеими руками, ногами сдавил бедра животного — и вот я уже превратился в детеныша кенгуру под брюхом овцы и постарался повернуть голову так, чтобы жесткие овечьи волосины не лезли в нос и в рот.

Если вам так уж интересно, то запах под овцой не слишком приятный. Представьте себе шерстяной свитер, который вывалили в грязи, а потом на неделю засунули в корзину с грязным бельем в прачечной. Запашок примерно такой же.

Солнце садилось. Едва я успел проделать все описанные манипуляции, как циклоп проревел:

— Э-эй! Козочки мои! Овечки!

Стадо послушно направилось вверх по склону в пещеру.

— Теперь самое время! — шепнула Аннабет. — Я буду рядом. Не волнуйся.

Я дал молчаливый обет богам: если мы выживем, то я скажу Аннабет, что она гений. И я знал, что в случае чего боги спросят с меня по всей строгости.

Мое мохнатое такси стало тяжело взбираться на холм. Через несколько сот ярдов руки и ноги у меня заболели. Я еще крепче вцепился в овечью шерсть, и животное жалобно всхрапнуло. Я его не виню. Мне тоже вряд ли понравилось бы, если б кто-то таким же манером вцепился в мои волосы. Но, если бы я не держался, то, без всякого сомнения, свалился бы на землю прямо перед чудовищем.

— Хайзенфеффер! — определил циклоп, ощупывая одну из овец передо мной. — Эйнштейн, Уиджет, эй, где ты там, Уиджет?

Полифем хлопнул ладонью по спине мою овцу и чуть не сшиб меня на землю.

— Что, слишком обросла? — спросил он.

«Ой-е-ей, — подумал я. — Начинается».

Но Полифем только расхохотался и, шлепнув овцу по задку, подтолкнул нас вперед.

— Давай топай, жирюга! Скоро Полифем тобой позавтракает!

Таким образом я очутился в пещере.

Я видел, как последняя овца зашла внутрь. Если Аннабет сейчас не начнет...

Циклоп уже собирался завалить выход, когда оттуда, где предположительно должна была находиться Аннабет, послышалось:

— Привет, урод!

Полифем оцепенел.

— Кто там?

— Никто! — закричала Аннабет.

Это вызвало именно ту реакцию, на которую она рассчитывала. Лицо монстра побагровело от ярости.

— Никто! — завопил в ответ Полифем. — Я тебя помню!

— Ты слишком глуп, чтобы кого-нибудь помнить, — поддела его Аннабет. — И уж тем более помнить Никого.

Я возложил все надежды на богов, умолая, чтобы она перебежала на другое место. Когда Аннабет произнесла это, Полифем яростно заревел, схватил ближайший валун (который, как оказалось, служил ему входной дверью) и швырнул его туда, откуда доносился голос. Я услышал, как камень разлетелся на тысячу обломков.

На один ужасный момент стало тихо.

— И меткости тебе, как я погляжу, по-прежнему не хватает! — крикнула Аннабет.

— Иди сюда! — взвыл Полифем. — Подойди — и я убью тебя, Никто!

— Ты не можешь убить Никого, дубина! — снова поддразнила его Аннабет. — Ну-ка, найди меня.

Полифем ринулся на ее голос, как ядро, выпущенное из пушки.

Конечно, теперь никому непонятно, кто такой Никто, но Аннабет объяснила, что так, чтобы перехитрить Полифема, много столетий назад назвался Одиссей, прежде чем ткнуть в глаз циклопа пылающей головней. Аннабет предположила, что Полифем затаил злобу на человека с таким именем, и оказалась права. Охваченный неистовым желанием найти своего заклятого врага, циклоп позабыл завалить вход в пещеру. Его не остановило даже то, что его дразнил женский голос, тогда как первый Никто был мужчиной. С другой стороны, он хотел жениться на Гроувере, а стало быть, насчет мужского-женского в голове у него царил кавардак.

Я надеялся лишь на то, что Аннабет сможет продержаться подольше и не даст изловить себя, пока я ищу Гроувера и Клариссу.

Отпустив овцу, я легонько шлепнул Уиджет по голове и извинился.

Потом обыскал основную часть пещеры, но Гроувера с Клариссой нигде не было. Расталкивая овец и коз, я бросился в дальний конец.

Хоть я и видел это место во сне, отыскивая путь через лабиринт, мне пришлось нелегко. Я бежал по коридорам, где повсюду были разбросаны кости, мимо пещер поменьше, заваленных коврами из овечьих шкур и бетонными овцами в натуральную величину, в коих я сразу опознал дело рук горгоны Медузы. Тут хранились целые коллекции жилеток из овечьей шкуры, большие тюбики ланолинового крема, а также шерстяные накидки, носки и шляпы с бараньими рогами. Наконец я наткнулся на пещерку, где Гроувер, присев на корточки в углу, пытался ножницами со спасательной шлюпки разрезать веревки, которыми была опутана Кларисса.

— Ничего не выйдет, — говорила Кларисса. — Это не веревки, а какой-то стальной трос!

— Еще пару минут!

— Гроувер! — воскликнул я, не в силах сдержаться. — Да тебе и нескольких часов не хватит!

И тогда они меня увидели.

— Перси? — удивилась Кларисса. — Ты разве не взорвался?

— Я тоже рад тебя видеть, Кларисса. Теперь сиди тихо, пока я...

— П-е-е-е-рси! — заблеял Гроувер и заключил меня в свои козлиные объятия. — Ты услышал меня! Ты пришел!

— Само собой, дружище, — сказал я. — Конечно пришел.

— А где Аннабет?

— Там, снаружи. Некогда рассказывать. Не шевелись, Кларисса!

Обнажив Анаклузмос, я разрезал веревки. Кларисса с трудом поднялась, растирая запястья. Она кинула на меня испепеляющий взгляд, затем потупилась и пробормотала:

— Спасибо.

— На здоровье. А теперь скажи — кто-нибудь еще был с тобой в шлюпке?

— Нет, — удивилась Кларисса. — Только я. Все остались на борту «Бирмингема»... я даже не знала, что вы такое задумали...

Я опустил глаза, стараясь выкинуть из головы мысль о том, что моя последняя надежда увидеть Тайсона живым рассыпалась в прах.

— Ладно. Тогда пошли. Мы должны помочь...

Грохот эхом раскатился по пещере, и почти одновременно раздался пронзительный вопль, судя по которому мы, кажется, уже опоздали. Это кричала Аннабет.

Глава пятнадцатая

Никто получает руно

— Я поймал Никто! — оглушительно торжествовал Полифем.

Мы подползли к входу в пещеру и увидели злобно усмехающегося циклопа, сжимавшего в руке воздух. Монстр тряхнул кулаком, и на землю свалилась бейсболка. Мы увидели, что в кулаке он держит висящую вниз головой Аннабет.

— Ха! — ухмыльнулся циклоп. — Мерзкая невидимая девчонка! У меня уже есть одна невеста-горлодерка. А это значит, что придется сделать из тебя гриль с кисло-сладкой приправой!

Аннабет билась у него в руке, но взгляд ее помутился. На лбу багровел жуткий порез, глаза остекленели.

— Я брошусь на него, — шепнул я Клариссе. — Наше судно — на другой стороне острова. Ты и Гроувер...

— Ни за что, — одновременно произнесли оба.

Дочь Ареса вооружилась коллекционным копьем из бараньего рога, прихваченным из пещеры циклопа. Гроувер подобрал берцовую овечью кость и, явно не обрадованный своим «оружием», все же держал его наподобие палицы, готовясь к атаке.

— Вместе мы его одолеем! — прорычала Кларисса.

— Да, — отозвался Гроувер.

Потом заморгал, словно сам не мог поверить, будто только что хоть в чем-то согласился с Клариссой.

— Ладно, — согласился я. — Атакуем по-македонски.

Оба кивнули. В Лагере полукровок мы проходили один и тот же тренинг. Они поняли, что я имею в виду. Кларисса и Гроувер прокрадутся с двух сторон и нападут на циклопа с флангов, тогда как я приму на себя его лобовую атаку. Возможно, это означало, что погибнем мы все, а не только я один, но я был благодарен им за помощь.

Выхватив меч, я крикнул:

— Эй, урод!

Великан резко обернулся ко мне:

— Еще один! А ты кто такой?!

— Отпусти мою подругу. Я один из тех, кто оскорбил тебя.

— Ты Никто?

— Верно, вонючее помойное ведро! — Прозвучало не так удачно, как

издевки Аннабет, но это было единственное, что пришло мне в голову. — Я — Никто и горжусь этим! А теперь поставь ее на землю и убирайся. Не то опять глазик выколю.

— РАААР! — проревел Полифем.

Хорошая новость: он уронил Аннабет. Плохо было то, что она упала головой прямо на камни и так и осталась лежать, как тряпичная кукла.

А вот еще плохая новость: Полифем на полной скорости понесся на меня. Мне предстояло маленьким мечом сразиться с циклопом весом в тысячу вонючих фунтов.

— За Пана! — справа на Полифема напал Гроувер.

Он метнул овечью кость, которая, не причинив никакого вреда, отскочила ото лба чудовища. Кларисса забежала слева и воткнула копье в землю так, чтобы циклоп наступил прямо на него. Он застонал от боли, а дочь Ареса сумела вовремя убраться, чтобы ее не задавили. Но циклоп просто вырвал древко, как большую занозу, и продолжал надвигаться на меня.

Я двинулся ему навстречу, сжимая Анаклузмос.

Монстр попытался схватить меня рукой, но я откатился в сторону и вонзил лезвие ему в бедро.

Я ожидал, что он рассыплется в прах, но это чудовище оказалось слишком огромным и могучим.

— Хватай Аннабет! — крикнул я Гроуверу.

Гроувер бросился к Аннабет, сграбастал ее кепку-невидимку и приподнял девушку, пока мы с Клариссой пытались отвлечь Полифема.

Вынужден признать — Кларисса оказалась отважным бойцом. Она раз за разом атаковала циклопа. Он топал ножищами, старался схватить ее, но она была проворней. И каждый раз, когда она бросалась в атаку, я использовал это, чтобы вонзать Анаклузмос в пятку, лодыжку или руку монстра.

Но вечно так продолжаться не могло. В конце концов либо мы устанем, либо Полифем не промахнется. Ему достаточно одного удара, чтобы прихлопнуть нас как мух.

Краешком глаза я увидел, как Гроувер тащит Аннабет через подвесной мост. С моей точки зрения, выбор не идеальный, учитывая овец-людоедов на другой стороне, но в данный момент это было лучше, чем оказаться по эту сторону пропасти... И тут мне в голову пришла мысль.

— Отходим! — крикнул я Клариссе.

Она откатилась в сторону как раз тогда, когда кулак циклопа обрушился на оливковое деревце рядом с ней.

Мы кинулись к мосту, Полифем гнался за нами по пятам. Он был весь в порезах и прихрамывал от множественных ран, но наши действия лишь замедлили его бег и еще больше разъярили.

— В порошок сотру! — выкрикивал он. — Да будь он проклят вовеки, этот Никто!

— Быстрее! — велел я Клариссе.

Мы ринулись вниз по холму. Мостик представлялся мне нашим единственным спасением. Гроувер только что перебрался на другую сторону и приводил Аннабет в чувство. Нам тоже надо было пробежать через расселину прежде, чем великан нас настигнет.

— Гроувер! — изо всей мочи завопил я. — Достань нож Аннабет!

Сатир вытаращил глаза, когда увидел настигавшего нас циклопа, но кивнул, что понял меня. Пока мы с Клариссой вприпрыжку бежали по мосту, Гроувер начал резать веревки.

Первая петля лопнула.

Полифем бросился за нами, бешено раскачивая мост.

Веревки были уже наполовину перерезаны. Мы с Клариссой спрыгнули на твердую почву, приземлившись рядом с Гроувером. Я со всех сил взмахнул мечом и рассек остальные веревки.

Мостик свалился в расселину, а циклоп... взвыл от удовольствия, потому что стоял рядом с нами.

— Проиграл! — ликующе завопил он. — Никто проиграл!

Кларисса и Гроувер сделали попытку атаковать его, но монстр отмахнулся от них, как от надоедливых насекомых.

Во мне разгорелся гнев. Просто не верилось, что я проделал такой путь, потерял Тайсона, столько всего пережил только для того, чтобы потерпеть неудачу — попасть в лапы огромному глупому чудовищу в нелепой голубой накидке. Никто не смеет так обращаться с моими друзьями! То есть *никто*, а не Никто. Впрочем, вы понимаете.

Тело мое ощутило прилив сил. Занеся Анаклузмос, я бросился на Полифема, забыв о том, что силы наши безнадежно не равны. Я пырнул циклопа лезвием в брюхо. Когда он согнулся пополам, я с силой заехал ему по носу эфесом меча. Я разил снова и снова, пока не понял, что Полифем, хрипя, распростерся на спине, с помутившимся взором, а я стою над ним, нацелив острие меча прямо в его глаз.

— Ууууууууууу — застонал Полифем.

— Перси! — изумленно выдохнул Гроувер. — Как ты смог?..

— Пожалуйста, неееет! — простонал циклоп, жалостно глядя на меня снизу вверх. Из носа у него текла кровь. Слезы скопились в углу

полуслепого глаза. — Я... я нужен своим овечкам. Я только старался защитить своих овечек!

Он начал всхлипывать.

Я победил. Теперь требовалось только одно: нанести быстрый колющий удар.

— Убей его! — выкрикнула Кларисса. — Чего ты ждешь?

Стенания циклопа надрывали мне душу так же, как... как рыдания Тайсона.

— Он циклоп! — предупредил Гроувер. — Не доверяй ему.

Я знал, что он прав. Знал, что Аннабет сказала бы то же самое.

Но Полифем захлебывался слезами... и до меня впервые дошло, что он ведь тоже сын Посейдона. Как Тайсон. Как я. Как мог я просто так, хладнокровно зарезать его?

— Нам нужно только руно, — сказал я монстру. — Ты согласен отдать нам его?

— Нет! — запротестовала Кларисса. — Убей его!

— Мое прекрасное руно, — засопел Полифем. — Гордость моей коллекции. Возьмите его, жестокосердные люди. Возьмите и ступайте с миром.

— Я буду отступать медленно, — предупредил я циклопа. — Одно неосторожное движение...

Полифем согласно закивал.

Я стал понемногу отступать, и тут Полифем вскочил и со стремительностью кобры оттеснил меня к краю скалы.

— Глупый человек! — проревел он. — Отдать тебе мое руно? Ха! Сначала я тебя съем!

Он разинул пасть, и я понял, что его гнилые коренные зубы — последнее, что мне суждено увидеть в жизни.

Затем что-то со свистом пронеслось над моей головой и — бух!

Обломок скалы размером с волейбольный мяч влетел Полифему в глотку — чистый трехочковый бросок. Циклоп поперхнулся, стараясь проглотить неожиданную пилюлю. Он пошатнулся, пытаясь отступить назад, но отступать было некуда. Его пятки соскользнули, край скалы обрушился, и великий Полифем, по-птичьи взмахивая руками, рухнул в расселину.

Я обернулся.

На половине пути вниз, к пляжу, прямо посередине стада овец-убийц, стоял мой старый друг, живой и невредимый!

— Полифем плохой, — сказал Тайсон. — Не все циклопы такие

хорошие, как кажутся.

* * *

Тайсон вкратце рассказал нам свою историю. Водяной конь Радуга, который явно следовал за нами от самого Лонг-Айленда, ожидая, что Тайсон с ним поиграет, увидел, как он тонет под обломками «Бирмингема», и спас его. С тех пор они вместе искали Море чудовищ, пока Тайсон не учуял запах овец и они не нашли остров.

Мне захотелось крепко обнять этого большого дурачка, но он стоял, окруженный овцами-людоедами.

— Слава богам, Тайсон. Но Аннабет ранена!

— Ты благодаришь богов за то, что она ранена? — озадаченно спросил он.

— Да нет же!

Я опустился на колени рядом с Аннабет и всерьез разволновался. Порез на лбу оказался глубже, чем я ожидал. Волосы ее образовали засохшую от крови коросту. Кожа Аннабет была бледной, холодной и влажной на ощупь.

Мы с Гроувером тревожно переглянулись. Затем меня осенило.

— Тайсон, руно! Ты можешь принести его мне?

— Какое руно? — спросил Тайсон, оглядывая сотни обступивших его овец.

— То, которое на дереве! — Я ткнул пальцем в сторону дуба. — Золотое!

— Конечно. Да.

Тайсон побрел к руно, стараясь не наступать на овец. Если б любой из нас попытался приблизиться к нему, нас съели бы заживо, но, полагаю, от Тайсона пахло так же, как и от Полифема, потому что стадо не проявило к нему никакого интереса. Хищницы только жались к циклопу и преданно блеяли, словно рассчитывая получить овечье лакомство из большой плетеной корзины. Тайсон подобрался к дереву и снял руно с ветки. Листва дуба моментально пожелтела. Мой друг побрел ко мне, но я крикнул во всю глотку:

— Некогда! Бросай!

Золотое баранье руно проплыло по воздуху, как сверкающий лохматый шмель. Я поймал его. Оно оказалось тяжелее, чем я ожидал, — шестьдесят или семьдесят фунтов драгоценной золотой шерсти.

Я укрыл им Аннабет, оставив свободным только лицо, и про себя стал молиться всем известным мне богам, даже тем, кого недолго любил: «Пожалуйста!.. Умоляю!..»

На щеках Аннабет вновь заиграл румянец. Веки приподнялись, затрепетав. Рана на лбу стала затягиваться.

— Ты так... и не вышел замуж? — слабо спросила она, увидев Гроувера.

— Нет, — усмехнулся Гроувер. — Друзья отговорили.

— Аннабет, — сказал я, — просто полежи спокойно.

Но, несмотря на наши протесты, она села, и я заметил, что порез у нее на лице почти зажил. Выглядела Аннабет намного лучше. Собственно говоря, она светилась здоровьем, будто кто-то впрыснул ей в вены золотистый раствор.

Между тем овцы все настойчивее стали донимать Тайсона.

— Пошли прочь! — крикнул он, когда они пытались забраться на него в поисках пищи.

Некоторые людоедки принялись, поглядывая в нашу сторону.

— Брось овец! Иди сюда! Скорее!

Овцы слушались его, но явно были голодны, и мало-помалу до них доходило, что у Тайсона нет при себе лакомства для них. Они не смогли бы долго сдерживаться, чуя столько свежатины поблизости.

— Надо идти, — сказал я. — Наш корабль...

«Месть королевы Анны» была очень далеко. Кратчайший путь до нее вел через расселину, а мы только что разрушили единственный мост. Оставалась лишь одна возможность — прорваться сквозь стадо.

— Тайсон, — окликнул я его, — не мог бы ты отвести стадо куда-нибудь подальше?

— Овцы хотят есть.

— Знаю! Они хотят человечины! Просто уведи их с тропинки. Чтобы мы успели добежать до берега. А потом нас догонишь.

Тайсон посмотрел на меня с сомнением, но свистнул.

— Пошли, овечки! Еда там!

Он трусцой побежал в луга, овцы устремились за ним.

— Закутайся в руно, — попросил я Аннабет. — Просто вдруг ты еще не совсем здорова. Стоять можешь?

Она попыталась встать, но снова побледнела.

— Ох, нет, похоже, не могу.

Кларисса опустилась рядом и стала щупать ее ребра, Аннабет тяжело задыхалась.

— Ребра сломаны, — доложила дочь Ареса. — Сейчас они заживают, но все равно сломаны.

— Откуда ты знаешь?

Кларисса бросила на меня испепеляющий взгляд.

— Потому что сама ломала, недотепа! Я ее понесу.

Не успел я возразить, как она взвалила Аннабет на спину, как мешок с мукой, и потащила к берегу. Мы с Гроувером последовали за ними.

Как только мы подошли к воде, я сосредоточился на корабле. Приказал ему сняться с якоря и подплыть к нам. Через несколько волнительных минут я увидел, как судно огибает оконечность острова.

— Принимайте новенького! — завопил Тайсон.

Он неся по тропинке навстречу нам, овцы отставали футов на пятьдесят, отчаянно блея, потому что их друг циклоп не накормил их.

— Скорей всего, они не полезут за нами в воду, — сказал я остальным. — Нам нужно только доплыть до судна.

— С Аннабет в таком состоянии? — запротестовала Кларисса.

— Мы сможем, — твердо повторил я. Ко мне снова вернулась уверенность. Я был дома, в родной стихии. — Как только доберемся до корабля, будем свободны как ветер.

И это нам почти удалось.

Едва мы ступили в воду, как услышали ужасающий рев и увидели Полифема, ободранного и всего в синяках, но живехонького. Бледно-голубая накидка висела на нем клочьями, но он решительно трусил к нам, держа в каждой руке по валуну.

Глава шестнадцатая

Я ныряю вслед за кораблем

— Прямо как черт из табакерки! — пробормотал я.

— Поплыли! — поторопил Гроувер.

Они с Клариссой погрузились в волны прибоя. Аннабет обхватила Клариссу за шею и старалась подгрести одной рукой, мокрое руно тянуло ее ко дну.

Но внимание чудовища было приковано не к руно.

— Ты, молодой циклоп! — прорычал Полифем. — Предатель рода циклопов!

Тайсон застыл как вкопанный.

— Не слушай его! — взмолился я. — Давай пошли!

Я схватил Тайсона, но с тем же успехом мог бы попытаться сдвинуть с места гору. Он повернулся лицом к старому циклопу.

— Я не предатель.

— Ты служишь смертным, — крикнул Полифем. — Воруешь для них!

Полифем швырнул первый валун. Тайсон отмахнулся от него кулаком.

— Я не предатель, — повторил он. — И мы с тобой не одного рода.

— Победа или смерть! — Полифем бросился в волны.

Но нога у него все еще не зажила. Он тут же споткнулся и упал ничком. Это было бы забавно, если бы он не попытался встать снова, отплевываясь от соленой воды и рыча.

— Перси! — заорала Кларисса. — Давай!

Они уже почти добрались до корабля с руном. Если бы я мог отвлечь монстра еще ненадолго...

— Иди, — сказал мне Тайсон. — Я задержу Большого Урода.

— Нет! Он убьет тебя! — Однажды я уже потерял Тайсона. Повторяться мне не хотелось. — Сразимся с ним вместе.

— Вместе, — согласился Тайсон.

Я обнажил меч.

Полифем приближался осторожно, хромая так, как он еще никогда не хромал. Но руки, которыми он швырял камни, нисколько не пострадали. Просвистел второй валун. Я отскочил в сторону, но если бы Тайсон не отразил удар кулаком, от меня все равно осталось бы мокрое место. Валун разлетелся фонтаном осколков.

Я отдал приказ приливу. Двадцатифутовая волна подняла меня на

своим гребнем. Подлетев к циклопу, я ударил его в глаз и перепрыгнул через его голову, между тем мощная стена воды выбросила монстра на берег.

— Чтоб ты сдох! — брызгая слюной, крикнул Полифем. — Вор!

— Это ты украл руно, — заорал я в ответ. — Ты использовал его, чтобы приманивать сатиров, которых губил!

— Ну и что? Больно уж они вкусные!

— Руно должно исцелять! Оно принадлежит детям богов!

— Я — дитя богов! — Полифем бросился на меня, но я отступил в сторону. — Отец Посейдон, прокляни этого вора!

Теперь он постоянно мигал, будто еле видел, и я понял, что циклоп целится, ориентируясь на звук моего голоса.

— Посейдон не проклянет меня, — сказал я, пятясь, пока циклоп хватал руками воздух. — Я тоже его сын. Он не станет выбирать себе любимчиков.

Полифем взревел. Он вырвал оливковое дерево из скалы и долбанул им по тому месту, где я только что стоял.

— Люди не те пошли! Мерзкие хитрые лгуны!

Гроувер помогал Аннабет взобраться на борт. Кларисса неистово махала мне, чтобы я тоже поскорее подплывал.

Тайсон кружил вокруг Полифема, стараясь зайти сзади.

— Эй, молодой! — крикнул старый циклоп. — Ты где? Помоги мне!

Тайсон остановился.

— Тебя плохо воспитали! — взвыл Полифем, потрясая своей оливковой дубиной. — Бедный брат, сиротинушка! Помоги!

Никто не пошевелился. Единственными звуками были шум прибоя и биение сердца у меня в груди. Затем Тайсон шагнул вперед, поднимая руки в знак мирных намерений.

— Не надо сражаться. Циклопы — братья. Опустите...

Полифем дважды повернулся, следя за его голосом.

— Тайсон! — предупреждающе выкрикнул я.

Дерево таранило его с такой силой, что меня оно просто расплющило бы, превратив в пиццу под названием «Перси» с бесплатными оливками. Тайсон отлетел назад, пропахав в песке глубокую борозду. Полифем бросился за ним, но я крикнул «нет!» и как можно дальше выбросил вперед меч. Я надеялся нанести монстру колющую рану в заднюю поверхность бедра, но подпрыгнул немного выше.

Полифем заблеял точь-в-точь как его овцы и ринулся на меня со своим деревом.

Я попытался уклониться, но несколько изломанных сучьев зацепили

меня сзади. Из ран у меня шла кровь, я был весь в синяках, и силы мои кончались. Сидевшая внутри меня морская свинка хотела бы удрать с поля боя, да побыстрее. Но я преодолел страх.

Циклоп снова замахнулся деревом-дубинкой, но на сей раз я оказался начеку. Ухватившись за пролетавшую мимо ветку и не обращая внимания на боль в руках, я позволил циклопу подбросить меня в воздух и одним рывком оказался в небесах. В верхней точке дуги я спрыгнул прямо на лицо исполина, обеими ногами приземлившись на его и без того подбитый глаз.

Полифем взвыл от боли. Тайсон схватил его сзади и попытался повалить. Я плюхнулся на землю рядом с ними, с мечом в руке, в непосредственной близости от сердца циклопа. Но, как и Тайсон, я понимал, что не могу убить его. Это было бы неправильно.

— Отпустим его, — сказал я Тайсону. — Бежим.

Последним мощным движением Тайсон оттолкнул сыплющего проклятиями старого циклопа, и мы помчались к полосе прибоя.

— Мокрого места от вас не оставлю! — пронзительно крикнул Полифем, корчась от боли. Одной ручищей он прикрывал свой единственный глаз.

Мы с Тайсоном бросились в волны.

— Где ты? — завопил Полифем.

Он схватил свою палицу и швырнул ее в воду. Подняв фонтан брызг, она плюхнулась справа от нас.

Я обратился с мольбой к течению, чтобы оно помогло нам, и мы стали набирать скорость. Я уже начал было думать, что мы доберемся до судна, когда Кларисса выкрикнула с палубы:

— Эй, Джексон! Берегись циклопа!

«Заткнись!» — мысленно заорал я.

— РАРРР! — Полифем подобрал еще один камень.

Он бросил его в направлении, откуда доносился голос Клариссы, но камень не долетел, чуть не попав в меня и Тайсона.

— Слабак ты! — продолжала громко издеваться Кларисса. — Камень и то добросить не можешь, а еще собирался на мне жениться, кретин!

— Кларисса! — завопил я, не в силах это слышать. — Заткнись.

Слишком поздно! Полифем швырнул еще один валун, и мне оставалось только беспомощно наблюдать, как, пролетев над моей головой, он врезался в корпус «Королевы Анны».

Вы даже не представляете, как быстро может затонуть судно. Послышался хруст, и «Месть королевы Анны», издав тяжкий стон, накренилась носом вперед.

Я проклял все на свете, прося море как можно скорее поднять судно на поверхность, но мачты уже почти скрылись под волнами.

— Ныряй! — скомандовал я Тайсону.

Когда следующий обломок скалы пролетел над нашими головами, мы были уже под водой.

* * *

Мои друзья тонули быстро, безуспешно пытаюсь держаться на плаву в пузырящемся водовороте, который возник на месте крушения.

Немногие понимают, что происходит, когда корабль идет ко дну: образуется водоворот, как в сливном отверстии в умывальнике, вниз утягивается все, что есть на поверхности. Кларисса была сильной пловчихой, но даже она с трудом сопротивлялась волнам. Гроувер неистово бил копытами. Аннабет держалась за руно, которое вспыхивало в воде, как волна новеньких монеток.

Я подплывал к ним, сознавая, что у меня может не хватить сил, чтобы спасти всех. Дело усугублялось тем, что вокруг них вращались обломки древесины; как бы вольготно я ни чувствовал себя в воде, вряд ли кто-то поможет мне самому, если меня долбанет по голове какой-нибудь балкой.

«Нам нужна помощь», — подумал я.

«Да», — громко и отчетливо раздался у меня в ушах голос Тайсона.

Я изумленно взглянул на него. Раньше мне приходилось слышать, как nereиды и другие водяные духи разговаривают со мной под водой, но я никогда не думал... Но Тайсон тоже был сыном Посейдона. Значит, мы могли общаться.

«Радуга», — позвал Тайсон.

Я кивнул, закрыл глаза и сосредоточился, добавив свой голос к голосу Тайсона:

«Радуга, ты нужна нам!»

И тут же в подводной полутьме замерцали очертания трех коней с рыбьими хвостами, плывущих быстрее, чем дельфины. Радуга и ее друзья посмотрели в нашу сторону и, кажется, прочли наши мысли. Они проворно нырнули, и через несколько секунд в водовороте пузырьков появились Гроувер, Аннабет и Кларисса, каждый из них держался за шею водяного коня.

Радуга, как самая большая, досталась Клариссе. Морское животное подплыло к нам и позволило Тайсону ухватиться за свою гриву. Ее друг, на

котором ехала Аннабет, сделал то же для меня.

Очутившись на поверхности, мы стремглав помчались прочь от острова Полифема. Сзади доносились торжествующие вопли циклопа.

— Наконец-то мне это удалось! Я потопил Никто!

Я надеялся, что он никогда не обнаружит свою ошибку.

Мы скользили по водной глади, и вскоре остров сжался до размеров небольшого пятнышка, а потом и вовсе исчез.

— Получилось, — пробормотала Аннабет из последних сил. — Мы...

И, припав к шее морского коня, она моментально уснула.

Я не знал, как далеко смогут отвезти нас водяные кони. Не знал, куда мы направляемся. Я просто поддержал Аннабет, чтобы она не свалилась, завернул получше в золотое руно, ради которого мы столько претерпели, и молча вознес благодарственную молитву.

Это напомнило мне, что у меня есть должок перед богами.

— Ты гений, — негромко сказал я, обращаясь к Аннабет.

Затем положил голову на руно и не успел заметить, как тоже уснул.

Глава семнадцатая

Сюрприз в Майами-бич

— Перси, проснись!

В лицо мне плеснули соленой водой. Аннабет трясла меня за плечо.

Вдалеке виднелся город. За линию горизонта опускалось солнце. Я разглядел обсаженное пальмами шоссе вдоль пляжа, витрины магазинов с красными и синими неоновыми огнями, пристань, вокруг которой сгрудились лодки и круизные суда.

— Думаю, это Майами, — сказала Аннабет. — Но морские кони ведут себя презабавно.

Верно, наши друзья с рыбьими хвостами сбавили ход, ржали и плавали кругами, обнюхивая воду. Вид у них был не то чтобы обрадованный. Один чихнул. Я мог с уверенностью сказать, о чем они думают.

— Дальше они нас не повезут, — объяснил я. — Слишком много людей. Слишком высокая степень загрязненности среды. Придется плыть до берега самим.

Ни у кого из нас это не вызвало прилива энтузиазма, однако мы поблагодарили Радугу и ее друзей за то, что они доставили нас сюда. Тайсон всплакнул. Он отвязал свою самодельную суму, где лежали его инструменты и пара вещичек, которые ему удалось спасти после крушения «Бирмингема». Потом крепко обнял Радугу за шею, дал ей насквозь пропитанный водой плод манго, который подобрал на острове, и попрощался.

Когда белые гривы морских коней скрылись под водой, мы поплыли к берегу. Волны подталкивали нас вперед, и мы глазом моргнуть не успели, как вернулись в привычный мир. Мы брели вдоль доков, где стояли круизные суда, проталкиваясь сквозь толпу людей, приехавших сюда отдыхать. Вокруг сновали носильщики с тележками, доверху груженными багажом. Шоферы такси громко переругивались по-испански, стараясь влезть без очереди и перехватить пассажира. Если кто-нибудь и заметил нас — пятерых подростков, с которых капала вода и которые выглядели так, будто только что сражались с чудовищами, — то это никак не проявилось.

Теперь, когда мы снова оказались среди людей, единственный глаз Тайсона скрыло туманом. Гроувер надел свою кепку и кроссовки. Даже руно преобразилось из овечьей шкуры в красно-золотой пиджак

старшеклассника с большой блестящей буквой «Омега» на кармане. Подбежав к ближайшему газетному киоску, Аннабет проверила дату по «Майами геральд».

— Черт, восемнадцатое июня! Нас не было в лагере десять дней!

— Не может быть! — удивилась Кларисса.

Но я знал, что это возможно. Там, где обитают чудовища, время идет по-иному.

— Дерево Талии уже, наверное, погибло, — застонал Гроувер. — Мы должны доставить руно в лагерь сегодня вечером.

Кларисса тяжело опустилась на тротуар.

— И как вы намерены это сделать? — Голос ее дрожал. — До лагеря сотни миль, а у нас ни копейки денег. Доехать не на чем. Все получилось в точности, как сказал оракул. Это ты виноват, Джексон! Если бы ты не совался не в свои дела...

— Перси виноват?! — взорвалась Аннабет. — Как ты можешь говорить это, Кларисса? Ты самая...

— Прекратите! — велел я.

Кларисса обхватила голову руками. Аннабет в отчаянии топнула ногой.

А ведь я едва не позабыл, что поиск доверен Клариссе! Я взглянул на вещи с ее точки зрения и испытал неприятное ощущение. Как бы я себя чувствовал, если бы банда других героев встряла в мой поиск и выставила бы меня дураком?

Я вспомнил вопли Ареса, подслушанные в бойлерной «Бирмингема». Он категорически предупреждал Клариссу, что она обязана справиться с поручением. На лагерь Аресу наплевать, но если Кларисса бросит тень на его репутацию...

— Кларисса, — спросил я, — что именно сказал тебе оракул?

Она подняла голову. Я подумал, что она пошлет меня подальше, но вместо этого Кларисса набрала полную грудь воздуха и прочла пророчество:

Ты поплывешь на стальном судне с мертвыми воинами,
Найдешь то, что ищешь, и оно будет твоим,
Но разочарование увенчает твою жизнь, как могильный камень,
Ибо не видать тебе успеха без друзей и, одинокий, обратишь ты
стопы к дому.

— Ого, — пробормотал Гроувер.

— Нет, — сказал я. — Нет... постойте минутку. Я все понял.

Я порылся у себя в карманах в поисках денег, но нашел только золотую драхму.

— У кого-нибудь есть наличные?

Аннабет и Гроувер мрачно покачали головами. Кларисса вытащила из кармана размокший доллар Конфедерации и вздохнула.

— Наличные? — нерешительно спросил Тайсон. — Такие... зеленые бумажки?

— Да. — Я уставился на него.

— Вроде тех, которые были в сумках?

— Да, но мы потеряли эти сумки...

Я просто обалдел, когда Тайсон, порывшись в своей суме, вытащил кошелек, набитый наличными, которыми нас снабдил Гермес.

— Тайсон! — воскликнул я. — Как ты умудрился?..

— Думал, что это корм для Радуги, — ответил он. — Плавало в море, но внутри одна бумага. Прости.

Он передал мне банкноты. Пятерки, десятки — по меньшей мере триста долларов!

Я подбежал к поребрику и ухватился за дверцу такси, которое только что высадило семью, вернувшуюся из круиза.

— Кларисса! — что было мочи закричал я. — Слушай, ты едешь в аэропорт! Аннабет, дай сюда руно!

Не могу сказать, кто из них больше удивился, когда я взял блестящий пиджак-руно у Аннабет, сунул в его карман наличные и передал Клариссе.

— Ты хочешь, чтобы я... — пробормотала Кларисса.

— Это твой поиск, — ответил я. — Денег у нас только на один билет. Кроме того, я не летаю. Зевс разнесет меня на кусочки. Вот что означало пророчество: ты потерпела бы неудачу без друзей, то есть тебе была нужна наша помощь, но домой ты полетишь одна. Ты должна доставить руно в лагерь в целости и сохранности.

Я мог проследить ход ее мыслей: сначала она отнеслась к моему предложению подозрительно, гадая, какую хитрость я задумал на этот раз, затем наконец решила, что я говорю правду.

Она села в такси и помахала нам рукой.

— Положитесь на меня! Я не подведу! Такси вырулило со стоянки и скрылось в облаке выхлопного газа. Руно отправилось в путь.

— Перси, — медленно проговорила Аннабет, — это было так...

— Благородно? — подсказал Гроувер.

— Безумно, — поправила Аннабет. — Ты рискуешь жизнью всех

обитателей лагеря, полагаясь на то, что Кларисса привезет руно в целости и сохранности сегодня вечером.

— Это ее поиск. — Я помотал головой. — Она заслуживает шанса.

— Перси хороший, — веско сказал Тайсон.

— Слишком уж хороший, — проворчала Аннабет, хотя я не мог отделаться от мысли, что это произвело на нее кое-какое впечатление.

Так или иначе, мне удалось удивить Аннабет. А это не так-то просто.

— Пойдем, — сказал я. — Нам надо отыскать другой путь домой.

Но не успел я обернуться, как почувствовал, что к моему горлу приставлено острие меча.

— Привет, ублюдок, — сказал Лука. — Добро пожаловать домой, в Штаты.

Здоровяки медведи окружили нас с обеих сторон. Один сгреб Аннабет и Гроувера за воротники футболок. Другой попытался схватить Тайсона, но тот отшвырнул его в кучу мусора и, рыча от возмущения, уставился на Луку.

— Перси, — невозмутимо сказал Лука, — скажи своему верзиле, чтобы утихомирился, а не то Орей хорошенько стукнет лбами твоих друзей.

Орей усмехнулся и поднял Аннабет и Гроувера в воздух, те били ногами и кричали.

— Что тебе нужно, Лука? — возмутился я.

Он улыбнулся, шрам на его щеке сморщился.

Лука знаком указал на дальний конец пирса, и я лишь сейчас заметил то, что само собой бросалось в глаза. Самым крупным судном в порту была «Принцесса Андромеда».

— Ну, Перси... Я просто хочу проявить гостеприимство.

* * *

Медвежьи близнецы загнали нас на борт «Принцессы Андромеды». Они швырнули нас на кормовую палубу напротив плавательного бассейна с фонтанами, разбрызгивавшими в воздух сверкающие струи. Дюжина отборных головорезов Луки — люди-змеи, лестригоны, полубоги в боевых доспехах — собралась посмотреть, какой гостеприимный прием нас ожидает.

— Итак, руно, — нараспев произнес Лука. — Где оно?

Он обыскал нас, потыкав в мою рубашку кончиком меча, а затем обшарив джинсы Гроувера.

— Эй, полегче! — крикнул Гроувер. — Там, внизу, настоящая козлиная шерсть!

— Извини, дружище, — улыбнулся Лука. — Просто отдайте мне руно, и я больше не буду мешать вашим... ах да, скромным поискам артефактов.

— Бла-бла-бла! — запротестовал Гроувер. — Какой я тебе «дружище»!

— Может, ты меня не расслышал. — Голос Луки был пугающе спокойным. — Где руно?

— Его здесь нет, — сказал я. Возможно, не стоило ничего ему говорить, но меня так и подмывало бросить ему правду в лицо. — Оно уже далеко. Ты облажался, парень.

Он сощурился.

— Ты врешь. Вы не могли... — Лицо Луки налилось кровью, когда в голову ему пришла ужасная мысль. — Кларисса?!

Я кивнул.

— Так ты доверил?.. ты отдал?..

— Да.

— Агрий!!!

— Да? — Медведь-великан вздрогнул.

— Ступай вниз и приготовь моего боевого коня! Приведи его на палубу. Я должен лететь в аэропорт Майами, живо!

— Но, босс...

— Иди! — завопил Лука. — Или я скормлю тебя дракону!

Человек-медведь поперхнулся и стал неуклюже спускаться по трапу. Лука расхаживал перед бассейном, ругаясь на древнегреческом и сжимая рукоять своего меча так, что даже костяшки пальцев побелели.

Остальная часть его команды пришла в легкое замешательство. Наверное, их начальник еще ни разу так не срывался.

Я напряженно размышлял... Если бы мне удалось использовать гнев Луки, заставить его говорить так, чтобы все услышали, какие безумные и нелепые планы он вынашивает...

Я посмотрел на бассейн, на брызжащие фонтаны, над которыми в лучах заходящего солнца висела радуга, и меня осенило.

— Ты все время обращался с нами как с игрушками, — начал я. — Ты хотел, чтобы мы без лишних хлопот принесли тебе руно.

— Конечно, кретин! — нахмурился Лука. — А вы все изгадили!

— Предатель! — Я выудил из кармана последнюю золотую драхму и бросил ее в Луку.

Как я и ожидал, он легко увернулся. Паря в воздухе, монета исчезла в образованной фонтанами радуге.

Я надеялся, что даже моя молчаливая молитва будет услышана. И я от всего сердца мысленно попросил: «О богиня, прими мою жертву!»

— Ты хотел одурачить нас всех! — закричал я, обращаясь к Луке. — Даже Диониса в Лагере полукровок!

Вода в фонтане за Лукой стала поблескивать, но мне надо было привлечь всеобщее внимание, поэтому я выхватил Анаклузмос.

Лука только усмехнулся.

— Некогда геройствовать, Перси. Брось свой жалкий меч, не то мне придется тебя убить.

— Кто отравил дерево Талии, Лука?

— Конечно я. — Лицо его исказилось злобой. — Я ведь тебе уже говорил. Я использовал яд самого древнего питона, из самых глубин Тартара.

— Хирон к этому непричастен?

— Ха! Ты же знаешь, что он никогда бы этого не сделал. У старого болвана просто кишка тонка.

— «Кишка тонка»? И в этом, по-твоему, заключается мужество? Предать друзей? Подвергать опасности целый лагерь?

— Ты и наполовину не понимаешь, что происходит. — Лука занес меч. — Я собирался позволить тебе взять руно... когда со всем покончу.

Эти слова повергли меня в замешательство. Почему он собирался отдать мне руно? Тут какая-то ложь. Но я не мог позволить ему отвлечься.

— Ты собирался исцелить Кроноса! — заявил я.

— Да! Волшебная сила руна десятикратно ускорила бы процесс его выздоровления. Но ты не остановил нас, Перси! Просто немного затянул представление.

— Значит, ты отравил дерево, предал Талию, устроил весь этот шум — только для того, чтобы помочь Кроносу уничтожить богов?

— Тебе это и так известно, — скрипнул зубами Лука. — Чего ты добиваешься своими вопросами?

— Потому что я хочу, чтобы все собравшиеся тебя слышали.

— Какие собравшиеся?

Тут он прищурился, оглянулся, и все его головорезы сделали то же самое. Затем они ахнули и неуклюже попятились.

Над бассейном, в мерцающем тумане радуги, появилось послание Ириды: Дионис, Тантал и весь Лагерь полукровок, собравшийся в павильоне для трапезы. Молча, оцепенев, все они следили за нами.

— Так-так, — сухо произнес Дионис. — Незапланированное развлечение к ужину.

— Вы слышали его, мистер Д., — сказал я. — Вы все слышали Луку. Дерево отравили не по вине Хирона.

— Полагаю, ты прав, — вздохнул мистер Д.

— Послание Ириды может быть трюком, — предположил Тантал, но внимание его было по большей части приковано к чизбургеру, который он старался загнать в угол обеими руками.

— Боюсь, что нет, — сказал мистер Д., с неудовольствием глядя на Тантала. — Из этого следует, что я должен восстановить Хирона в должности исполнительного директора. Полагаю, все это время мне не хватало игры в безик с этим старым жеребцом.

Тантал поймал чизбургер. Тот больше не пытался ускользнуть от него. Тантал поднял его с тарелки и в изумлении воззрился на чизбургер, словно это был самый большой алмаз в мире.

— Получилось! — хрипло произнес он.

— Мы больше не нуждаемся в твоих услугах, Тантал, — объявил мистер Д.

— Что? Но почему?.. — ошеломленно переспросил Тантал.

— Можешь возвращаться в царство мертвых. Ты уволен.

— Нет! Но... Нееееет!

Растворяясь в тумане, он все еще пытался схватить чизбургер и поднести его ко рту. Но было слишком поздно. Тантал исчез, а чизбургер снова шлепнулся на тарелку. Обитатели лагеря разразились ликующими возгласами.

Лука взревел от ярости. Он рассек мечом радугу, и послание Ириды исчезло. Однако сделанного не воротишь.

Я чувствовал себя прекрасно, пока Лука не повернулся и не метнул на меня убийственный взгляд.

— Кронос был прав, Перси. Ты ненадежное оружие. Тебя следует заменить.

Не могу сказать наверняка, что он имел в виду, и подумать об этом было некогда. Один из его людей свистнул в медный свисток, и двери, ведущие на палубу, распахнулись. Оттуда вывалилась еще дюжина воинов, оцетинившихся медными остриями копий, и окружила нас.

— Ты не уйдешь живым с этого корабля, — прищурился Лука.

Глава восемнадцатая

Разгул лошадиной вечеринки

— Один на один. — Я бросил Луке вызов. — Что, струсил?

Лука презрительно скривил губы. Воины, собиравшиеся убить нас, заколебались, ожидая приказа.

Не успел он ответить мне, как медвежий близнец Агрий вывел на палубу крылатого коня. Впервые я видел совершенно черного, без единого пятнышка пегаса, крылья у него были как у огромного ворона. Жеребец брыкался и ржал. Я понимал, о чем он думает. Он так поносил Агрия и Луку, что Хирон, вероятно, надел бы на него намордник.

— Сэр! — позвал Агрий, уворачиваясь от нацеленного в него копыта. — Ваш конь готов!

Лука не спускал с меня глаз.

— Я еще прошлым летом сказал тебе, Перси, на эту наживку я не клюну.

— Поэтому ты избегаешь поединков? — напирал я. — Боишься, что твои воины увидят, как тебя вздуют?

Лука посмотрел на своих людей и понял, что попался. Если сейчас он отвернется от меня, то будет выглядеть слабаком. Если станет драться со мной, то упустит драгоценное время, чтобы догнать Клариссу. Что касается меня, то я лишь надеялся — мне удастся отвлечь его и тем самым помочь бежать друзьям. Если кто-нибудь и может придумать план, как выбраться отсюда, то это Аннабет. К тому же подспудно я понимал, что Лука прекрасный фехтовальщик.

— Я тебя быстро прикончу, — решил он, занося свой меч.

«Коварный» меч был на фут длиннее моего меча. Его клинок зловеще поблескивал серо-золотым светом там, где человеческая сталь сплавилась с небесной бронзой. Я представлял себе, какое внутреннее противоборство происходит на границе, словно два одинаково заряженных полюса магнитов соединили вместе. Я не знал, как выкован этот клинок, но предчувствие у меня возникало трагическое. Кто-то отдал за это свою жизнь. Лука свистнул, и один из его людей бросил ему щит из бронзовых и кожаных полос.

Сын Гермеса скривил губы в недоброй усмешке.

— Лука, — сказала Аннабет, — по крайней мере, дай ему щит.

— Прости, Аннабет, — ответил он, — на такую вечеринку каждый

приходит со своим.

Отсутствие щита — серьезная проблема. Если дерешься, держа меч двумя руками, то удар выходит более мощный, но если в одной руке у тебя меч, а в другой щит, то имеешь лучшую защиту и маневренность. Больше разнообразия в приемах боя, богаче выбор, возможность убить. Я вспомнил Хирона, который говорил мне, чтобы я остался в лагере и научился как следует сражаться. Теперь придется расплачиваться за то, что я его не послушал.

Лука сделал выпад и чуть не убил меня с первой же попытки. Его меч прошел у меня под рукой, разрезав рубашку и задев ребра.

Я отпрыгнул, затем бросился в контратаку, но Лука резко отбил мой клинок щитом.

— Перси, Перси, — злорадно усмехнулся он. — Похоже, ты давно не упражнялся.

Лука снова напал, метя в голову. Я парировал удар и попытался его достать. Лука легко отступил в сторону.

Задетые ребра покалывало. Сердце бешено колотилось. Когда Лука снова кинулся на меня, я пятился, пока не упал в бассейн, и там ощутил прилив сил. Развернувшись под водой, я взвихрил ее и вынырнул прямо перед Лукой.

Волна была такой силы, что сбила его с ног, и он упал в туче брызг, ничего не видя. Но прежде чем я успел нанести удар, Лука откатился в сторону и снова вскочил на ноги.

Я бросился в атаку и отсек краешек его щита, но это почти не обескуражило Луку. Присев, он рубанул мне по ногам. Внезапно бедро мое словно огнем обожгло, боль была настолько сильной, что я упал. Джинсы над коленом разошлись в прорехе. Меня ранили, в горячке я не успел понять, насколько тяжело. Лука рубанул сверху вниз, но я откатился за шезлонг. Попытался встать, но нога не выдерживала моего веса.

— Перррррси! — в испуге заблеял Гроувер.

Мне снова пришлось откатиться в сторону, и меч Луки рассек шезлонг напополам вместе с металлическими трубками.

Волоча ногу по палубе, я на боку пополз к бассейну, изо всех сил стараясь не потерять сознание. Я никогда не позволил бы себе вырубиться, Лука это знал. Он медленно, с улыбкой продолжал теснить меня. Кончик его меча окрасился красным.

— Хочу, чтобы ты еще кое на что посмотрел, прежде чем умрешь, Перси. — Лука посмотрел на человека-медведя Орея, по-прежнему державшего за шеи Аннабет и Гроувера. — Можешь пообедать прямо

сейчас, Орей.

— Хе-хе! Хе-хе! — Медведь поднял моих друзей в воздух и оскалился. Тут-то и разверзся Аид!

В раскрытую пасть Орея с тонким свистом вонзилась оперенная красным стрела. На его волосатом лице появилось удивленное выражение, и он рухнул на палубу.

— Брат! — взвыл Агрый.

Он ослабил поводья пегаса, тот тут же ударил его копытом в голову и, освободившись, воспарил над Майами-Бич.

На долю секунды телохранители Луки остолбенели и лишь заморожено следили, как тела медвежьих близнецов обращаются в дым.

Затем раздался дикий хор воинственных воплей и оглушительное цоканье копыт по металлу. И с главного трапа на палубу стремительно вылетела дюжина кентавров.

— Лошадки! — восторженно закричал Тайсон.

В моей голове с трудом уместилось все, что я видел. В толпе кентавров я заметил Хирона, однако его сородичи ничем не напоминали моего учителя. Кентавры с вороньими телами, как у арабских скакунов, золотистые с подпалинами, иные — в оранжево-белых пятнах, словно разрисованные красками. На некоторых были цветастые футболки, на них светящимися буквами значилось: «ЛОШАДИ ДЛЯ ВЕЧЕРИНОК. ЮЖНАЯ ФЛОРИДА». Вооружение их тоже пестрело разнообразием: луки, бейсбольные биты, ружья для пейнтбола. У одного лицо размалевано, как у воина команчей, он размахивал длинной оранжевой пенопластовой рукой, выписывая в воздухе большую единицу. Другой, с обнаженным торсом, был целиком вымазан зеленой краской. Третий надел «стрекозиные» авиационные очки, при этом он бешено вращал глазами, а бейсболку, увешанную банками из-под колы и еще черт знает чем, нахлобучил задом наперед.

Они ворвались на палубу такой неистовой и разноцветной толпой, что на мгновение это ошеломило даже Луку. Невозможно было понять, явились ли они на праздник или на битву.

Скорей всего — и то и другое. Когда Лука вскинул меч, призывая свое войско сплотиться, какой-то кентавр выстрелил в него сделанной на заказ стрелой с кожаной боксерской перчаткой вместо наконечника. Она угодила Луке прямо в лицо, и он рухнул в бассейн.

Его воины разбежались. Не мне их винить. Копыта боевого скакуна и без того наводят страх, но, когда перед тобой вооруженный луком кентавр, грозно потрясающий своим оружием, тут уж самый отважный воин

пустится наутек.

— А ну-ка, ребята, расступись! — пронзительно закричал кто-то из банды «лошадей для вечеринок».

И в ход пошли ружья для пейнтбола. Волны синей и желтой краски обрушились на воинов Луки, ослепив их и забрызгав с ног до головы. Они пытались удрать, но только скользили и шлепались на палубу.

Хирон подскакал к Аннабет и Гроуверу, осторожно поднял их и посадил к себе на спину.

Я попытался встать, но раненая нога по-прежнему горела как в огне.

Тут из бассейна выбрался Лука.

— В атаку, идиоты! — приказал он своему войску.

Где-то под палубой затрезвонил большой аварийный колокол.

Я понимал, что подкрепление, вызванное Лукой, может в любой момент нас раздавить. Его воины уже начинали понемногу приходить в себя, надвигаясь на кентавров с обнаженными мечами и пиками.

Тайсон смел дюжину монстров через леера в воды залива. Но по трапам уже поднимались новые бойцы.

— Отступаем, братья! — скомандовал Хирон.

— Так просто ты от меня не уйдешь, старый жеребец! — крикнул Лука.

Он занес меч, но снова получил смачный удар по лицу стрелой с боксерской перчаткой и тяжело плюхнулся в шезлонг.

— Давай, чувак, забирай своего большого друга! — Пегий кентавр водрузил меня к себе на спину.

— Тайсон! — закричал я. — Давай сюда!

Тайсон, бросив двух воинов, которых уже собирался завязать узлом, потрусил за нами. И с разбега запрыгнул на спину кентавра.

— Братан! — простонал кентавр, едва не сядя на задние ноги под весом Тайсона. — Ты хоть когда-нибудь слышал о «диете для похудения»?

Воины Луки тем временем выстраивались в фалангу. Когда они изготовились для атаки, кентавры галопом проскакали к борту и принялись бесстрашно перепрыгивать через леера так, словно это был стиплчез, а не десятипалубное судно. Я был уверен, что мы все погибнем. Мы камнем ринулись с высоты навстречу докам, однако кентавры приземлились на асфальт на удивление мягко и тут же галопом, с боевыми кличами, выкрикивая оскорбления в адрес «Принцессы Андромеды», помчали нас по улицам к центру Майами.

Не могу себе представить, что подумали о нас жители города, когда мы галопом проносились мимо.

После того как кентавры набрали скорость, здания и улицы стали сливаться в расплывчатые пятна. Возникло такое чувство, словно кентавры скакали семимильными шагами и пространство уплотнилось. Не успел я и глазом моргнуть, как Майами остался позади. Мы мчались через заболоченные поля с высокой травой, мимо небольших озер и низкорослых деревьев.

В конце концов мы оказались на трейлерной стоянке на краю озера. Все трейлеры были специально приспособлены для перевозки лошадей, оснащены телевизорами, мини-холодильниками и противомоскитными сетками. Мы находились в лагере кентавров.

— Братан! — ухмыльнулся мой «скакун для вечеринок», освобождаясь от груза, то есть от нас с Тайсоном. — Ты видел этого парня-медведя? Ну и удивленная же у него была рожа, типа: «Это что, у меня стрела во рту застряла?»

Кентавр в «стрекозиных» очках расхохотался.

— Да, это надо было видеть! Чистый нокаут!

Двое кентавров, разогнавшись, со всей силы стукнулись лбами, затем, пошатываясь, разбежались в разные стороны с идиотскими ухмылками.

Хирон вздохнул. Он посадил Аннабет и Гроувера на одеяло. Я сел рядом.

— Как бы мне хотелось, чтобы мои сородичи не сталкивались лбами ради забавы. Иначе последние мозги друг у друга вышибут.

— Хирон, — сказал я, все еще не в силах прийти в себя, — ты спас нас.

В ответ он сухо улыбнулся.

— Ну да, я не могу позволить тебе просто так умереть, особенно после того, как ты восстановил мое доброе имя.

— Но как ты узнал, где мы? — спросила Аннабет.

— Все спланировано заранее, моя дорогая. Я приблизительно прикинул, что вы объявитесь где-то возле Майами, если выберетесь живыми из Моря чудовищ. Почти все странное и чужеродное прибывает к берегам Майами.

— Большое спасибо, — пробормотал Гроувер.

— Нет-нет, — сказал Хирон. — Я имел в виду... А впрочем, не

обращайте внимания. Я действительно рад видеть тебя, мой юный сатир. Дело в том, что мне удалось подслушать сообщение, которое Перси передал через Ириду, и отследить сигнал. Мы с Иридой дружим уже много веков. Я попросил ее предупреждать меня обо всех важных сообщениях в этом районе. А тогда уже не составило особого труда убедить моих сородичей прискакать вам на помощь. Как видите, кентавры могут перемещаться довольно быстро, когда захотят. Для нас расстояния измеряются не так, как для людей.

Я посмотрел на костер, возле которого трое веселящихся кентавров учили Тайсона обращаться с ружьем для пейнтбола. Я надеялся, что они понимают, чем может закончиться эта затея.

— Итак, что мы теперь будем делать? — спросил я Хирона. — Просто позволим Луке уплыть? Он держит на борту этого корабля Кроноса. Или его останки.

Хирон согнул задние конечности и сел, аккуратно сложив передние ноги под собой. Открыв аптечку у себя на поясе, он стал обрабатывать мои раны.

— Боюсь, Перси, сегодня было что-то вроде ничьей. С такими силами мы не могли захватить это судно. А Лука не сумел организовать преследование. Победителей нет.

— Но мы добыли руно! — воскликнула Аннабет. — Кларисса вот-вот вернется с ним в лагерь.

Хирон кивнул, хотя вид у него был обеспокоенный.

— Вы все настоящие герои. И как только Перси окончательно поправится, вы должны вернуться на Холм полукровок. Кентавры отвезут вас.

— И ты тоже вернешься? — спросил я.

— О да, Перси. Я буду рад вернуться домой. Мои собраты здесь совершенно не ценят музыку Дина Мартина. Кроме того, мне нужно переговорить с мистером Д. Остальную часть лета я еще не продумал. Столько работы! И я хотел бы увидеть... любопытно было бы взглянуть на руно.

Не знаю точно, что он имел в виду, но это заставило меня с тревогой вспомнить слова Луки: «Я собирался позволить тебе забрать руно...»

Неужели он попросту лгал? Я уже знал, что Кронос обычно придумывает сложные, хитроумные комбинации. Как матрешка — план внутри плана. Повелителя титанов не случайно прозвали Бесчестным. Он всегда умел заставлять людей плясать под свою дудку, а они даже не подозревали об этом.

Сидевший у костра Тайсон уже вполне освоился с ружьем. Синяя пуля угодила в одного из кентавров, отбросив его прямо в озеро. Он вылез, усмехаясь, весь в тине и синей краске, держа кверху оба больших пальца.

— Аннабет, — вздохнул Хирон, — может быть, вы с Гроувером присмотрите за Тайсоном, пока он и мои сородичи не обучили друг друга всяческим дурным занятиям?

Аннабет взглянула на кентавра. Они без слов поняли друг друга.

— Конечно, Хирон, — ответила она. — Пошли, козленок.

— Но я не люблю пейнтбол.

— Значит, полюбишь, — Аннабет подняла Гроувера на копыта и повела к костру.

— Перси, я говорил с Аннабет на пути сюда. — Хирон закончил бинтовать мою ногу. — Говорил о пророчестве.

«Ах, вот оно что», — подумал я.

— Она не виновата. Я заставил ее рассказать мне.

В глазах Хирона вспыхнуло раздражение. Я не сомневался, что он снова обрушится на меня с упреками, но затем во взгляде его появилась усталость.

— Не мог же я вечно держать это в тайне, — проворчал кентавр.

— Выходит, в пророчестве упоминается и обо мне?

— Хотел бы я знать, Перси. — Хирон запихнул бинты обратно в аптечку. — Тебе еще не исполнилось шестнадцать. Пока мы должны как можно лучше обучить тебя, а будущее пусть решают Мойры.

Мойры. Я уже давно не думал об этих старых дамах, но стоило Хирону произнести это слово, как что-то словно перекалило у меня в голове.

— Так, значит, вот что это значило!

— Что «это»? — нахмурился Хирон.

— То, что случилось прошлым летом. Знамение, явленное Мойрами, когда я увидел, как они перерезают нить чьей-то жизни. Я подумал, это значит, что я умру прямо сейчас, но получается еще хуже. Смерть, которую они предсказывали, настигнет меня в шестнадцать лет.

Хвост Хирона нервно дернулся в траве.

— Ты не можешь быть уверен в этом, мой мальчик. Мы даже не знаем, о тебе ли это пророчество.

— Но другого полукровки, рожденного от кого-либо из Большой тройки, — нет!

— Мы знаем это.

— А Кронос собирается восстать. Он хочет уничтожить Олимп!

— Он попытается его уничтожить, — согласился Хирон. — А заодно и западную цивилизацию, если мы не остановим его. Но мы сделаем это. И ты будешь не одинок в этой битве.

Я понимал, что старый кентавр хочет подбодрить меня, но я помнил слова Аннабет. Все ляжет на плечи одного героя. Одно решение, которое спасет или уничтожит Запад. И я не сомневался, что Мойры каким-то образом предостерегали меня от этого. Должно было произойти нечто ужасное — либо со мной, либо с кем-то из моих близких.

— Я всего лишь подросток, Хирон, — жалобно произнес я. — Какая польза от того, что один-единственный герой-неудачник выступит против самого Кроноса?

Хирон принужденно улыбнулся.

— «Какая польза от одного героя-неудачника?» Джошуа Лоуренс Чемберлен, помнится, сказал мне нечто подобное незадолго до того, как единолично изменил ход вашей Гражданской войны.

Хирон вытащил из колчана стрелу и развернул ее так, что острый как бритва наконечник ярко вспыхнул в пламени костра.

— Небесная бронза, Перси. Оружие бессмертных. А что случится, если ты поранишь этим человека?

— Ничего, — сказал я. — Оно пройдет насквозь — и больше ничего.

— Правильно. Люди существуют на другом уровне, не на том, где живут бессмертные. Их даже нельзя ранить нашим оружием. Но ты, Перси, отчасти бог, отчасти человек. Ты живешь в двух мирах одновременно. Тебе может быть нанесен урон в обоих мирах, и на оба ты сам можешь воздействовать. Вот что делает героев такими особенными. Ты приносишь надежды человечества в чертоги вечности. Чудовища не умирают. Они возрождаются из хаоса и варварства, которые всегда бурлят под покровом цивилизации, и это есть то самое, что делает Кроноса сильнее. Они должны терпеть поражение за поражением, их надо держать в страхе и не подпускать к людям. Герои — воплощение этой борьбы. Ты вступаешь в схватки, в которых человечество должно одерживать победу, — каждое поколение, если оно хочет сохранить человеческий облик. Ты понимаешь?

— Я... я не знаю.

— Попытайся понять, Перси. Потому что вне зависимости от того, о тебе пророчество или нет, Кронос думает, что, возможно, о тебе. И после сегодняшнего дня он окончательно отчаялся склонить тебя на свою сторону. Видишь ли, это единственная причина, по которой он до сих пор не убил тебя. Как только он убедится, что не сможет использовать тебя, он тебя уничтожит.

— Ты говоришь так, будто знаешь его.

— Да, я знаю его. — Хирон поджал губы.

Я уставился на него. Временами я просто забывал, насколько Хирон стар.

— Так вот почему мистер Д. обвинил тебя, когда дерево отравили? Поэтому ты сказал, что некоторые тебе не доверяют?

— Многие.

— Но, Хирон... объясни же мне наконец! Почему они думают, что ты можешь предать лагерь во имя Кроноса?

Глаза Хирона стали бездонными и темно-карими, как будто в них скопилась вся печаль тысячелетий.

— Перси, вспомни, чему тебя учили. Вспомни, как ты изучал мифологию. Как я связан с повелителем титанов?

Я попытался сообразить, но, как всегда, вся мифология перепуталась у меня в голове. Даже сейчас, когда все это было так важно для моей собственной жизни, я с трудом прослеживал связь между именами и событиями. Я потряс головой.

— Уф, кажется, ты обязан Кроносу какой-то милостью? Он сохранил тебе жизнь?

— Перси, — одними губами произнес Хирон, — титан Кронос — мой отец.

Глава девятнадцатая

Состязания колесниц заканчиваются блестяще

Благодаря способности кентавров перемещаться с ураганной скоростью, мы прибыли на Лонг-Айленд сразу после Клариссы. Я ехал верхом на Хироне, но мы почти не разговаривали, особенно насчет Кроноса. Я понимал, что Хирону было нелегко сказать мне это. И не хотел подталкивать его к откровенности, задавая новые вопросы. Я хочу сказать, что встречал множество родителей, которых стоило стыдиться, но Кронос — злобный повелитель титанов, который вознамерился разрушить западную цивилизацию, Таких отцов не приглашают в школу на выпускной вечер.

Когда мы добрались до лагеря, кентавры сгорали от нетерпения, желая встретиться с Дионисом. Они слышали о том, что он закатывал самые безумные вечеринки, но их постигло разочарование. Когда весь лагерь собрался на вершине Холма полукровок, бог вина и виноделия был не в настроении что-либо праздновать.

Лагерю пришлось пережить две нелегкие недели. Мастерская прикладных искусств сгорела дотла после нападения Draco Aionius (что, в моем представлении, приблизительно переводится с латыни как «очень большая ящерица, которая выдыхает всякую дрянь»). В комнатах Большого дома повсюду лежали раненые. Ребята из команды Аполлона, которые слыли лучшими целителями, трудились день и ночь, оказывая первую помощь. И когда мы столпились вокруг дерева Талии, все обитатели лагеря выглядели хмурыми и изможденными.

В тот момент, когда Кларисса повесила золотое руно на нижнюю ветвь, лунный свет, казалось, стал ярче, превратившись из пепельно-серого в потоки жидкого серебра. Прохладный ветерок зашелестел в листьях, пробежался по траве в долину. Все кругом стало красочным и отчетливым — светлячки в лесу, запах клубничных полей, шум морского прибоя.

Постепенно хвоя сосны из бурой стала превращаться в зеленую.

Собравшиеся разразились ликующими криками. Превращение совершалось медленно, однако сомнений быть не могло: волшебная сила руна проникала в древесную ткань, наполняя ее новой силой и очищая от яда.

Хирон приказал, чтобы семь стражей несли круглосуточную охрану дерева на вершине холма, пока он не подыщет подходящее чудовище для

защиты руна. Он сказал, что немедленно разместит в «Олимпиус уикли» соответствующее объявление.

Потом обитатели домика Клариссы отнесли ее на плечах в амфитеатр, где почтили лавровым венком и произнесли множество хвалебных речей в ее честь вокруг костра.

На нас с Аннабет никто не обращал внимания. Словно мы никогда и никуда не уезжали. В каком-то смысле, как мне думается, это был лучший способ отблагодарить нас, поскольку, заметь кто-либо, что мы улизнули из лагеря, чтобы произвести собственный поиск, нас пришлось бы исключить. На самом деле мне не хотелось больше ни внимания, ни славы. Было так приятно хоть раз побыть одним из многих.

Позже, тем же вечером, когда, собравшись у костра, мы слушали, как братья Стоулл рассказывают страшилку про злого короля, которого заживо сожрали дьявольские пирожки, поданные ему к завтраку, Кларисса пихнула меня сзади и шепнула:

— Не думай, Джексон, что Арес просто так забудет про тебя, оттого что ты один раз проявил себя как крутой парень. Я просто жду подходящей возможности, чтобы стереть тебя в порошок.

Я невольно улыбнулся.

— Чего это ты? — подозрительно спросила она.

— Ничего, — ответил я. — Просто хорошо быть дома.

* * *

На следующее утро после того, как «лошади для вечеринок» умчались обратно во Флориду, Хирон огорошил нас объявлением: состязания колесниц будут продолжены по расписанию. Мы все воображали, что гонкам пришел конец после изгнания Тантала, но, оказалось, правильным будет завершить их теперь, после возвращения Хирона и спасения лагеря.

После нашего первого опыта Тайсон не выказал особого желания забираться в колесницу, но все же обрадовался, что нашу команду пополнит Аннабет. Мне предстояло управлять конями, Аннабет — защищаться, а Тайсону отводилась роль механика. Пока я возился с лошадьми, Тайсон укреплял колесницу Афины, оснастив ее целым ворохом специальных «примочек».

Следующие два дня мы тренировались как сумасшедшие. Мы с Аннабет договорились, что если победим, то приз — освобождение от черной работы в течение месяца — будет поделен между двумя домиками.

Поскольку представителей Афины в лагере большинство, меня это вполне устраивало. На приз мне было плевать. Просто хотелось победить.

В ночь перед состязаниями я допоздна задержался в конюшнях. Когда я говорил с лошадьми и последний раз чистил их щеткой, справа за моей спиной раздался чей-то голос:

— Красивые животные — лошади. Жаль, мне так и не пришлось в голову обзавестись ими.

К двери конюшни прислонился мужчина среднего возраста в форме почтальона. Он был худощавый, с курчавыми черными волосами, выбивавшимися из-под белого тропического шлема. На плече его висела почтовая сумка.

— Гермес? — запинаясь, выговорил я.

— Привет, Перси. Не сразу узнал меня без спортивной формы?

— Уф... — Я растерялся, не зная, что делать: то ли преклонить колени, то ли купить у него марки. Затем я догадался, почему он здесь. — Послушайте, повелитель Гермес, что касается Луки... — Бог поднял брови. — Ну, мы видели его, да, конечно, — бормотал я, — но...

— Тебе так и не удалось научить его уму-разуму?

— Ну, скорее, мы пытались убить друг друга во время поединка.

— Понятно. Ты проявил чудеса дипломатии.

— Мне действительно жаль. То есть я хочу сказать, вы сделали нам такие замечательные подарки. И я понимаю, что вам хотелось, чтобы Лука вернулся. Но... он пошел по плохой дорожке. Действительно, по плохой. Он сказал, будто чувствует, что вы бросили его.

Я ожидал, что Гермес рассердится. Думал, что он превратит меня в хомяка, а мне уже изрядно надоело быть грызуном.

Вместо этого он просто вздохнул.

— А у тебя не появляется чувства, что твой отец бросил тебя, Перси?

Удар ниже пояса.

Я едва не сказал: «Всего лишь сотню раз на день».

Я не разговаривал с Посейдоном с прошлого лета. Никогда не был в его подводных чертогах. А потом произошла эта история с Тайсоном — без предупреждения, без объяснения. Просто — хлоп! — и у тебя появляется братец. Мне кажется, это событие заслуживает пусть недолгой, но предварительной беседы.

Чем больше я думал об этом, тем сильнее меня одолевала злоба. Я понял, что мне не хотелось бы услышать похвалы за удачное завершение поиска — похвалы от других обитателей лагеря. Мне хотелось услышать хоть слово от отца. Хотелось, чтобы он заметил меня.

Гермес поправил сумку на плече.

— Перси, тяжелее всего быть богом, потому что зачастую ты вынужден действовать скрытно, косвенно, особенно когда речь идет о твоих собственных детях. Если бы мы вмешивались всякий раз, когда у наших детей возникают трудности... это породило бы лишь новые трудности и новые обиды. Но я верю, если ты хоть немного задумаешься об этом, то увидишь, что Посейдон обращал на тебя внимание. Он отвечал на твои молитвы. Могу только надеяться, что однажды Лука осознает то же по отношению ко мне. Ты все равно напоминал Луке, кто он такой, хотя тебе казалось, что ты не достигаешь цели. Ты говорил с ним.

— Я пытался убить его.

— У родственников всегда все так перемешано, — пожал плечами Гермес. — А вечные семьи — это вечная путаница. Иногда лучшее, что мы можем сделать, это напоминать друг другу, что мы связаны, плохо это или хорошо... и стараться как можно меньше калечить и убивать друг друга.

Как рецепт для создания идеальной семьи его слова не слишком годились. Потом я снова подумал о своем поиске и понял, что, вероятно, Гермес был прав. Посейдон послал морских коней, чтобы помочь нам. Он дал мне такую власть над морем, о которой я и мечтать не мог. И не забывайте про Тайсона. Имел ли Посейдон какую-то цель, когда свел нас? Сколько раз за это лето Тайсон спасал мне жизнь?

Вдали раздался звук раковины, возвещающий начало комендантского часа.

— Тебе пора идти спать, — сказал Гермес. — Я и так за это лето доставил тебе немало хлопот. Сейчас я явился только затем, чтобы доставить вот это.

— Доставить?

— Я посланник богов, Перси. — Гермес достал из своей сумки электронную табличку, на которой расписываются в получении почтовых отправлений, и дал ее мне. — Распишись здесь, пожалуйста.

Я взял стило и только тогда понял, что вокруг него переплелись две крохотные зеленые змейки.

— Ох! — От неожиданности я уронил табличку со стилем.

«Привет», — сказал Джордж.

«Ну ты даешь, Перси, — с упреком произнесла Марта. — Тебе было бы приятно, если б тебя уронили на пол конюшни?»

— О, простите, пожалуйста.

Мне не хотелось дотрагиваться до змеек, тем не менее я поднял стило и табличку. Марта с Джорджем так и скользили у меня между пальцами,

пока не образовали нечто вроде упора, каким заставлял меня пользоваться учитель чистописания во втором классе.

«Ты принес мне крысу?» — спросил Джордж.

— Нет, — сказал я. — Ну, я не нашел подходящую.

«А как насчет морских свинок?»

«Джордж! — проворчала Марта. — Оставь мальчика в покое».

Я расписался и вернул табличку Гермесу.

Взамен он вручил мне синий, как море, конверт.

Руки у меня дрожали. Даже не вскрывая конверт, я мог сказать, что он от отца. Я чувствовал его могущество в прохладной синей бумаге, словно сам конверт был свернут из океанской волны.

— Пусть завтра тебе сопутствует удача, — пожелал Гермес. — Хорошие у тебя лошади, хотя ты извини меня, но я все-таки загляну и в домик Гермеса. — Он лукаво улыбнулся.

«И не слишком расстраивайся, когда прочтешь это, дорогой, — сказала Марта. — Он искренне заботится о тебе».

— Что ты имеешь в виду?

«Не обращай на нее внимания, — влез Джордж. — А на будущее учти: змеи работают за чаевые».

— Да утихомирьтесь вы оба, — велел Гермес. — До свидания, Перси.

Белые крылышки выросли на его шлеме. Гермес начал светиться, а я уже давно познал божественную природу и приготовился увидеть его подлинную форму. Последовала слепящая белая вспышка, и он исчез, а я остался один на один со своими лошадьми.

Я уставился на синий конверт, который держал в руках. Адрес был написан тем же уверенным и изящным почерком, который я уже видел на пакете, присланном мне Посейдоном прошлым летом:

Перси Джексону

Лагерь полукровок

Фарм-роуд 3.141

Лонг-Айленд, Нью-Йорк 11954

Письмо моего отца. Может, он хочет сказать, что я хорошо справился с работой, добыв руно. Объясниться насчет Тайсона или извиниться, что не переговорил со мной раньше? Я так многого ждал от этого письма.

Вскрыв конверт, я развернул бумагу.

Посреди страницы были отпечатаны два слова:

Держись крепче.

На следующее утро все разговоры были только о состязаниях колесниц, хотя обитатели лагеря нервно поглядывали в небо, словно ожидая очередного нашествия стимфалийских птиц. Но никто не появился. Стоял прекрасный летний день, солнце светило вовсю, на небе ни облачка. Лагерь начал обретать прежний вид: поля зеленели сочной и буйной растительностью, белые колонны греческих зданий сверкали, дриады весело перекликались в лесу.

На душе у меня было погано. Всю ночь я пролежал не сомкнув глаз, думая о предостережении Посейдона.

«Держись крепче».

Я-то думал, что он возьмет на себя труд сочинить письмо, а он вместо этого написал два слова.

Змейка Марта сказала, чтобы я не расстраивался. Может, у Посейдона были причины для подобной неопределенности? Может, он точно не знал, против чего предостерегает меня, но чувствовал, будто надвигается что-то значительное, способное полностью выбить меня из колеи, если я не подготовлюсь? Я попытался мысленно сосредоточиться на состязаниях.

Когда мы с Аннабет выехали на дорожку, я восхитился тем, как Тайсон переделал колесницу Афины. Повозка сверкала бронзовой отделкой. Колеса крепились на волшебных подвесках, так что мы скользили по дорожке, не чувствуя выбоин и кочек. Управление лошадьми было так идеально сбалансировано, что колесница поворачивалась при малейшем натяжении поводьев.

Кроме того, Тайсон оснастил нас двумя дротиками, каждый с тремя кнопками на древке. Нажав на первую кнопку, можно было произвести направленный взрыв с выбросом колючей проволоки, которая связывала и запутывала колеса соперника. При нажатии второй вылетало тупое (но очень тяжелое) бронзовое острие, предназначенное для того, чтобы сбить возничего с колесницы. После активации третьей кнопки взвивался крюк, которым можно было зацепить колесницу соперника или выбить ее с

трассы.

Я полагал, что мы превосходно готовы к состязаниям, но Тайсон постоянно предупреждал, чтобы я был осторожнее. Другие команды подготовили и прячут не меньше сюрпризов.

— Возьми, — сказал он перед самым началом скачек.

И вручил мне наручные часы. Сами по себе они выглядели обыкновенно — серебряный с белым циферблат и черный кожаный ремешок, — но как только я увидел их, то понял, над чем Тайсон трудился по ночам целое лето.

Как правило, я не ношу часов. Какая разница, сколько сейчас времени? Но Тайсону я отказать не мог.

— Спасибо, друг.

Надев часы, я обнаружил, что они на удивление легкие и удобные. Я их почти не чувствовал.

— Не закончил вовремя из-за нашего путешествия, — пробормотал Тайсон. — Прости.

— Да брось ты. Без разницы!

— Если тебе потребуется защита во время скачек, нажми на кнопку, — посоветовал Тайсон.

— Ладно. — Я не понимал, как отсчет времени сможет помочь нам, но был тронут заботой Тайсона. Я пообещал ему, что не забуду про часы. — И слушай, Тайсон, хм...

Он посмотрел на меня.

— Я хотел сказать... ну...

Я пытался придумать, как извиниться, что стеснялся его, стеснялся сказать всем, что он мой настоящий брат. Подобрать слова оказалось нелегко.

— Я знаю, что ты скажешь, — смущенно ответил Тайсон. — В конце концов, Посейдон позаботился обо мне.

— То есть?..

— Он послал тебя, чтобы помочь мне. Сделал именно то, о чем я просил.

— Так ты просил Посейдона?.. — Я заморгал от удивления.

— ...чтобы он дал мне друга, — продолжил Тайсон, теребя воротник рубашки. — Молодых циклопов оставляют одних на улицах городов, чтобы они научились мастерить вещи из всякого мусора. Научились выживать.

— Но это так жестоко!

Тайсон с серьезным видом помотал головой.

— Это учит нас ценить благодеяния, не становиться разъявшимися,

злыми и жирными, как Полифем. Но я испугался. Меня постоянно преследовали чудовища. Иногда раздирали когтями...

— Так вот откуда шрамы у тебя на спине!

— Сфинкс с семьдесят второй улицы. — Глаза Тайсона наполнились слезами. — Здоровущий громила. Я молил папу о помощи. Вскоре люди из Мериузер нашли меня. Там я повстречался с тобой. Большую благодать и представить невозможно. Посейдон был щедрым. Он послал мне брата.

Я устоял на часы, которые Тайсон сделал для меня.

— Перси! — крикнула Аннабет. — Идем!

Хирон уже стоял на стартовой черте, готовый дать сигнал.

— Тайсон....

— Иди, — сказал Тайсон. — Ты победишь!

— Я... да, о'кей, дружище. Мы посвятим эту гонку тебе.

Я забрался в колесницу и занял свое место как раз в тот момент, когда Хирон дал сигнал.

Лошади знали, что им делать. Мы выскочили на дорожку так стремительно, что я мог бы и выпасть, если бы руки у меня не были стянуты кожаными поводьями. Аннабет крепко держалась за поручень. Колеса скользили превосходно. Мы прошли первый поворот, на полный корпус колесницы опередив Клариссу, она пыталась отразить атаку дротиков, летевших в нее с колесницы Гермеса, которой управляли братья Стоулл.

— Мы их сделали! — крикнул я, но, как выяснилось, радовался слишком рано.

— Вперед смотри! — выкрикнула в ответ Аннабет.

Метнув первый дротик с цепляющей петлей, она сбила легкую сеть, в которой мы оба могли бы запутаться. Колесница Аполлона пристроилась к нам сбоку. Прежде чем Аннабет успела перевооружиться, воин Аполлона метнул дротик в наше правое колесо. Дротик угодил в цель, но не сломал нам ни единой спицы. Колесница завиляла из стороны в сторону. Я не сомневался, что колесо тут же треснет, но каким-то образом мы продолжали мчаться вперед.

Я нахлестывал лошадей, чтобы не сбавлять хода. Теперь мы шли грудь в грудь с колесницей Аполлона. Дети Гефеста накатывались сзади. Арес и Гермес отставали, мчась вровень: Кларисса затеяла поединок на мечах против вооруженного дротиком Коннора Стоулла.

Если нам еще раз попадут в колесо, то мы непременно опрокинемся.

— Теперь не уйдешь! — заверещал возница Аполлона. В лагере он был первогодком. Я не помнил, как его зовут, но держался он уверенно.

— Верно! — таким же пронзительным криком ответила ему Аннабет.

Она взяла второй дротик — действительно рискованное решение, учитывая, что нам остался целый круг, — и швырнула его в возницу Аполлона.

Меткость у нее была прекрасная. Дротик превратился в тяжелое копье и попал вознице в грудь, выбив его вместе с товарищем по команде из колесницы и заставив сделать обратное сальто. Лошади, почувствовав, что вожжи ослабели, обезумели и ринулись прямо на публику. Обитатели лагеря разбегались, ища убежища, в то время как лошади споткнулись о трибуну для зрителей и позолоченная колесница перевернулась. Лошади галопом помчались обратно в конюшню, волоча ее за собой.

Я с трудом удержал нашу колесницу на втором повороте, несмотря на натужный скрип правого колеса. Пройдя стартовую черту, мы с грохотом вылетели на финальный круг.

Ось скрипела и визжала. Колесо ходило ходуном, это привело к потере скорости, даже несмотря на то что лошади слушались малейшей моей команды, как хорошо отлаженный механизм.

Второй по-прежнему шла колесница Гефеста.

Бекендорф усмехнулся и нажал одну из кнопок на своей доске управления. Из его механических коней вылетели стальные тросы, обвившись вокруг заднего поручня нашей повозки. Когда система лебедек Бекендорфа заработала, нашу колесницу как следует дернуло — ее потянуло назад, в то время как колесница Гефеста приблизилась.

Аннабет выругалась и вытащила нож. Она полоснула по тросам, но они были слишком толстые.

— Мне их не разрезать! — заорала она.

Команда Гефеста находилась теперь в опасной близости: того и гляди, их лошади могли растоптать нашу колесницу.

— Подмени меня, — велел я Аннабет. — Возьми поводья!

— Но...

— Положись на меня!

Она заступила вперед и схватила поводья. Я повернулся, стараясь устоять на ногах, и вытащил Анаклузмос.

Ударив по тросам, я рассек их одним ударом, как нитки, которыми крепится воздушный змей. Нас кинуло вперед, но возница Бекендорфа уже пристроился к нам слева. Бекендорф вынул меч. Он хотел ударить Аннабет, но я парировал его клинок.

Мы приближались к последнему повороту. Преодолеть его казалось невозможным. Я должен был убрать с дороги колесницу Гефеста и в то же

время защищать Аннабет. Бекендорф, конечно, отличный парень, но это совершенно не означало, что он не отправит нас в лазарет, если мы не поостережемся.

Теперь мы шли вровень. Кларисса догоняла нас, наверстывая упущенное.

— Эй, Перси! — крикнул Бекендорф. — Последний подарок на прощание!

И он швырнул в нашу колесницу кожаный мешочек. Содержимое его моментально растеклось по днищу повозки, и от него пошел зеленый дым.

— Греческий огонь! — воскликнула Аннабет.

Я разразился проклятиями. Мне приходилось слышать о том, что может натворить греческий огонь. Я прикинул, что нам остается секунд десять, прежде чем он взорвется.

— Надо избавиться от него! — крикнула Аннабет, но я не мог.

Колесница Гефеста все еще мчалась рядом, дожидаясь той последней секунды, когда их маленький подарок взорвется. Бекендорф отвлекал меня, размахивая мечом. Если я ослаблю оборону и займусь исключительно греческим огнем, Аннабет ранят и мы все равно разобьемся. Я постарался добросить мешочек ногой, но не смог. Он слишком быстро прилип ко дну повозки.

И тут я вспомнил о часах.

Я не знал, чем они могут помочь, но исхитрился нажать кнопку остановки хода. В то же мгновение часы изменились. Они увеличились; металлический ободок начал телескопически расширяться, как объектив старомодной камеры, кожаный ремешок обвился вокруг моего предплечья, и вот я уже держу в руках круглый боевой щит шириной четыре фута, изнутри обитый мягкой кожей, а снаружи — весь из полированной бронзы, покрытой чеканным узором, который мне некогда было рассматривать.

Я успел сообразить только одно: это дело рук Тайсона. Я поднял щит, и меч Бекендорфа с клацаньем ударился об него. Клинок чуть не выпал из рук сына Гефеста.

— Что это? — крикнул он. — Как?..

Сказать что-либо еще я ему не дал. Просто сшиб его с ног своим новым щитом, и он, кувыркаясь, полетел в грязь.

Я собирался обрушить меч на возницу, когда Аннабет предупреждающе выкрикнула:

— Перси!

Из мешочка с греческим огнем полетели искры. Засунув кончик меча внутрь под завязки, я подцепил его и подбросил. Зажигательная бомба

спружинила на гибком лезвии меча и плюхнулась в колесницу Гефеста прямо к ногам возничего. Тот взвизгнул от неожиданности.

В доли секунды он сделал правильный выбор: нырком выпрыгнул из колесницы, которая накренилась и взорвалась в языках зеленого пламени. В механизме металлических лошадей, по всей видимости, произошло короткое замыкание. Они развернулись и поволокли горящие обломки в сторону Клариссы и братьев Стоулл, которым пришлось объезжать их.

Аннабет натянула поводья, чтобы пройти последний поворот. Я напрягся, уверенный, что мы таки опрокинемся, но она каким-то образом удержала лошадей, и мы пересекли финишную черту. Публика взревела от восторга.

Как только наша колесница остановилась, друзья обступили нас плотной толпой. Они принялись нараспев выкрикивать наши имена, но Аннабет удалось перекричать шум.

— Погодите! Послушайте! Дело не только в нас!

Толпа никак не желала успокаиваться, но голос Аннабет звучал громче всех.

— Мы не смогли бы сделать это без помощи! Мы не могли бы выиграть эти состязания, или достать руно, или спасти Гроувера! Мы обязаны тем, что остались в живых, Тайсону! Перси, ну же...

— Моему брату! — сказал я так громко, чтобы все могли услышать. — Тайсону — моему брату.

Щеки циклопа покрылись румянцем. Публика вопила от восторга. Аннабет запечатлела поцелуй на моей щеке. После этого рев стал еще громче. Весь домик Афины поднял меня, Аннабет и Тайсона на плечи и понес к пьедесталу, где нас ждал Хирон, чтобы возложить на наши головы лавровые венки.

Глава двадцатая

Магия руна работает слишком сильно

Тот день, пожалуй, был одним из самых счастливых дней, проведенных мною в лагере, что, вероятно, только подтверждает факт: никогда не знаешь, когда именно стоит ожидать удара.

Гроувер заявил, что сможет провести остаток лета с нами, прежде чем возобновить поиск Пана. Мой друг сатир произвел такое глубокое впечатление на Совет Парнокопытных Старейшин тем, что вернулся живым и расчистил путь будущим исследователям, что ему предоставили двухмесячный отпуск и подарили новый набор тростниковых дудочек. Единственной отрицательной стороной этого события оказалось то, что Гроувер настаивал на своем праве играть на дудочках весь день, а его исполнительское мастерство нисколько не улучшилось. Когда он играл «УМСА»,^[19] клубничные побеги начинали понемногу сходить с ума, цепляя нас за ноги так, будто хотели задушить. Думаю, это была не их вина.

Гроувер признался, что теперь, когда мы одни — лицом к лицу, он может уничтожить эмпатическую связь между нами, но я ответил: если это его устраивает, я против такого рода общения не возражаю. Сатир отложил свои дудочки и в упор посмотрел на меня.

— Но, если я снова окажусь в беде, ты тоже подвергнешься опасности, Перси! Ты можешь умереть!

— Если ты снова во что-нибудь вляпаешься, я хочу об этом знать. И я снова приду тебе на выручку, супермен. Иначе и быть не может.

В конце концов он согласился не уничтожать связь между нами. И вернулся к прежнему занятию — наигрывать «УМСА» растущей клубнике. И мне не понадобилось никакой внутренней связи с растениями, чтобы ощутить, что они думают по поводу музыкальных упражнений моего друга.

* * *

Позже, во время занятий по стрельбе из лука, Хирон отозвал меня в сторону и сказал, что уладил все мои проблемы с преподавателями Мериузер. Школа больше не обвиняет меня во взрыве спортивного зала. И полиция меня больше не разыскивает.

— Как тебе это удалось? — спросил я.

В глазах Хирона промелькнула искорка.

— Я просто предположил, что все эти люди видели в тот день нечто совершенно другое... ну, скажем, взрыв котла, в котором ты совершенно не виноват.

— Так ты просто сказал это, и они купились?

— Я немного поупражнялся с туманом. Когда-нибудь, когда ты будешь готов, я покажу тебе, как это делается.

— То есть я могу вернуться в Мериузер на будущий год?

— О нет, они тебя все-таки исключили. Твой классный руководитель мистер Бонсаи — как же он выразился? — настаивает на том, что у тебя «искаженная карма, разрушающая всю образовательную ауру школы». — Хирон многозначительно приподнял брови и помолчал. — Но проблем с законом у тебя теперь нет, что стало большим облегчением для твоей матушки. Кстати говоря...

Он отстегнул от колчана свой сотовый телефон и дал его мне.

— По-моему, ты давно ей не звонил.

* * *

Надо было пережить только несколько первых минут.

— Перси-Джексон-о-чем-ты-думал-ты-да-же-не-представляешь-как-я-переволновалась-узнав-что-ты-сбежал-из-лагеря-без-разрешения-и-все-ради-того-чтобы-отправиться-на-какие-то-опасные-розыски-и-перепугал-меня-до-полусмерти!..

Но наконец она сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

— Как же я рада, что ты в безопасности!

Великое достоинство характера моей мамы: она не умеет подолгу сердиться. Пробует, конечно, но это не в ее натуре.

— Прости, мам, — сказал я. — Я больше не буду тебя пугать.

— Не обещай мне таких вещей, Перси. Ты сам прекрасно знаешь, что это только ухудшит ситуацию.

Мама постаралась произнести это как можно непринужденнее, но я-то знаю, что она была по-настоящему расстроена.

Я хотел сказать что-нибудь, чтобы утешить ее, но понимал — она права. Будучи полукровкой, я постоянно стану делать то, что заставит ее тревожиться. И с возрастом опасности, которые мне угрожают, только увеличатся.

— Я могу ненадолго заехать домой, — предложил я.
— Нет, нет. Оставайся в лагере. Тренируйся. Делай все, что необходимо. Но на будущий школьный год ты ведь приедешь домой?
— Да, конечно. Если найдется такая школа, которая меня примет.
— Мы что-нибудь подыщем, дорогой, — вздохнула мама. — Какое-нибудь место, где нас еще не знают.

* * *

Что касается Тайсона, обитатели лагеря относились к нему как к герою. Я был бы счастлив по-прежнему жить с ним в одном домике, но в тот же вечер, когда мы сидели на песке в дюне, откуда открывался вид на Лонг-Айленд, Тайсон сделал заявление, которое застало меня врасплох.

— Прошлой ночью я видел во сне папу, — сказал он. — Он хочет, чтобы я навестил его.

Я подумал, уж не шутит ли он, но Тайсон шутить не умел.

— Посейдон обратился к тебе с посланием во сне?

Тайсон кивнул.

— Хочет, чтобы я на оставшуюся часть лета перебрался под воду. Учился бы в кузницах у циклопов. Назвал это ин... ин...

— Интернатом?

— Да.

Я принял это к сведению. Признаюсь, я почувствовал легкую зависть. Посейдон никогда не приглашал меня в свое подводное царство. Но потом я подумал: «Неужели Тайсон уезжает?»

— И когда ты отправляешься? — спросил я.

— Сейчас.

— Сейчас. То есть... прямо сейчас?

— Сейчас.

Я пристально посмотрел на волны, бившиеся о побережье Лонг-Айленда. В лучах заката поверхность воды слегка отливала красным.

— Рад за тебя, дружище, — выдавил я. — Серьезно.

— Тяжело оставлять тебя, мой новый брат. — Голос его дрожал. — Но мне хочется заняться делом. Оружие для лагеря... Оно вам понадобится.

К сожалению, я знал, что Тайсон прав. Руно не разрешило всех проблем лагеря. По-прежнему где-то там был Лука, собиравший войско на борту «Принцессы Андромеды». Кронос по-прежнему обретал новую форму в своем золотом саркофаге. Рано или поздно нам придется с ним

сразиться.

— Ты сделаешь самое лучшее оружие, которое когда-либо видел свет, — сказал я Тайсону. Я с гордостью посмотрел на свои часы. — Спорю, они помимо всего прочего показывают точное время.

— Братья помогают друг другу. — Тайсон шмыгнул носом.

— Ты мой брат, — подтвердил я. — Никто больше в этом не сомневается.

Циклоп хлопнул меня по спине — да так сильно, что я чуть было не свалился на песок. Затем он вытер слезу, готовую скатиться у него по щеке, и встал.

— Используй щит, Перси.

— Конечно, верзила.

— Однажды он спасет тебе жизнь.

Он произнес это как нечто само собой разумеющееся, и я задумался, уж не способен ли единственный глаз циклопа заглядывать в будущее.

Тайсон подошел к самой воде и свистнул. Морской конь по имени Радуга взвился над волной ему навстречу. Я проследил взглядом, как оба они скользят все дальше, в чертоги Посейдона.

Когда Тайсон и Радуга скрылись из виду, я посмотрел на свои новые часы. Я нажал на кнопку, и щит, раскрутившись по спирали, приобрел боевые размеры. На бронзе были отчеканены сцены в древнегреческом стиле, изображавшие наши летние приключения. Аннабет, поражающая ножом лестригона, мое сражение с бронзовыми быками на Холме полукровок, Тайсон верхом на Радуге, мчащийся навстречу «Принцессе Андромеде», «Бирмингем», палящий из пушек по Харибде. Я пробежал пальцами по картинке, изображающей сражение Тайсона с Гидрой, — циклоп держал в высоко поднятой руке коробку с пончиками из «Чудаяда».

Я старался приободриться, но на душе царил печаль. Я понимал, что Тайсона ожидают разные чудеса и диковины на дне океана. Но я уже скучал по тому, что ушло вместе с ним. Его восторг при виде лошадей, умение голыми руками крушить металл и подправлять колесницы... А как он завязывал узлом плохих парней! Я примирился даже с его храпом на соседней койке, таким оглушительным, словно там происходит землетрясение...

— Эй, Перси.

Я обернулся.

На гребне дюны стояли Аннабет и Гроувер. Я подумал, уж не попал ли мне в глаза песок, потому что я постоянно моргал.

— Тайсон... — сказал я им. — Он должен был уйти...
— Мы знаем, — мягко произнесла Аннабет. — От Хирона.
— Кузницы циклопов. — Гроувер передернул плечами. — Кто-то рассказывал, что еда там просто ужасная! А энчилады^[20] вообще нет! Аннабет протянула мне руку.
— Пошли, рыбыи мозги. Пора ужинать.
Мы вернулись к павильону вместе, втроем, как в старые времена.

* * *

В ту ночь буря бушевала, обходя стороной Лагерь полукровок, как и было в обыкновении у бурь. Молнии вспыхивали на горизонте, волны прибоя тяжело ударялись о берег, но ни капли дождя не упало на нашу долину. Мы снова находились под защитой, на сей раз благодаря руну, опечатавшему изнутри наши волшебные границы.

И все же сны мне снились тревожные. Я слышал голос Кроноса, насмехавшийся надо мной из глубин Тартара: «Полифем сидит в своей пещере, юный герой, веря в то, что одержал великую победу. Не предаешься ли ты подобному самообману?»

Леденящий сердце смех титана отдавался в темноте.

Потом сны изменились. Я сопровождал Тайсона на дно моря, ко двору Посейдона. Дворец представлял собой просторное помещение, окутанное синим полумраком, пол которого был выложен жемчугом. И там на коралловом троне восседал мой отец, одетый, как простой рыбак, в шорты цвета хаки и выцветшую от солнца футболку. Я посмотрел в его загорелое, обветренное лицо, глубокие зеленые глаза, и он сказал мне всего два слова: «Держись крепче».

Я проснулся мгновенно.

Кто-то колошматил в дверь домика. Потом она распахнулась, и внутрь, даже не спрашивая разрешения, ворвался Гроувер.

— Перси! — задыхаясь, выговорил он. — Аннабет... там, на холме... она...

Выражение его глаз свидетельствовало: случилось нечто ужасное. В ту ночь Аннабет несла ночное дежурство, охраняя руно. Если что-то случилось...

Я отшвырнул одеяло, кровь стыла у меня в жилах. Натянул какую-то одежду, пока Гроувер, запинаясь, пытался составить связную фразу.

— Она лежит там... просто лежит там...

Я выбежал наружу и помчался к центральному двору, Гроувер старался не отставать. Едва-едва рассвело, но весь лагерь уже переполошился. Видимо, слух о том, что случилось нечто серьезное, быстро распространился. Иные обитатели лагеря поспешно направлялись к Холму полукровок — сатиры, нимфы и герои в странном облачении, состоящем из пижам и боевых доспехов.

Я услышал топот лошадиных копыт, это Хирон галопом скакал за нами, вид у него был мрачный.

— Это правда? — спросил он Гроувера.

В ответ сатир смог только кивнуть.

Я хотел спросить, что происходит, но Хирон схватил меня за руку и без малейших усилий закинул себе на спину. Вместе мы мигом очутились на вершине холма, где уже начала собираться небольшая толпа.

Я ожидал, что руно исчезло с сосновой ветки, но оно по-прежнему висело на месте, поблескивая в первых лучах зари. Разразилась буря, и небо стало кроваво-красным.

— Будь проклят повелитель титанов, — сказал Хирон. — Он снова перехитрил нас, отыграв себе еще один шанс контролировать пророчество.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

— Руно, — ответил Хирон. — Руно слишком хорошо выполнило свою работу.

Мы проскакали вперед, все расступались перед нами. У подножия дерева лежала девушка, кажется, она была без сознания. Другая, в греческих доспехах, стояла рядом с ней на коленях.

Кровь шумела у меня в ушах, я не мог мыслить связно. На Аннабет напали? Тогда почему руно все еще там?

Само дерево выглядело замечательно, полнокровное и здоровое, пропитанное токами, исходившими от золотого руна.

— Руно исцелило дерево, — сказал Хирон режущим слух голосом, — и яд был не единственным, что оно исторгло.

Тут я заметил, что на земле лежит не Аннабет. Она-то как раз была в доспехах и преклонила колени перед девушкой, находившейся без сознания. Увидев нас, Аннабет вскочила и подбежала к Хирону.

— Оно... она... все так неожиданно...

Слезы ручьем катились из ее глаз, но я все еще ничего не понимал. Происходящее слишком ошеломило меня, чтобы я мог вникнуть в его смысл. Соскочив со спины Хирона, я бросился к лежащей на земле девушке.

— Перси, не спеши! — окликнул меня Хирон.

Я опустился на колени рядом с ней. У девушки были короткие черные волосы и веснушки по всему носу. Она была сложена как стайер, легкая и крепкая, а одежда ее представляла какую-то смесь панк-стиля и готики — черная футболка, черные потрепанные джинсы и кожаная куртка с кучей металлических значков рок-групп, про которые я даже никогда и не слышал.

Девушка была не из лагеря. Я не узнавал в ней жительницу какого-нибудь из домиков. И все же у меня возникло престранное чувство, что где-то я ее уже видел...

— Все правильно, — сказал за моей спиной Гроувер, задыхаясь после подъема на холм. — Но просто не верится...

Никто больше к девушке не приблизился.

Я положил руку ей на лоб. Он был холодным, но кончики пальцев у меня защипало как от ожога.

— Ей нужны нектар и амброзия, — сказал я.

Совершенно очевидно, что она была полукровкой, не важно, из лагеря или нет. Я почувствовал это по одному прикосновению. И я не понимал, почему все так напуганы.

Я взял девушку за плечи и усадил, голова ее лежала на моем плече.

— Ну, чего вы встали? — выкрикнул я остальным. — Что с вами, ребята? Давайте перенесем ее в Большой дом.

Никто не шелохнулся, даже Хирон. Все словно впали в ступор.

Затем девушка прерывисто вздохнула. Закашлялась и приподняла веки.

У нее были яркие, невероятно голубые глаза.

Девушка удивленно уставилась на меня, ее била дрожь, взгляд казался полубезумным.

— Кто ты?..

— Меня зовут Перси, — сказал я. — Теперь ты в безопасности.

— Какой странный сон...

— Все о'кей.

— ...будто я умираю.

— Нет, — заверил я ее. — С тобой все в порядке. Как тебя зовут?

В этот момент я и понял. Даже прежде чем она ответила.

Голубые глаза девушки смотрели на меня в упор, и я осознал, зачем затевались все эти поиски золотого руна. И попытка отравить дерево тоже. Кронос сделал все это, чтобы ввести в шахматную партию еще одну фигуру — еще один шанс контролировать пророчество.

Даже Хирон, Аннабет и Гроувер, для которых это событие должно было стать праздником, переживали сильное потрясение, думая о том, что

оно может означать для будущего. А я обнимал ту, кому предначертано было стать моим лучшим другом, а возможно, и моим злейшим врагом.

— Меня зовут Талия, — сказала девушка. — Я дочь Зевса.

notes

Примечания

Частная средняя школа, где готовят к поступлению в престижный колледж. — *Здесь и далее примеч. ред.*

2

Имеются в виду бутылки с горючей смесью.

Игрок в американском или канадском футболе, располагающийся за центральной линией и руководящий атакой.

4

Имеется в виду стрижка.

Мексиканское блюдо — кукурузная лепешка, свернутая пирожком, с начинкой из жареных бобов.

Фамилия Стоулл звучит по-английски почти так же, как stole, что означает — украл, похитил.

Газированный напиток из корнеплодов с добавлением сахара, мускатного масла, аниса, экстракта американского лавра.

Итальянская острая сырокопченая колбаса.

Суфле, изготавливаемое из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала и др. компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне.

10

Козлиная туалетная вода (*фр.*).

По-английски «потрошение» — disemboweling — действительно слегка похоже на боулинг.

Confederate States Ship (*англ.*) — обозначение кораблей армии конфедератов.

Небольшой самолет американского производства.

Традиционный гавайский пир, сопровождаемый музыкой, танцами и пением.

Аталанта — искусная охотница, одна из героинь древнегреческой мифологии. Амелия Эрхарт — американский авиатор, одна из первых женщин-пилотов и первая женщина, перелетевшая Атлантический океан.

Эдвард Тич, по прозвищу Черная Борода, — знаменитый пират, который послужил прообразом капитана Флинта в романе Р. Стивенсона «Остров сокровищ».

Hubris (*греч.*) — спесь, высокомерие.

Hummus (*англ.*) — паста из турецкого гороха.

Названием песни «YMCA» послужила аббревиатура от «Young Men's Christian Association» («Молодежная христианская ассоциация»). В песне воспеваются привлекательные стороны этой религиозной организации.

Кукурузная лепешка с начинкой, блюдо мексиканской кухни.